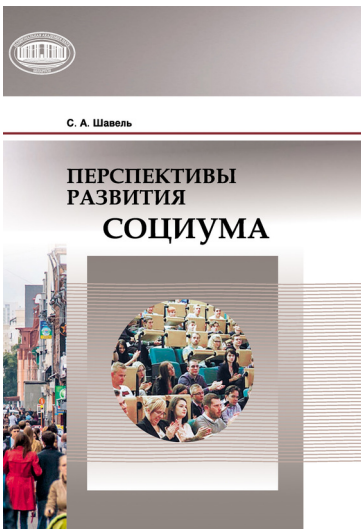

Сергей Шавель

Перспективы развития социума

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2015

Шавель С. А.

Перспективы развития социума / С. А. Шавель — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2015

Изложены методологические аспекты социологического перспективизма, раскрыты эвристические функции категорий «воображение», «детерминизм», «постэкономическое общество». Анализируются социологические перспективы личностного роста, социальной сферы и непосредственного жизнеобеспечения, развития союзного государства Беларуси и России. Раскрыто содержание общественного мнения как обратной связи, стабилизирующей социум. Прослеживается логика дерзания риска в контексте перспектив инновационной деятельности. Предназначена для научных работников и преподавателей вузов, аспирантов и студентов. Будет интересна широким кругам общественности, интересующейся проблемами перспектив развития белорусского социума.

УДК 316.42

ББК 60.5

© Шавель С. А., 2015
© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2015

Содержание

К читателю	6
Предисловие	8
Введение	10
Глава 1	13
1.1. Социологическое воображение как инструмент познания и творчества	13
1. Постановка проблемы	13
2. Гносеолого-креативная функция воображения	16
3. Способность воображения в «Антропологии» И. Канта	17
4. Идеальный тип как плод воображения (по М. Веберу)	27
5. Социологическая интерпретация воображения	32
1.2. Опровержение социального «слева» и «справа»	38
1.3. Неодетерминизм для социогуманитаристики	49
(размышление над статьей М. А. Можейко)	
1.4. Социологический детерминизм в теории и эмпирических исследованиях	61
1. Детерминистское объяснение как функция науки	64
2. Триада детерминизма: Необходимость-Случайность-Свобода	67
3. Логика социологического детерминизма: схема М. Вебера	72
1.5. Постэкономическое общество: новая формация или очередная смена названия	78
Глава 2	87
2.1. Личностные качества – основа человеческого капитала (эмпирико-социологическое исследование)	87
1. Введение	87
2. Методологические аспекты исследования	88
3. Пояснения к методике	91
4. Анализ эмпирических данных по всей выборке	93
5. Взаимозависимость личностных качеств	96
6. Качественная идентификация основных социальных групп	98
7. Личностные качества и инновационная активность	102
2.2. Социальная природа нигилизма: социологический анализ	104
7. Постановка проблемы	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сергей Александрович Шавель

Перспективы развития социума

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ

Институт социологии

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор С. П. Винокурова,
доктор философских наук, доцент Р. А. Смирнова

Издание подготовлено при содействии Аналитического центра ЕсооМ

К читателю

«Душа обязана трудиться...»

У Сергея Александровича Шавеля – классический путь академического ученого. После окончания философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова работа в Белорусском государственном университете и Национальной академии наук... – везде научным сотрудником. За плечами десятки крупных исследовательских проектов, монографии, статьи в ведущих научных изданиях, колоссальный исследовательский опыт, защита двух диссертаций, высшая научная квалификация – доктор социологических наук, профессор.

В отечественной истории ученый – одна из самых престижных профессий. И хотя в последние десятилетия ее сдвинули с пьедестала новомодные профессии, ведущие к быстрому обогащению, всегда будут люди, природная любознательность которых станет исходным мотивом их научных устремлений. И это, по жизни, неискоренимо... Таких людей много не бывает, и приказом им призвание не заменишь. Сергей Александрович как-то назвал этот феномен «загадочным и сверхценным явлением». В призвании, с его точки зрения, слиты «служение и предназначение, образ жизни и смысл бытия, ответственность и свобода, рутина и вдохновение, интеллект и воля, труд и ограничение». Это все о нем самом: упорный труд, методическая дисциплина ума, готовность к строжайшей специализации, к рутинной работе и риску, страсть и вдохновение, знания и убеждения, воображение. С. А. Шавеля трудно представить без «странного упоения» своей проблемой, непонятого постороннему; без убежденности в том, что мир ждал тысячелетие, чтобы появился он для ее решения (точно по М. Веберу).

Становление С. А. Шавеля как ученого проходило нестандартно. Сказывались тяготы военного лихолетья, гибель отца, многих родных и близких, рабский труд мамы, вывезенной фашистами с малолетним сыном в Германию, постоянная нужда на грани голода уже после возвращения на родную белорусскую землю, разоренную оккупантами. Но все эти трудности не помешали Сергею реализовать свою юношескую мечту – стать летчиком. Он успешно закончил Выборгское авиационное училище и сразу же по реформе Хрущева 1961 года был... уволен из армии по сокращению. Шаг к выбору философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова если и казался тогда случайным, со временем все больше выявлял свою закономерность – в признании профессии ученого за трудолюбивым и настойчивым белорусским юношей. Он учился и работал одновременно, десять раз участвовал в строительных отрядах МГУ, студенческих и аспирантских, объехал многие «труднедостаточные» районы России. И не только за «романтикой и запахом тайги», как пелось в популярной песне тех лет, нужно было зарабатывать и как-то в жизни обустраиваться. Кандидатскую и докторскую написал без каких-либо отпусков, не отрываясь от многогранной и сложной научной жизни, совмещал научную и преподавательскую деятельность, много работал по хоздоговорной тематике и постоянно совершенствовался – читал, искал каждую новую публикацию о социологии, стремился самостоятельно экспериментировать и учиться на опыте коллег. Поэтому сегодня написанное С. А. Шавелем отвечает самым высоким образцам качества, отличается новизной и оригинальностью. Он никогда не боится браться за самые трудные и, казалось бы, неподъемные темы, и обязательно находит решения.

Иногда задумываешься: «Что собственно движет человеком, неужели довольствоваться малым – вечный крест по-настоящему талантливого человека?» Хотя что понимать под «малым»? Разве могут быть малыми – личный успех в избранной области знания, признание их научной общественностью, высокий неформальный авторитет? Даже когда было

действительно трудно и стране уже было не до науки, С. А. Шавель не бросил свое дело, а начал усиленно, как и подобает настоящему ученому, искать пути развития своей науки... Он не отчаялся, не сдался, не признал поражение... Собственно, опираясь на таких подвижников, и удалось сохранить и даже приумножить наработки предыдущих поколений, и главное – сохранить научные связи, лучшие традиции, ценности, этику.

На мой взгляд, в основе любого выбора – нравственное начало человека. Высоконравственное понимание жизни формируется средой обитания, практикой, поступками окружающих его людей, и еще готовностью твоей души к сопереживанию. «Душа обязана трудиться...» – вот, по-моему, ключевые слова в понимании сути этого действительно большого ученого и человека. Цельность натуры и трудолюбие просто поразительные... К науке он относится как к высшему божеству – трепетно.

Сегодня на суд читателей Сергей Александрович выносит свою новую монографию, итог последних пяти лет активной работы в науке. Ученого всегда прельщает неизвестность, он стремится опередить время и заглянуть в будущее развитие социума. Как социолог, он пытается раскрыть методологические аспекты социологического изучения социума, обращается к анализу социальных ожиданий, ценностей, потребностей, мотивов деятельности человека. Представляется интересным исследование восприятия людьми мирового экономического кризиса и оценки стратегических подходов к преодолению его последствий. Автор обращается к концептуализации понятия «социальная сфера», обосновывает сферный подход в социологической теории, раскрывает императивы его развития, анализирует перспективы Союзного государства Беларуси и России, динамику общественного мнения о развитии в Беларуси ядерной энергетики.

Многие идеи, лежащие в основе монографии, прошли апробацию в научно-теоретическом журнале «Социология» и в книге представлены в виде теоретического обоснования и анализа практики укоренения белорусской государственности. Книга раскрывает трудности и повседневные заботы обретения веры белорусским народом в свои собственные силы и понимание, что дорогу осилит идущий. В заключительной главе приведено интервью автора «Знать общество, в котором мы живем...» и очень точные портретные зарисовки современников, своих коллег и учителей.

Сергей Александрович и сегодня – весь в заботах, увлечен новыми идеями, как всегда поглощен работой. Вокруг него много молодежи... они учатся быть как их Учитель... – ни в чем себя не жалеть, настойчиво преодолевая трудный путь к истине. Его уважают за мудрость и глубокие знания, он, как и в юности, интересен своей увлеченностью и верой во всемогущество науки. О нем, как в свое время о О. Бальзаке, можно сказать: «его жизнь больше наполнена трудами, чем днями». И свидетельством тому его очередная книга, открывающая новую страницу в социологии, продвигающая нас к таинству расколдовать мир, в котором мы живем, сделать его справедливее и добрее для всех, в нем живущих...

*Александр Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси*

Предисловие

Обращение человека – в его чувствах и мыслях, планах и мечтах – к перспективе любого исполняемого дела, развития тех или иных систем является, с одной стороны, вполне естественным, а с другой – трансцендентным. Естественность данного процесса объясняется присущей человеку способностью к антиципации, т. е. предвосхищению результатов начатого действия, возможного хода событий. Трансцендентность – это выход за пределы, стремление рефлексивно оценить сложившуюся ситуацию, познать вероятностные тенденции ее движения при изменении тех или иных условий. О том, что люди издавна задумывались о своих перспективах, свидетельствует древнее вопрошание «Quo vadis?» – куда идешь? или старославянское «Камо грядеши?» – каково грядущее?

Термин «перспектива» имеет много значений и по-разному используется в начертательной геометрии, проектировании, живописи. Например, анаморфоз – это особая перспектива, при которой искаженная фигура выглядит правильной. Об этом и слова С. Есенина из «Письмо к женщине»: «Лицом к лицу лица не увидать. // Большое видится на расстоянии». Но в индивидуальной и общественной жизни под перспективой понимается взгляд в будущее, выход за горизонт статус-кво – сложившегося положения, выбор определенного варианта, реализуя который, можно «заставить будущее свершиться». Оправдывая одну из альтернатив утопизма как возможного осуществления идеала, А. Веллмер писал: «Ни человеческая жизнь, ни человеческая страсть, ни человеческая любовь, по-видимому, невозможны без утопического горизонта»¹. Автор называет этот горизонт утопическим без какой-либо иронии, потому что это не реальная видимая линия, образно говоря, соединения неба и земли, а линия, сконструированная творческим воображением субъектов, значит, она может быть своя у каждого. Но вместе с тем по законам кумуляции ожиданий и установки на сохранение целостности системы она очерчивает и границы коллективной свободы и, следовательно, по словам автора: «обозначает нормативный горизонт для конкретных утопий, так как определяет неперемное условие того, что можно назвать добропорядочной жизнью в условиях современности»².

Рассматривая историческое понимание человеческой природы, Р. Смит отметил, что такой подход «указывает не только на преходящий характер человеческого познания и присущий ему перспективизм, но также и на его неисчерпаемые возможности»³. Действительно, человеческое познание преходяще – не в том смысле, что оно исчезает и появляется, а потому, что многие знания отходят на задний план, «архивируются», по М. Фуко, их место занимают новые, более актуальные и современные. Но человеку присущ перспективизм, на основе антиципации и других способностей, а также неисчерпаемые возможности, в том числе и сила абстракции (творческого воображения), которая при изучении общества, по словам Маркса, должна заменить естественнонаучные инструменты – микроскоп, химические реактивы и др.⁴

В нашу задачу не входит инструментальная разработка тех или иных конкретных перспектив развития социума в футурологических или прогностических проектах. Мы ограничиваемся размышлениями о методологических аспектах возможного «взгляда в будущее» с социологической точки зрения. Как известно, люди сами творят свою историю и, следо-

¹ Веллмер А. Модели свободы в современном мире // Социо-Логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1. М., 1991. С. 37.

² Веллмер А. Модели свободы в современном мире. С. 37.

³ Смит Р. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М., 2014. С. 327.

⁴ См.: Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. М., 1957. С. 4.

вательно, для представления о возможных вариантах движения необходимо обратиться к анализу социальных ожиданий и ценностей, потребностей и интересов, мотивов и стимулов деятельности людей, что и представляет предметное поле социологической науки.

Выражаю глубокую благодарность члену-корреспонденту НАН Беларуси А. Н. Данилову, который в очередной раз подвиг меня на подготовку работы и очень доброжелательно мотивировал к ней. Признателен также членам Ученого совета Института социологии НАН Беларуси, коллегам, сотрудникам отдела, особенно Д. В. Назаровой, Е. В. Мартищенко, А. Г. Баханову, Г. А. Бабуляк.

Введение

После обретения суверенитета, т. е. независимости и самостоятельности, перед Беларусью, как и другими постсоветскими странами, остро встал вопрос о перспективах дальнейшего движения. Возврат к прошлому был невозможен уже хотя бы потому, что разрушились все связи – политические, экономические, культурные – между бывшими республиками, резко ограничилось возможности человеческих контактов, общения людей и т. д. К тому же многие прежние механизмы были неприемлемы из-за их низкой эффективности и несправедливости (однопартийность, этатизм, тенденции к уравнилительности и многое другое). Но в том, чтобы сохранялись положительные достижения, особенно в экономике, разделении труда и специализации, образовании, культуре, общении и др., большинство населения было согласно.

В качестве альтернативного варианта широко пропагандировалась либеральная модель. Ее предлагали многие международные организации, такие как Всемирный банк, Международный валютный фонд, частные фонды и компании (Сорос и проч.), активно поддерживала так называемая «демократическая оппозиция» в России, Беларуси и других странах. Фундаментальным принципом данной модели является лозунг «laissez faire», понимаемый как невмешательство государства в предпринимательскую деятельность собственников и их частную жизнь, откуда следуют декларации прав и свобод, защиты частной собственности, рыночного обмена и др. В более или менее «чистом» виде либеральная модель существует сегодня только в США, и, кстати, подвергается многосторонней критике, в том числе и внутренней, по ряду позиций. Тем не менее некоторые наши экономисты, не обращая внимания на критику, вновь и вновь прокламируют ее как идеальный проект. Известные белорусские авторы, отвергая возможность возврата к прошлому, пишут: «Есть и другой путь. Есть возможность получить визу в стабильную, благополучную модель... Когда люди увидят, что частная собственность, свободная торговля и предпринимательство дают лучшую систему социальной защиты, лучшую систему безопасности и больше семейной стабильности, они не согласятся на роль статистов в своей родной стране»⁵.

К сожалению, авторы – ни в этой, ни в других своих работах – не анализируют причины отказа Беларуси от либеральной перспективы, несмотря на определенные и соблазнительные обещания. Заметим, что среди некоторых аналитиков и отдельных политических деятелей и в то время, и сегодня расхожим является мнение, что причины отказа коренятся в политических и идеологических основаниях, т. е. прокоммунистических ориентациях руководителей страны и аналогичных стереотипах массового сознания населения.

Но проводя объективный анализ, можно убедиться, что даже если такие настроения имели место, не они решали выбор; главным стал вполне рациональный прагматический подход. Скажем, переход на либеральную модель требовал в экономике полной («обвальнющей») приватизации госпредприятий и всего имущества. Это сопровождалось бы отнюдь не модернизацией, а просто закрытием как неконкурентноспособных на западных рынках многих предприятий. Так ведь и случилось в Латвии с заводами РАФ и ВЭФ, в Греции – с судоверфями и томатными плантациями – голландские парниковые помидоры дешевле, и во всех «новых» странах Евросоюза. В связи с этим естественно было предвидеть всплеск массовой безработицы и рост социальной напряженности.

В социальной сфере необходимо было, по рекомендациям либеральных консультантов, осуществить «шоковую терапию», которая требовала ускоренного перехода на рыночные, т. е. «платные» формы предоставления медицинских, коммунальных, образовательных, транс-

⁵ Зайко Л., Романчук Я. Беларусь. Транзитная зона. Книга для парламента. Минск, 2009. С. 9.

портных и других услуг; немедленной ликвидации субсидирования и дотаций в социальной сфере; введения медицинского страхования, повышения пенсионного возраста и перехода в пенсионной системе от принципа «солидарности поколений» к накопительным схемам и т. д. Следует также учесть тяжелый груз ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. То, что она нарушила нормальный ход жизни, развитие производства, вывела из сельскохозяйственного оборота почти треть территории страны, уже потребовало и все еще требует и сегодня огромных финансовых затрат – известно всем. Но, к сожалению, об этом забывают те критики белорусского пути, которые утверждают, что никакой специфики в ходе реформирования нет и быть не может, – дескать, все постсоветские и даже постсоциалистические страны должны принять единый сценарий. Однако нетрудно смоделировать ход процессов, если бы страна пошла по пути обвальная приватизации и шоковой терапии – с безработицей в 20–30 %, как в некоторых соседних государствах, с ликвидацией бесплатной медицины и образования, с полной оплатой жилищно-коммунальных расходов, электроэнергии, транспортных услуг и т. д.

Надо признать, что и теоретически тезис о всеобщности, универсальности либерального проекта преобразований весьма сомнителен. Конечно, человечество в своем историческом развитии постоянно ищет и находит не только новые, более производительные технологии производства, но и лучшие, более эффективные способы организации общественной жизни и государственного устройства. Однако последние отличаются от первых как раз тем, что возможности их ассимиляции зависят от историко-культурного контекста, менталитета народа и социально-экономических условий. Не случайно еще Гегель подчеркивал: «Нелепо было бы навязывать народу учреждения, к которым он не пришел в собственном развитии»⁶.

Термины «социум» и «общество» в научной литературе используется чаще всего как идеально-типичные понятия-близнецы. Такое употребление можно признать оправданным в тех случаях, когда ради стилистической корректности избегают *Unum et idem* – одного и того же, т. е. повторения, тавтологии, не вдаваясь в экспликацию содержания терминов, ясных по контексту. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек, затратил много сил и времени на опровержение центрального блока сложных социологических понятий за то, что при их образовании слова «общество» и «социальное» употребляются в качестве предикатов, т. е. логических сказуемых, например, справедливость (какая?) социальная, мнение (какое?) общественное и т. д. – всего, по его подсчетам, – более 160 терминов. Хайек признавался: «Принимаясь за работу над книгой, я дал себе зарок никогда не употреблять слов «общество» (*society*) или «социальный» (*social*)»⁷. Всем понятно, что изменения в понятийном аппарате возможны, но необходимо вместо изымаемых терминов ввести и обосновать новые, чего автор и не пытался сделать. Поэтому его инвектива не произвела никакого впечатления на научную общественность, кроме возможного удивления его «терминологическим фанатизмом».

При системном подходе близкие понятия «общество» и «социум» тем не менее могут быть разведены. Общество понимается как определенная целостность (например, страна-государство), включающая прежде всего территорию и все, что создано на ней людьми – от промышленных предприятий, инфраструктурных объектов, логистики до жилищного фонда, средств коммуникации, образования, культуры и проч. Это и есть тот материально-технический комплекс, который обеспечивает жизнедеятельность людей, населяющих данную территорию. Социум же обозначает состав населения, дифференцированного по полу, возрасту, национальностям, конфессиям, образованию, профессиональной принад-

⁶ Гегель Г. Ф. Философия права. М., 1990. С. 383.

⁷ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 189.

лежности и всем другим возможным основаниям группировок. Поэтому, говоря о перспективах социума, мы имеем в виду не овеществленные результаты их деятельности, а именно самих людей, их групп, сообществ и т. д. Термин «социум» шире демографического понятия «население», поскольку последнее отражает только половозрастной состав людей.

В Первой главе изложено авторское понимание методологических аспектов социологического исследования социума: социологическое воображение как творческий подход к предмету изучения, оценка традиционных попыток опровержения социального «слева» и «справа», анализ социологического детерминизма и его роли в теории и эмпирических исследованиях, а также концепции постэкономического общества, как она представлена в работах В. Иноземцева.

Во Второй главе рассматриваются перспективы личностного роста как основа человеческого капитала, приведены результаты компаративного анализа социального самочувствия населения Беларуси и России, раскрывается социальная природа нигилизма. Особое внимание уделено феномену Homo Patiens – человек терпеливый, о котором в социологической литературе практически не упоминается.

Третья глава посвящена социальной сфере и перспективам жизнеобеспечения. Здесь проведена концептуализация понятия «социальная сфера», обоснован сферный подход в социологической теории, раскрыты императивы развития социальной сферы. По результатам социологических исследований рассмотрен институт заработной платы как центральное звено социальной политики, а также социальные ожидания (экспектации) населения в контексте перспектив развития социума. По справедливой оценке Ф. Хайека, «само по себе желание притязателя едва ли налагает какие-либо обязательства на других»⁸. Автор стремится отделить претензии и притязания от ожиданий. Отсюда его следующее утверждение: «Только ожидания, порожаемые длительной практикой, могут налагать обязанности на членов сообщества, составляющих в нем большинство. Это одна из причин, по которой пробуждать ожидания следует со всею осмотрительностью, чтобы человек не брал на себя обязательств, которые выполнить не в состоянии»⁹. Мы считаем, что главное в ожиданиях не длительность практики, а именно то, что они являются реактивными образованиями, формирующимися в ответ на собственные действия актора. Скажем, здороваясь с кем-то, мы ожидаем ответного приветствия, за выполненную качественно и в срок работу ожидаем благодарности и вознаграждения и т. д. В то время как притязания строятся по схеме предоплаты (аванса), поэтому часто они оказываются необоснованными. Что касается осмотрительности пробуждения ожиданий (в труде, семейно-брачных отношениях и т. и.), то замечание Хайека вполне оправдано.

В Четвертой главе представлен анализ совместного с Институтом социологии РАН исследования перспектив Союзного государства Беларуси и России. Рассмотрен большой круг вопросов социально-политического уровня и повседневной жизни людей с точки зрения восприятия их населением обеих стран.

В Пятой главе на ряде примеров показано восприятие людьми мирового экономического кризиса и оценки стратегических подходов к преодолению его последствий. Раскрыта динамика общественного мнения о развитии в Беларуси ядерной энергетики, а также оценки пенсионерами уровня социальной защиты и их удовлетворенности этим процессом.

В Шестой главе представлены ответы автора на вопросы журналиста об актуальных проблемах социологической науки и ее участия в изучении общества и его перспектив развития; а также публикации об известных российских и белорусских ученых.

⁸ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 259.

⁹ Там же. С. 259.

Глава 1

Методологические аспекты социологического понимания социума

1.1. Социологическое воображение как инструмент познания и творчества

1. Постановка проблемы

Воображение – одно из важнейших междисциплинарных понятий, выполняющее в науке многие эвристические, когнитивные, изобретательные, образовательные, коммуникативные, виртуализационные и другие функции. Психологи определяют воображение как «психический процесс, заключающийся в создании **новых** образов (представлений) путем переработки материала восприятий и представлений, полученных в предшествующем опыте»¹⁰. Заметим, что в данной дефиниции, на наш взгляд, сделан чрезмерный акцент на новизну. Безусловно, она, как правило, имеет место, но воображение не только создает, но и обрабатывает по-своему представления, в том числе и в таких формах (даже в науке), как перекомбинация, модификация, аналогия, умное подражание и т. д. Например, скромный английский историк Д. Соммервелл переработал многотомный труд А. Тойнби «*A Study of History*» («Этюды по истории») без ведома автора и мыслей о возможной публикации, только «для собственного удовольствия», по его словам, в два тома. Рукопись поразила даже самого Тойнби, а изданная книга приобрела необычайную популярность¹¹. Вряд ли можно сомневаться, что Д. Соммервеллу понадобился не только текст Тойнби, но и собственное воображение. Не случайно обозреватель К. Бринтон заметил: «Хорошо, если бы другим плодовитым авторам – и, прежде всего, Марксу (можно добавить, пожалуй, также О. Конта, М. Вебера, Т. Парсонса, П. Сорокина и др. – *С. III*) – кто-нибудь сослужил такую же добрую службу»¹².

Воображение играет первостепенную роль также и во всех видах искусства. Приведем для примера слова Даниила Андреева о М. Ю. Лермонтове. Он пишет: «Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры. С самых ранних лет – неотступное чувство собственного избранничества, феноменально раннее развитие **бушующего, раскаленного воображения** и мощного холодного ума; наднациональность психического строя при исконно русской стихийности чувств»¹³. Кстати, и воображение самого Д. Андреева было высочайшим, но его видения были для него «подлинной реальностью, и в этом отличие «Розы мира» хотя бы от «Властилина колец» Толкиена или других сознательно вымышленных миров»¹⁴.

Важное значение имеет воображение в той сфере, которую психологи называют «живым знанием» (В. П. Зинченко и др.). Имеются в виду знания, используемые людьми

¹⁰ См.: Психологический словарь. М., 1983. С. 54.

¹¹ См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

¹² См.: Знамя. 1990. № 2. С. 175.

¹³ Андреев Д. Л. Роза мира // Новый мир. 1989. № 2. С. 179.

¹⁴ Джимбинов С. Предисловие к «Розе мира» // Новый мир. 1989. № 2. С. 177.

в повседневной жизни: общении, социальном выборе, регулировании отношений и поведения, согласовании ожиданий и интерактивных обменов. Австрийский социолог Альфред Шюц (1899–1959) назвал их конструктами «первого порядка», поскольку они регулируют повседневные практики и межличностные отношения прямо и непосредственно, не проходя, как правило, через формальные структуры норм, идущих от партий, корпораций, институтов и др., сохраняя логику здравого смысла и обыденного сознания. Конструкты «второго порядка» образованы на базе институциональных императивов (норм, правил) и представляют собой кристаллизацию накопленного опыта (значений понятий, символов), фиксированного в формах общественного сознания. На уровне «живого знания» воображение способствует интернализации образцов, ценностному определению мотивационной сферы, обобщению и осмыслению чувственных представлений. В. Д. Шадриков отмечает: «В психологическом анализе образ предмета (создаваемый воображением – *С. III*) выступает как совокупность мыслей о свойствах этого предмета. С этих позиций образ представляет собой субстанцию мыслей – образ-субстанцию. Сформировавшись, образ-субстанция будет определять отношения во внутреннем мире человека, обуславливая его мышление»¹⁵. Согласно положению Л. С. Выготского, изложенному в «Педагогической психологии», «мысль, существующая во внутренней речи, приобретает новую функцию внутреннего организатора поведения»¹⁶. Так осуществляется переход от образа воображения к образу-субстанции мысли, которая и регулирует поведение человека. С этой позиции можно попытаться объяснить следующую парадоксальную формулу Ф. И. Тютчева (1803–1873): «Мысль изреченная есть ложь». Поскольку во внутренней речи мысль есть *ab ovo* (изначально) образ воображения, она полностью принадлежит только ему – автору, субъекту, и для него она истина как его идеальный проект. Будучи опубликованной («изреченной»), мысль становится публичной, выходит в поле конкурентной борьбы, вступает в процесс доказательства своей действительной истинности. Мысль возможна и без оформления в словах, как чувство, эмоция. Возможно, поэт хотел привлечь внимание к проблеме относительности, релятивности вербальных утверждений, особенно поэтических. Не случайны ведь и слова поэта: «Нам не дано предугадать, // Как наше слово отзовется»¹⁷. Конечно, имеется в виду не объективная оценка мыслей: никакая коммуникация не была бы возможной, если бы оказался прав древнегреческий философ Кратил и др. в том, что истинное знание невозможно. Тютчев говорит о другом. «Мысль изреченная» – это не копия созданной воображением автора и существующей до поры до времени во внутренней речи. Это ее реификация (овеществление) в знаках или звуках, поэтому она может быть воспринята совсем не так, как имелось в виду, было задумано в оригинале. Это серьезная угроза для поэтических, вообще – художественных мыслей-образов, которые не подвергаются верификации, т. е. проверке на истинность, что, собственно, и беспокоило поэта.

В истории общественной мысли проблематике воображения уделено значительное внимание. В работах философов Д. Юма, И. Канта, Г. Ф. Гегеля, А. Бергсона, С. Булгакова, Н. Бердяева, И. Лапшина и др. многие страницы посвящены данному феномену, причем не только в позитивном плане, но и критически. И. Кант справедливо подчеркивал: «Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазий) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами»¹⁸. При всех тонких наблюдениях и глубоких суждениях этих авторов (кроме И. И. Лапшина) серьезным пробелом является очевидное невнимание к роли

¹⁵ Шадриков В. Д. Образ и слова // Мир психологии. 2014. № 2. С. 83.

¹⁶ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 83.

¹⁷ См.: Мудрость тысячелетий. М., 2005. С. 552.

¹⁸ Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1964. С. 411.

воображения в изобретательности, инновационном поиске (термин «инновация» появился только в XX веке).

К настоящему времени исследовательское поле в данной области заметно расширилось, появились работы о воображаемых сообществах, национальном воображении и др.¹⁹ Новое информационное пространство, утверждение виртуальной реальности потребовали заметной активации воображения не только на высших этажах – наука, программное обеспечение, информационные технологии, – но и в сфере повседневности, в быту. Сложнее, но и актуальнее становятся проблемы прогнозирования будущего, где традиционной методике экстраполяции должна помочь игра воображения.

Огромную значимость приобретает проблема, которую, используя выражение Канта, можно назвать «фасцинирующие» средства и приемы воображения. Имея в виду все то, что пробуждает, развивает, поддерживает и вдохновляет конструктивное воображение, Кант писал: «Изменчивые, приведенные в движение образы..., – например, мерцание огня в камине или капризные пенящиеся струйки ручья, катящегося по камням, даже музыка – могут привести в такое настроение..., что мышление становится не только более легким, но и более оживленным, поскольку оно нуждается в более напряженном и более продолжительном воображении, чтобы дать материал своим рассудочным представлениям»²⁰. Здесь очень тонко («со вкусом») отмечены некоторые внешние влияния, которые пробуждают воображение; мимоходом замечено, что оно дает материал для рассудка, т. е. для дискурсивного, логического анализа.

Вместе с тем в составе представлений, которыми оперирует воображение, значительную часть составляют те, которые восходят к идеям или к полученным в процессе обучения знаниям, а не только к чувственным восприятиям. Школьник, усвоивший теорему Пифагора, оперирует этой идеей в своем представлении, как своей собственной.

Однако А. Эйнштейн утверждал: «Фантазия выше знания»²¹. Судя по общей интенции великого физика, он хотел акцентировать следующее: опора на имеющееся знание, даже при полной востребованности, – это путь в сторону репродуктивного воспроизводства, в то время как наука, искусство, все сферы и институты общества для успешного развития требуют обновления, а значит, новых разработок, прорывов, открытий, инновационных подходов на базе перманентно фасцинирующегося воображения. Интересно, что подобную мысль высказывал еще Аристотель, ставя на первое место проницательность как способность быстро находить средний термин (посылку) силлогизма²².

Парадоксальная мысль Эйнштейна к сегодняшнему дню приобрела, как и его формула $E = mc^2$, сверхмощное значение, и фасцинирование воображения (менее точно – формирование) выдвинулось в число главных приоритетов современности.

Тема социологического воображения, как считал Ч. Р. Миллс (1915–1962), имеет прямое отношение к призванию социолога в веберовском его понимании²³. Социологу воображение необходимо не только, как иногда думают, для творческой работы, в которой высок уровень функции прогнозирования, но и для описания и объяснения (интерпретации) социальных фактов. Самые, казалось бы, простые социологические данные о настроениях людей, их удовлетворенности жизненной ситуацией, ожиданиях, мотивах выбора профессии или товара, готовности участвовать в голосовании и т. п., невозможно объединить меха-

¹⁹ См.: *Андерсон I* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Балакришнан Г.* Национальное воображение // *Нации и национальности*. М., 2002.

²⁰ *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 409–410.

²¹ См.: *Мудрость тысячелетий*. М., 2005. С. 796.

²² *Аристотель.* Аналитики первая и вторая. М., 1952. С. 248.

²³ *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение. М., 2001. С. 3.

нически и представить как аналитический вывод, не включая в полной мере воображение, питающееся от двух источников: а) эмоционально-чувственных восприятий; б) представлений интеллектуального уровня, приобретаемых и пополняемых путем обучения.

Кроме того, важно всегда помнить глубокую мысль Г. Спенсера о том, что без конструктивного воображения нет завершения духовного развития. Для развития социологического воображения полезны упражнения, повышающие чувствительность восприятий, такие как агглютинация – образование производных слов, построение рядов ассоциаций, выявление корреляционных и других связей. «Для воображения, – по словам И. И. Лапшина, – необходима сильная от природы и правильно организованная путем систематического упражнения память. Такая память обеспечивает **яркость** комбинируемых образов и **отчетливость** комбинируемых мыслей»²⁴. Для поддержания и укрепления памяти автор советует «периодически делать синопсис (смотри) своим идеям». Миллс в своих рекомендациях социологу на первое место ставит ведение журнала, записей вообще. «Ведя записи надлежащим образом и тем самым развивая навыки саморефлексии, вы будете учиться поддерживать свой внутренний мир в состоянии бодрствования»²⁵. И, конечно, поскольку большая часть социологической работы – это анализ и синтез идей, необходимо тренировать воображение для их улавливания, отбора, мысленной комбинации, неожиданного сочетания. Для этого полезно решение социологических задач для выработки проницательности, по совету еще Аристотеля, синектики, «мозгового штурма», построения идеально-типических конструкций, в духе Вебера, и многое другое. Нельзя не согласиться с призывом Миллса к молодым социологам: «Будьте мастерами своего дела. Избегайте установленных жестких процедур. Прежде всего старайтесь развивать и применять социологическое воображение»²⁶. А для этого необходимо иметь более полное представление о природе и функциях данного феномена.

2. Гносеолого-креативная функция воображения

В гносеологии, а также в логике и психологии, традиционно выделяются две ступени познания: чувственная и рациональная. Первая включает ощущения, восприятия и представления; вторая – понятия, суждения и умозаключения. В сложном познавательном процессе нас больше всего интересуют представления, ибо они и составляют, прежде всего и главным образом, тот материал, которым оперирует воображение. Сложность понимания и интерпретации представлений состоит в том, что они являются переходным звеном от чувственной ступени (восприятий) к рациональной (абстрактному мышлению) и, вместе с тем, необходимой связью между ними, благодаря которой познание оформляется и функционирует как система. Кроме того, определенную загадочность представлениям придают следующие две особенности: а) то, что они возникают и без присутствия предмета (Кант эту способность созерцания отсутствующего предмета прямо отнес к воображению)²⁷; б) могут находиться в глубинах памяти, а значит, воспроизводить образы и события прошлого.

Как возникают представления? На чувственной ступени познания исходным анализатором является ощущение, несущее сингулярные (одиначные) сведения об одном из признаков предмета, получаемые от единственного рецептора одного из органов чувств. Скажем, если с закрытыми глазами прикоснуться к снежному насту пальцем, то можно узнать только то, что этот предмет холодный. Но на уровне восприятий, когда включаются все органы

²⁴ Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М., 1999. С. 91.

²⁵ Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. С. 222.

²⁶ Там же. С. 254.

²⁷ См.: Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. С. 402.

чувств, становится ясно, что этот предмет (снег) не только холодный, но и белый, скользкий, водянистый, имеющий свой вкус и запах. Восприятия дают комплексную, хоть в основном внешнюю, характеристику предмета, по доступным для восприятия признакам. Если предмета в наличии нет, то создаются его образы, т. е. представления о нем, двумя путями: 1) извлечением из памяти прошлого опыта, например, воспоминанием зимних игр, катания на лыжах, санках и т. и.; 2) конструктивным воображением на основе комбинации тех или иных располагаемых сведений, а также полета свободной фантазии о том, каким мог бы быть данный предмет (явление).

На второй ступени чувственные представления переходят в понятия. Это хорошо видно на примере обучения детей счету в уме. Осуществляется эта процедура сугубо предметно: с помощью палочек или иных наглядных объектов дети осваивают понятие числа как количественного измерения предметов (тех же палочек) и операции с ними – сложения, вычитания и т. д. Использование понятий, т. е. переход к абстрактному мышлению, решительно расширяют поле воображения. В него включаются такие явления, которые трудно или невозможно выразить чувственно, путем перебора внешних признаков (в социологии, например, социализация, идентичность, интернализация и др.), появляется качественный анализ связей и отношений, суждений и логика силлогизмов и др. Применительно к роли социологического воображения сохраняют свое значение следующие слова К. Маркса: «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракций»²⁸. Сила абстракции – это также и проницательность, изобретательность комбинационной способности воображения, оперирующего всеми доступными интеллектуальными представлениями о социальной реальности – как преобладающими, так и вновь создаваемыми.

Воображение работает по схеме «диссоциация – ассоциация». И. И. Лапшин пишет: «Оригинальный мыслитель диссоциирует привычные связи мыслей. Он разрушает кажущееся сходство явлений А и В и вскрывает более глубокое внутреннее сходство между, по-видимому, совершенно несходными явлениями С и Д»²⁹. Диссоциация, т. е. разделение, расчленение, есть начальный этап человеческого мышления, необходимый для получения более подробных частей, элементов и проведения их углубленного анализа. Такое суждение имеет самостоятельное значение, особенно в логике деления понятий, классификации, систематизации и др. Но не менее важно и то, что всякая диссоциация порождает новые ассоциации выделенных элементов, а значит, как отмечал И. Кант, fasciniрует (побуждает) воображение. В качестве примера fasciniрующего действия Кант приводит адвоката, имевшего привычку, произнося речи, наматывать на палец ниточку. Однажды адвокат противной стороны, большой хитрец, вытащил у него из кармана эту нитку, что привело его в крайнее замешательство, так что он говорил чистый вздор; про него и сказали, что он «потерял нить речи»³⁰.

3. Способность воображения в «Антропологии» И. Канта

В мировой философской литературе термин «воображение» используется широко и повсеместно. Однако чаще всего имеются в виду или обыденное понимание воображения как фантазии, грезы и т. и., или наглядная презентация предмета (явления) в символической форме (модели, схемы, чертежи), или же стремление передать семантику метафорически с помощью иных слов и понятий, таких как интуиция, мнемоника, эмпатия и т. д. Такая вариативность заметна даже у ряда авторов, посвятивших свои работы исследова-

²⁸ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1956. С. 4.

²⁹ Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. С. 91.

³⁰ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Соч.: в 6 т., Т. 6. С. 410.

нию творчества (А. Бергсон, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.), т. е. той области, в которой воображение играет первостепенную и решающую роль. Без воображения невозможна антиципация – способность предвосхищения еще не совершившихся событий или будущих результатов предполагаемого действия; нельзя построить идеал как образ (результат воображения) цели деятельности объединенных вокруг общей задачи людей; вести инновационный поиск, изобрести нечто новое в науке, искусстве, других сферах жизни. Способность воображения – атрибутивная характеристика самой человеческой природы, выделяющая его из животного мира. Имея в виду эту способность, К. Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей – архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»³¹.

Учитывая столь важную роль воображения в человеческом познании и деятельности, изначально существовала потребность в глубоком философском анализе данного явления. Одним из тех, кто предпринял усилия в этом направлении, был родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант (1724–1804). Особенность его подхода, благодаря которой он сохраняет определенное эвристическое значение до наших дней, состояла в том, что он попытался соединить гносеологические, антропологические, психологические и эстетические («суждения вкуса») воззрения на данную проблему. В известной работе посткритического периода «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) он посвящает воображению отдельный небольшой раздел, наряду со многими интересными замечаниями в других местах, особенно в «Критике способности суждения» (1790). Судя по контексту, Кант стремился выйти за пределы общих деклараций, раскрыть структуру воображения, показать его место в ряду познавательных и мотивационных категорий, отметить возможность ошибок и заблуждений, оценить средства, с помощью которых пытаются ситуативно повысить или вообще развить способность воображения.

По определению Канта, «воображение (лат. *facultas imaginandi* – возможность воображения) есть способность созерцаний и без присутствия предмета»³². Встречается также понимание воображения «как способности к априорным созерцаниям»³³. Эти дефиниции нуждаются в некоторых лингвистических уточнениях. В русском языке слово (термин) «созерцание» имеет несколько значений: а) пассивное наблюдение; б) разглядывание, например, картины или иных экспонатов музея; в) антоним действия, практического акта; г) чувственная ступень познания («живое созерцание»). Ни одно из этих значений не вполне адекватно немецкому термину *Anschauung*, который ввел К. Вольф путем перевода латинского слова *intuitio* – интуиция. По словам Г. Арзаканьяна, осуществившего сверку и исправление терминов русского издания «Критики чистого разума» (2006), все переводчики Канта на не германские языки переводят *Anschauung* как интуицию. «Мы, – замечает автор, – решили сохранить термин «созерцание» и в этом издании»³⁴. На наш взгляд, применительно к воображению такой перевод не вполне точен, поскольку невольно акцентируется «чув-

³¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1956. С. 185.

³² Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 402.

³³ Там же. Т. 5. М., 1966. С. 190.

³⁴ Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 702.

ственность» (ощущения и восприятия), в то время как воображение имеет дело со всем доступным человеку материалом.

Кант разделил воображения на 4 вида, сохраняющиеся, кстати, и в современной психологии: а) продуктивные и б) репродуктивные; в) произвольные и г) произвольные. Продуктивным, по Канту, является воображение «первоначального предмета, которое, следовательно, предшествует опыту. Сюда относятся «чистые» (т. е. априорные. – С. III) созерцания пространства и времени; все остальные предполагают эмпирическое созерцание, которое, если оно связывается с понятием о предмете и, следовательно, становится эмпирическим познанием, называется **опытом**»³⁵.

Репродуктивным является производное от имеющегося в душе, прежде эмпирического созерцания, которое и воспроизводится. Произвольное (активное) воображение требует некоторых психологических усилий от человека. При высоком уровне творческой деятельности воображение сознательно направляется на решение инновационной задачи поискового типа.

Непроизвольное воображение не зависит от человека (сновидения) или зависит немного в здоровом состоянии (грезы и пр.).

Помимо этой основной классификации Кант широко использует метафорические названия данного явления, оттеняя с помощью эпитетов характерные особенности того или иного воображения. Так, он выделяет воображения **воссоздания** – восстановление образа по описанию, рисунку и т. д.; **символические** – оперирующие символами; **блуждающие** – перескакивающие в разговоре с одной темы на другую, **ассоциативные** – по логике ассоциаций: сходства, смежности, причины; **мнемические** – основанные на воспоминаниях; **конструктивные** – связанные с построением образов, созданием композиции в искусстве; **рефлектирующие** – анализ собственных состояний и переживаний, хода дел, достижимости целей, адекватности путей и средств их реализации и т. д.; **прогностические** – направленные на будущее; **мечтательные** – формирование желательного, хотя и несколько отдаленного состояния, образа; воображения типа «**Als ob**» – «**как если бы**»; **идеальные** – направленные на создание идеала, например, красоты, гармонии, справедливости и пр.

Вместе с тем, несмотря на столь богатое и детальное членение, кантовская классификация воображений не свободна от противоречий и спорных моментов, некоторые из которых дискутируются до сегодняшних дней. Прежде всего это касается учения об априорных формах познания. Заявив, что человек обладает априорным, т. е. доопытным знанием, и отказав последнему в каких-либо опосредованиях опытом, Кант не попытался ответить на вопрос о происхождении таких знаний. Ведь, казалось бы, наблюдения за маленькими детьми показывают, что они осваивают окружающий мир путем проб и ошибок, позже на вербальной стадии – приобретают знания от родителей, учителей и т. д. Наука того времени не могла даже поставить проблему априоризмов. Кант, собственно, решал философскую (гносеологическую) дилемму: сознание человека при его рождении представляет собой *tabula rasa*, т. е. чистую доску или же оно содержит какие-то врожденные идеи (знания). Поскольку оба эти варианта несостоятельны, то Кант предложил в своей терминологии третью позицию. Согласно ей, априоризмы – это не знания в их семантической определенности, а формы знания, т. е. организационные схемы, функциональные структуры и когнитивные принципы, благодаря которым только и возможно правильное человеческое познание.

Априоризмы многократно изгонялись из науки и философии, но они вновь и вновь возвращаются. Так, лауреат Нобелевской премии, биолог К. Лоренц говорит о них как о «великом и фундаментальном открытии Канта»: человеческое мышление и восприятие обладают

³⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 402.

определенными функциональными структурами до всякого индивидуального опыта»³⁶. Сегодня можно поставить и тот вопрос, от которого уклонился Кант: «Откуда же взялись эти структуры?» Для биолога-эволюциониста ответ очевиден: они унаследованы от предков, исторически выработались в процессе адаптивной эволюции как биологического вида. «В то время как традиционная философия, – отмечает В. Г. Борзенков, – рассматривала в качестве субъекта познания исключительно зрелого образованного европейца, эволюционный подход предполагает поиск генетической обусловленности этих способностей, их дифференциации, актуализации в процессе онтогенеза, филогенетических корней и т. д.»³⁷.

Из современных разработок, близких к кантовской доктрине априоризма, приведем в качестве примеров три следующие: а) теорию архетипов Карла Юнга (1875–1961), б) учение о лингвистических универсалиях («Генеративная лингвистика») Ноэма Хомского (родился в 1928 г.), и в) Концепцию опережающего отражения П. К. Анохина (1918–1974).

Согласно теории Юнга, архетипы (буквально «первичные образы, модели») – это наследуемая часть психики, образцы, предрасполагающие людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. Архетипы, как «врожденные идеи или воспоминания»³⁸ презентуют содержание коллективного бессознательного. Как известно, последний термин, а также оригинальное толкование Юнгом либидо – не как только сексуальной энергии, а как творческой жизненной потенции личностного роста, – стали «яблоком раздора» между З. Фрейдом и К. Юнгом. «Коллективное бессознательное, – по словам Л. Хелла и Д. Зиглера, – представляет собой хранилище латентных следов памяти человечества... В нем отражены мысли и чувства общие для всех человеческих существ и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого»³⁹. Как говорил сам Юнг, «в памяти есть область, в которой хранится **опыт предшествующих поколений**», образованный совокупностью архетипов. По этому поводу психолог В. Н. Колесников резонно заметил: «Но мы привыкли думать, что вспомнить можно только то, что сам видел, но забыл»⁴⁰. Не случайно авторы известного словаря отметили: «Юнговское понятие архетипов сформулировано в традиции платонизма, согласно которому идеи присутствуют в разуме богов и служат моделями всех сущностей человеческого космоса. Понятию архетипа предшествовали также априорные категории восприятия Канта и прототипы Шопенгауэра»⁴¹. Символом наиболее важного архетипа «Самости» (единства и целостности личности) является, по Юнгу, мандала-санскритское название «магического круга», т. е. сложной фигуры с квадратом в круге или круга в квадрате. Другие архетипы, такие как Персона, Тень, Мудрец, Анима (женское начало в мужчине), Анимус (мужское – в женщине) и т. д., имеют свою символику, соответствующую их предназначению. Для нас важно отметить, что теория архетипов приобрела большую популярность и влияние на интеллектуальную общественность не столько характером априоризма (врожденности и наследования) в ней, сколько идеями духовной связи человечества, единства и преемственности поколений. Эти идеи впервые были выдвинуты философией «русского космизма» в таких категориях, как «соборность», «общее дело», позже – «ноосферность» и др. К сожалению, западная мысль, работающая и сегодня в основном в рамках «методологического индивидуализма», не восприняла их, а революционные потрясения в начале XX века сделали невозможным творческое развитие данного направления и на Родине. Юнг и его последователи не упоминают о россий-

³⁶ Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // Человек. 1997. № 5. С. 22.

³⁷ Борзенков В. Г. Единая наука о человеке за пределами редукционизма // Человек. 2012, № 2. С. 28.

³⁸ Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Минск, 2001. С. 200.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуальности. М., 1995. С. 89.

⁴¹ Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб, 2009. С. 44.

ских предшественниках в широком социогуманитарном плане, сосредоточиваясь на психологической стороне архетипов и других категорий. Юнг, как известно, избежал обвинений в поддержке нацизма и был реабилитирован, что продлило его творческую жизнь еще на 16 лет. Но сегодня возрастает потребность в анализе социологических и философских аспектов поставленных им проблем, особенно в связи с глобализацией и повышением конфликтности современного мира. Крайне важно также раскрыть объективную связь теории архетипов и других тем аналитической психологии Юнга с логикой мысли русского космизма. Эту задачу, по-видимому, наиболее успешно могут решить отечественные исследователи.

Заслуживает внимания идея лингвистических универсалий, выдвинутая американским социолингвистом Н. Хомским. Сравнив четыре тысячи языков народов мира, он обнаружил, с одной стороны, их существенные отличия друг от друга звуками и символами, с другой – сходство по синтаксису, т. е. способу сочетания слов в предложении, а значит, по форме мысли. С его точки зрения это обусловлено «глубинными структурами», в основе которых лежат укорененные в человеческой психике и мозге «врожденные настройки». Они то и определяют правила («схема универсальной грамматики») образования «наполненных значениями предложений и объясняют переводимость одних языков на другие»⁴².

В этом, далеко не беспредметном, споре нетрудно заметить расхождения, источником которых являются разные понимания природы знания. При сугубо рационалистической трактовке знания (позитивизм) как логически правильного дедуктивного вывода или индуктивного обобщения чувственных и/или экспериментальных данных врожденным оно быть не может. Более того, все вне- и доопытные сведения, не укладывающиеся в рациональную схему, к знанию не причисляются. Тем самым из совокупного тезауруса исключаются здравый смысл, интуиция, суждения вкуса (И. Кант), метафизические трансцендентные и ценностные умозаключения. Но если к знанию относят любые когнитивные формы (мнения, убеждения, верования и т. д.), которые способствуют правильной ориентации в мире и оптимизации решений в ситуации выбора, то ответ не столь очевиден.

Под опережающим отражением понимаются некоторые когнитивные акты относительно объектов (явлений), которые актуально не присутствуют в познавательном поле (в сфере чувственного восприятия), хотя могут быть представлены в нем виртуально. Факты такого отражения широко известны по наблюдениям над животными. А. М. Коршунов писал: «Опережающее отражение у животных связано либо с врожденными программами – инстинктами, либо с программами, приобретаемыми в ходе индивидуальной жизнедеятельности, – пожизненно формирующимися функциональными системами»⁴³.

У человека опережающее отражение проявляется в формах целеполагания, воображения, проектирования, инновационной деятельности, вообще во всем и везде, где требуется не просто репродукция, производство по шаблонам, а творческий подход. Однако, несмотря на повседневную представленность феноменов опережающего отражения, его природа длительное время оставалась невыясненной, а категориальный статус – неопределенным. Выдающийся русский физиолог П. К. Анохин (1918–1974) раскрыл физиологический механизм опережающего отражения и показал, что оно является регулятором становления и развития любой функциональной системы.

Согласно традиционной модели, идущей от Декарта, рефлекторная деятельность является целенаправленной и адаптивной. Но возникает вопрос: как организм узнает о том, что желаемая цель достигнута? «Весь имеющийся в арсенале нашей нейрофизиологии материал, – писал П. К. Анохин, – не может дать нам ответа на этот вопрос... Нет никаких видимых с обычной точки зрения причин, почему одна из афферентаций стимулирует централь-

⁴² См. \ Дорфман Л. Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М., 2003. С. 79.

⁴³ Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М... 1971. С. 60.

ную нервную систему на дальнейшую мобилизацию рефлекторных приспособительных актов, а другая – наоборот, останавливает приспособительные действия»⁴⁴. В поисках ответа были введены новые термины, приобретшие впоследствии общенаучное концептуальное и методологическое значение. Это «обратная афферентация», ставшая прообразом обратной связи в кибернетике (афферентация (лат. *afferenc* – приносящий) – возбуждение, передаваемое по нервным волокнам от иннервируемых тканей к центральной нервной системе); «акцептор действия» (от лат. *acceptare* – принимать, одобрять) – контрольный аппарат в нервной системе, основанный на сильном наследственном безусловном рефлексе и связанный с условным раздражителем; «опережающее отражение» – «заготовленный комплекс возбуждений», существующий в организме до того, как оформился сам рефлекторный акт. Организм узнает о достижении цели путем сравнения информации, поступающей по каналу обратной афферентации с заготовленным комплексом возбуждений. В случае несовпадения возникает необходимость в дальнейшей мобилизации рефлекторных актов, т. е. продолжения действия. Заготовленный комплекс состоит из генетической программы и следов прошлого опыта. Это и есть физиологическая основа опережающего отражения, благодаря ему организм «знает» цель и, соответственно, стимулирует или останавливает рефлекторные действия. Кроме того, он заранее «умеет» дифференцировать раздражители (стимулы), четко выделяя те, которые соответствуют наследуемым безусловным рефлексам.

Идеи Анохина позволяют понять и психологический уровень опережающего отражения. Безусловно, если исходить из абстрактной пассивно-созерцательной модели гносеологического субъекта, то опережающее отражение невозможно. Восприятие, тем более копирование, фотографирование несуществующего объекта было бы не более чем фантомом, призраком. Но реальный человек – существо активное, адаптивно-адаптирующее, целеполагающее. Постановка цели связана прежде всего с предвидением – пусть и неточным, маловероятным и т. д. – результата деятельности, а следовательно, с формированием плана, созданием идеального образа объекта и схемы (проекта) его изменения. Человек вообще не работает непосредственно с объектами, он всегда конструирует предмет деятельности, исходя из цели и свойств объекта, существенных в данном отношении. Одно дело, когда дерево рубят на дрова, другое – на строительство дома. Таким образом, опережающее отражение и есть мысленное конструирование предмета деятельности из тех элементов действительности, которые доступны и адекватны целям человека.

В социологической методологии априорными можно признать такие постулаты, как системность социума, функциональный подход, антропный принцип и ряд других, независимых от индивидуального опыта отдельного человека.

В кантовском понимании воображения нельзя не отметить, что ему не всегда удается добиться строгости и ясности употребляемых терминов, которые особенно важны в такой работе, как «Антропология», уже потому, что она адресована «широким кругам» читателей, т. е. всем и каждому. Так, в толковании продуктивных воображений появляются некоторые противоречия. С одной стороны, он вновь и вновь доказывает, что такие воображения не могут быть творческими: «Хотя воображение, – пишет Кант, – великий художник, более того, волшебник, тем не менее, оно не имеет творческого характера, а всегда должно заимствовать **материал** для своих порождений из чувств»⁴⁵. Это утверждение вполне в духе сенсуализма Д. Локка с его тезисом: «В уме не может быть ничего, чего бы не было в чувствах», на что его современник Г. Лейбниц остроумно возразил: «Кроме самого ума». Так и у Канта: воображения получают данные органов чувств, как-то их обрабатывают, не создавая при

⁴⁴ Анохин П. К. Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и их значение для психологии // Вопр. психологии. 1955. № 6. С. 26; Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. С. 44.

⁴⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 404.

этом ничего нового. «Продуктивное воображение, – в его толковании, – все же не бывает творческим, т. е. способным породить такое чувственное представление, которое до этого **никогда** не было данным нашей чувственной способности; всегда можно доказать, что для такого представления материал уже был..., желтый и синий цвет, смешиваясь, дают зеленый цвет, но воображение никогда не могло бы породить ни малейшего представления об этом цвете, если бы мы не видели его смешанным»⁴⁶. Приведенный пример (о цвете) *как будто бы* убедителен: действительно, не увидишь процесс смешивания желтого с синим, не узнаешь, как появился зеленый цвет. А «как будто бы» потому, что нужно, во-первых, провести резиньякцию холистического (целостного) процесса познания с выделением «чистых» форм: чувственности, рассудка и разума; во-вторых, термину «представление» – промежуточному между чувственной и рациональной ступенями познания придать исключительно обыденное (не научное) значение. Кант, кажется, не задумался над тем, что когда-то смешение цветов было проведено впервые: случайно ли, перебором проб, а может быть, и проективным воображением, если того требовала практика.

С другой стороны, Кант утверждает, что художник, прежде чем представить телесную фигуру осязаемо, должен изготовить ее в своем воображении. «Тогда эта фигура есть творчество, которое если оно произвольно (например, во сне) называется **фантазией**, если же оно управляется волей, оно называется **композицией, изображением**»⁴⁷. Здесь Кант подошел к центральному пункту понимания воображения: не только как психического процесса, но и в широком инновационном плане. Продуктивное воображение присуще только человеку, и оно должно не только создавать новые образы (представления) в сознании, но и при благоприятных условиях вести к изображению, по крайней мере поддерживать, стимулировать поиск в таком направлении, хотя бы ассимилировать и реализовывать чужие проекты. В этом и состоит его высшее сознательное предназначение, что непосильно так называемым чистым формам, в том числе и «чистому разуму», как это показал сам Кант на примере антиномий чистого разума⁴⁸.

Применительно к науке справедливы следующие слова А. Эйнштейна: «Сформулировать проблему гораздо важнее, чем решить ее; последнее скорее зависит от математических или экспериментальных навыков. Для того чтобы задать новый вопрос, открыть новую возможность, посмотреть на старую проблему с новой точки зрения, необходимо иметь творческое воображение, и только оно движет науку вперед»⁴⁹. Кант во всех своих работах проявил блестящие образцы такого воображения, однако ему, видимо, изменила интроспекция (самонаблюдение), ибо в данном случае он не пошел вглубь проблематики изобретения, сосредоточившись на важных, но более периферийных аспектах рассматриваемой темы. Уже то, что он, говоря об изобретении, ссылается на художника, а не на ученого, политика и др., показывает, что творческий пафос первого кажется ему наиболее очевидным. Но здесь же, противореча себе, он заявляет: «Если же он (художник) изготавливает по образцам, которые не могут встречаться в опыте, то они называются причудливыми, неестественными, карикатурными... Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазий) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами»⁵⁰. Противоречие здесь в том, что произведение, выполненное по образцам опыта (которые встречаются в опыте), трудно бывает отнести к изобретениям, а не к репродукциям. К тому же отождествление воображения с фантазией, встречающееся и сегодня в некоторых психологических работах, нельзя признать

⁴⁶ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 403.

⁴⁷ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 412.

⁴⁸ Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 341.

⁴⁹ Einstein A., Infeld L. The Evolution of Physics. N.Y. 1938; см. также: Маслоу А. Г. Мотивация и личность. М., 2001. С. 369.

⁵⁰ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 411.

корректным. Формально они похожи, поскольку оперируют представлениями, но фантазия, в принципе, свободна от любых ограничений, в том числе и от законов науки (гравитации, сохранения энергии и пр.), поэтому легко создает *Perpetuum mobile*, новые источники энергии, гиперboloиды и т. и., и чаще всего этим и занимается. В то время как воображение, о котором говорил Эйнштейн, ограничено уровнем знания, ресурсов и других возможностей, имеет определенные цели и решает те задачи, которые служат достижению этих целей, требует огромных волевых, интеллектуальных и иных усилий.

Научное воображение отличается от фантазии, по крайней мере в одном, но решающем, пункте, а именно, оно методически дисциплинировано. В силу этого компетентный профессионал не станет изобретать «вечный двигатель», не займется темами из области лженауки; он знает, что они табуированы, понимает, почему это сделано и осознанно поддерживает такие запреты и ограничения. Кант, своим сближением, вплоть до отождествления, фантазии и воображения, ушел от анализа изобретательства, ограничившись только постановкой вопроса. Спустя некоторое время эту линию в философии продолжили другие, в числе которых особенно выделяется русский философ И. И. Лапшин (1870–1952), автор известной работы «Философия изобретения и изобретение в философии».

У Канта по данной теме можно выделить также следующие положения.

1. О возбуждении или сдерживании воображения. Автор называет различные вещества – яды, грибы, напитки и пр., влияющие на воображение, показывает последствия их использования, отмечает позитивное воздействие таких, казалось бы, не заслуживающих внимания источников, как огонь в камине, пенящиеся струи ручья, музыка и др. Преувеличенное восхваление, отмечает Кант, особенно делаемое заранее, до знакомства с объектом, вызывает не усиление, а ослабление воображения, – в силу некоторого разочарования. Эта мысль весьма подходит к практике современной рекламы, с ее завышенными оценками и бесконечным повторением на TV, радио и в прессе. Здесь же приводится пример о «потерянной нити речи», который уже упомянут нами выше. Кант пишет, что в силу выработанной привычки внимание не рассеивается посторонними ощущениями, «но воображение может при этом тем лучше продолжать нормально действовать»⁵¹. Отсюда можно сделать вывод о пользе правильных привычек для стимулирования воображения.

2. О видах чувственной способности к творчеству. Кант выделяет три вида чувственной способности к творчеству: изобразительную (пластическую), ассоциирующую и способность сродства.

Изобразительная способность (*imagination plastica*) есть изображение предмета в пространстве по представлениям воображения. Канта особенно заботит качество воображения. «Причудливые вымыслы, – по его словам, – представляют собой как бы сновидения бодрствующего человека»⁵². Кант имел в виду художников, и уже тогда предостерегал от опасности перверсивного (извращенного) уклона в свободной игре воображения. Увы, современное искусство не прислушивается к великому мыслителю. Причудливые вымыслы с доминированием сексуальных и танатологических мотивов, стали модой, приобрели безумную коммерческую цену, многократно превзошли то, что Кант называл естественными, т. е. идущими от жизненного опыта, представлениями. Здесь же мы находим оригинальные мысли автора о сновидениях. По его мнению, сновидения восстанавливают жизненные силы человека своим воздействием на организм. Он пишет: «Жизненная сила, если бы она постоянно не возбуждалась сновидениями, совсем бы угасла и очень глубокий сон обязательно приводил бы к смерти»⁵³. Вместе с тем Кант, вопреки сонму толкователей

⁵¹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 410.

⁵² Там же. С. 411.

⁵³ Там же.

сновидений, категорически против того, чтобы принимать их за откровения из какого-то невидимого мира.

Ассоциирующая способность есть созерцание во времени (*imaginatio associans*). Возможно, было бы более корректно назвать эту способность диахронической, поскольку она включает только последовательность ассоциаций во времени. «Закон ассоциации, – утверждает Кант, – гласит: эмпирические представления, часто следовавшие друг за другом, создают в душе привычку: когда появляется одно из них, вызывать и другие»⁵⁴. Физиологического объяснения этого требовать напрасно, выдвигаемые гипотезы не прагматичны, т. е. неприменимы на практике. В то же время, если взять, например, народные приметы о погоде: это не гадания, их некоторая статистика основана на последовательных реальных наблюдениях. Конечно, это только локальные наблюдения, и основанные на них прогнозы могут быть близки к истине, если не происходят глобальные катаклизмы.

Способность творчества по средству означает нахождение общего корня (начала, основания) разнородных представлений о предметах (явлениях) воображения. Кант объясняет химический смысл слова «средство» как единства веществ, дающих при соединении нечто третье, но имеющее такие свойства, которые возможны только благодаря их соединению. Житейским проявлением такой способности является умение выдерживать определенную тему (до ее исчерпания), на которую нанизывается все многообразие мыслей, относящихся к ней. Здесь к чувственности присоединяется рассудок, т. е. понятийный аппарат, и ассоциация происходит сообразно с рассудком, «хотя и не как исходящая из рассудка».

3. Краткий анализ недостатков воображения, которые, по Канту, «заключаются в том, что его (воображения) вымыслы бывают или просто **необузданными**, или же **нелепыми**. Последний недостаток самый худший, ибо он сам себе противоречит»⁵⁵. В качестве примера Кант приводит ужас арабов перед каменными изваяниями людей и животных в пустыне Рас-Сем (Ливия). Религиозное воображение представляет, что это проклятие превратило их в камни (первый тип вымысла), и что в день всеобщего воскресения животные зарычат и спросят у скульптора, почему он не дал им душу (второй тип вымысла). Прошло столько времени, казалось бы, все это – не более чем «преданья старины глубокой, дела давно минувших дней». Но сравнительно недавние телерепортажи о том, как яростно талибы громили в Афганистане лучший в мире памятник Будде, говорят о другом. А вымыслы западных журналистов и политиков о причинах конфликта в Украине, о ходе боев на Юго-Востоке, о сбитом «Боинге» и т. д. и т. и. – требуют, по-видимому, дополнения кантовской типологии вымыслов.

4. Память как необходимое условие творчества. «Память, – по определению Канта, – отличается от чисто репродуктивного воображения тем, что она способна **произвольно** воспроизводить прежнее представление, что душа, следовательно, не есть только игра воображения»⁵⁶. Репродуктивным называется такое воображение, которое воспроизводит образы по уже имеющимся актуальным представлениям (образцам). Так, дети рисуют геометрические фигурки – треугольник, ромб, квадрат и др. – на основании имеющихся у них знаний, но если учитель предложит изобразить то, что они рисовали вчера, это будет обращение к памяти. Формальными достоинствами памяти являются: быстро запоминать, легко вспоминать, долго помнить.

По Канту, запоминание может быть механическим, изобретательным или рассудительным. Первое основывается на многократном буквальном повторении, например, заучивание таблицы умножения. Торжественные тексты (присяга, молитва, клятва и др.), в которых

⁵⁴ Там же. С. 412.

⁵⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 418.

⁵⁶ Там же. С. 419.

нельзя изменить ни одного слова, представляют большую трудность даже для людей с прекрасной памятью, и они часто прибегают к чтению по бумажке – из-за опасения ошибиться. Современные технические средства суфлирования, подсказки – ушные микрофоны, мониторы за кадром и др. – существенно облегчают трудности публичного выступления, но тем более ценится умение говорить «от себя», а не зачитывать текст, часто подготовленный другими (спичрайтеры, помощники и т. д.).

К изобретательному запоминанию Кант относит способ запечатления представлений по ассоциации. Несмотря на большую популярность данной теории, развиваемой и сегодня неоассоцианистами, Кант высказал некоторые сомнения в ее эффективности. Он писал: «Для того чтобы легче удержать нечто в памяти, ее еще больше обременяют побочными представлениями; следовательно, **нелепо** сочетать то, что не может быть объединено под одним и тем же понятием, – это неправильный образ действия воображения»⁵⁷. Отсюда его критика всяких иллюстраций, как навязывания без всякой нужды ассоциациями совершенно несходных представлений. Он иронично называет «волшебным фонарем школьного учителя» азбуку с картинками, Библию или даже пандекты (религиозные сюжеты) в картинках.

Рассудительным является запоминание «по мыслям деления системы (например, системы Линнея), когда позабытое можно восстановить, понимая логику связи звеньев в системе. Это, по Канту, лучший способ запоминания: в нем рассудок помогает воображению, а воспоминания основываются на топике, т. е. определенных местах классов, которые располагаются как книги в шкафах библиотеки. Нельзя, считал Кант, пренебрежительно отзываться о людях с феноменальной памятью, (Пико делла Мирандола и др., из современных – известный российский мнемонист С. Шерешевский), о полигисторах (эрудитах). Их заслуга в том, что ими собран сырой материал, хотя для его обработки нужны другие умы – с высокой способностью суждения. Кант приводит слова Платона: «Умение писать погубило память (отчасти сделало ее излишней)», но лишь частично соглашается с ним. По его оценке, «умение писать всегда останется превосходным искусством..., оно заменяет самую обширную и самую лучшую память, недостаток которой оно может возместить»⁵⁸.

Таким образом, в изложении Канта, память абсолютно необходима для творчества. Даже механическое запоминание, например, при изучении языка, расширяет возможности творчества: за счет повышения кругозора, улавливания особенностей другой страны и их ассимиляции, свободы общения и т. д. В отличие от репродуктивного воспроизводства память произвольна и селективна. Представления памяти не просто складываются и сохраняются, они подвергаются значительным изменениям, в том числе и забыванию, которое очищает место для новых, часто более актуальных представлений. И. А. Бунин, на вопрос, почему он не ведет дневников, ответил: «А зачем? Все нужное остается в памяти, а ненужное уходит». Мысленная обработка «текстов» памяти, анализ и синтез с выделением существенного и второстепенного, общего и специфического, ведет к переконструированию образов, переосмыслению и переоценке прошлого и возникновению новых – представлений творческого воображения.

Во времена Канта изучение памяти находилось в зачаточном состоянии, первые попытки объективного исследования относятся к концу XIX века. Поэтому не стоит упрекать автора за то, что он что-то упустил, скорее следует удивиться тому, что он заметил и зафиксировал. Раньше говорили, что письменность убила память, Кант это опроверг. Сегодня жалуются, что дети не знают наизусть стихотворений, что Википедия и прочие «поисковики» вытесняют память. Но ведь, как показал Кант, рассудительное запоминание требует иной памяти: не значений слов, а смыслов мест (топики). Даже для того чтобы грамотно исполь-

⁵⁷ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 420.

⁵⁸ Там же. С. 422.

зовать все возможности мобильного телефона, необходимо помнить больше вариантов (рядов или классов), чем в некоторых учебниках. Значит, память изменилась не по глубине или объему, а по содержанию. Дефиниции терминов запоминать не нужно, раз есть словари, но знать, где, как, и быстрее найти ответы, надо назубок.

Сегодня разрешена древняя загадка: почему человек плохо помнит свое детство до трех лет, даже часто больше? Канадские ученые выявили, что образование новых клеток головного мозга стирает старые воспоминания. Поскольку в раннем детстве клетки центра памяти растут очень быстро, связь между ними разрушается; в результате память о детских впечатлениях извлечь невозможно⁵⁹. Кант же называл одним из самых непримиримых врагов памяти «привычку в искусстве убивать время и делать себя бесполезным для людей, а впоследствии и сетовать на то, что жизнь коротка»⁶⁰. С этим трудно не согласиться.

4. Идеальный тип как плод воображения (по М. Веберу)

В трудах М. Вебера можно найти, пожалуй, больше, чем у других классиков социологии, того, что правомерно отнести к плодам воображения (не путать с толстовскими «плодами просвещения»). Правда, сам Вебер чаще всего называет и этот процесс, и его результаты фантазией. Так, он подчеркивает: «Наша фантазия, безусловно, может часто обходиться без такого точного понятийного формулирования в качестве средства **исследования**; однако для изображения, которое стремится быть однозначным, применение его в области анализа культуры в ряде случаев совершенно необходимо. Тот, кто это полностью отвергает, должен ограничиться формальным, например историко-правовым, аспектом культурных явлений»⁶¹. Речь идет о формообразовании понятий, необходимых для адекватного постижения и понимания социальных, в данном случае культурных, явлений; к этой мысли мы еще вернемся, а пока обратим внимание на употребленный автором термин «фантазия», вместо напрашивающегося по контексту воображения.

Дело в том, что понятия эти близки друг другу в двух моментах: во-первых, они оперируют общим материалом, а именно – представлениями; во-вторых, оба способны продуцировать образы предметов (явлений), находящихся вне зоны восприятия, или, как отмечал Гегель, «вызывать образы и представления, когда уже нет соответствующего им созерцания, и дают им **самим по себе** входить в сознание»⁶². Акцентируя эти моменты сходства, отдельные авторы имеют в виду их синонимичность и пишут «воображение», добавляя в скобках «фантазия»⁶³. Фантазия отличается высокой степенью свободы от многих ограничений – семантических, лексических, логических и других норм, которые регулируют продуктивное воображение.

Одним из важнейших вкладов Вебера в социологическую методологию является его концепция идеального типа. Эту концепцию правомерно было бы назвать имажинативной, т. е. созданной (изобретенной, придуманной) творческим воображением автора, однако такое словоупотребление отсутствует, главным образом, из-за противоречивых интерпретаций основного термина и его производных. Между тем в социологии существуют два основных пути получения нового знания: 1) выводной, когда знание следует из анализа эмпирического материала – статотчетов, данных наблюдений, опросов и т. д., например, причины разводов, предпочтения в выборе товаров, социальные ожидания разных групп населения и др.; 2)

⁵⁹ См.: АиФ. 2014. 1 окт. С. 40.

⁶⁰ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. С. 422.

⁶¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 394.

⁶² Гегель Г. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 186.

⁶³ См. Психологический словарь. Под ред. В. В. Давыдова и др. М., 1983. С. 34.

креативный, в котором новое знание есть плод творческого воображения: перекомбинации и синтеза множества мысленных представлений, например, вывод о том, что глубинная причина разводов связана с рассогласованием взаимных ожиданий. Веберовский «идеальный тип» создан по второму варианту. О данной конструкции, как отмечал французский социолог Раймон Арон (1905–1983), «уже так много написано..., но уступка (использование обычных терминов. – С. III) не должна приводить к забвению обязанности строго определять научные понятия»⁶⁴. Да, об идеальном типе написано много, но нас в данном случае интересует как раз то, что, кажется, совсем обойдено вниманием, а именно – роль социологического воображения (*imagination*) в создании данной конструкции. Конечно, Вебер знал примеры идеализации в математике (точка – тело, не имеющее размеров) и естествознании (абсолютно упругое тело – способное восстанавливать свой объем и форму и др.); термин «идеальный тип» встречается у Э. Дюркгейма, правда, не категорично, а как аналогия, но в социологию, другие «науки о культуре» его ввел Вебер. Однако прежде чем пытаться выяснить, как он это сделал, целесообразно ответить на вопрос, который часто опускается: зачем ему понадобилась идеально-типическая конструкция?

Сам автор отмечает: «Мы обычно имеем дело просто с особым случаем формообразования понятий, которое свойственно наукам о культуре и в известном смысле им необходимо. Нам представляется полезным характеризовать такое образование понятий несколько подробнее, так как тем самым мы подойдем к принципиальному вопросу о значении теории в области социальных наук»⁶⁵. В этих словах мы видим изначальное введение в проблемную ситуацию, суть которой в том, что имеющиеся приемы дефинирования новых понятий представляются недостаточными, или, используя любимый термин Вебера, «неадекватными» стоящим задачам. Далее он поясняет свою мысль: «Разве могут быть такие понятия, как «индивидуализм», «империализм», «феодализм», «меркантилизм», «конвенционально» и множество других понятийных образований подобного рода... быть определены посредством «беспристрастного» **описания** какого-либо явления или посредством абстрагированного сочетания черт, общих **многим** конкретным явлениям? Сотни слов в языке, значение которых лишь зримо ощущается, а не отчетливо мыслится»⁶⁶. Не удовлетворен Вебер и классическим родо-видовым способом образования понятий. По его мнению, «дефиниция по схеме *genus proximus, differentia specifica* (общий род, видовые отличия), конечно, просто бессмысленна»⁶⁷. Нет сомнения, что многие социологические понятия таким образом не определены, поэтому широко используются приемы, сходные с определением, описанием, характеристиками, дефинициями через отрицание и т. д. Справедливо указано в одном из учебников: «В логике и эпистемологии до сих пор не было точного и до сих пор нет общепризнанного определения самого термина «определение», а это значит, не ясно, что имеется в виду под данным термином, и все разговоры в таком случае могут превращаться, по словам одного мыслителя, в «шелуху слов» вместо мыслей»⁶⁸. Одним словом, постановку проблемы Вебером можно признать актуальной не только для его времени, но в определенном смысле и для сегодняшнего дня. Важно отметить, что на этом этапе воображение автора направлялось на выделение приемов образования понятий (по возможности всех имеющихся приемов), перекомбинацию их элементов, синтезирование с выходом на новый, до сих пор не используемый или осмысленно не освоенный вариант.

⁶⁴ Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М., 2000. С. 156.

⁶⁵ Вебер М. Избранные произведения. С. 388.

⁶⁶ Там же. С. 392.

⁶⁷ Там же. С. 393.

⁶⁸ Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика. М., 1994. С. 393.

Что же такое идеальный тип и как он конструируется? Идеальный тип представляет собой имажинативный (созданный воображением) мысленный конструкт (понятие или систему), выражающий исследуемый фрагмент социальной реальности в его индивидуальном своеобразии, логической непротиворечивости и смысловой адекватности (рациональности). Вебер подчеркивает: «Подобные понятия являют собой мысленные конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно дисциплинированная **фантазия** рассматривает в своем **суждении** как адекватные»⁶⁹. Как видим, здесь прежде всего акцентируется объективная возможность, а это значит, что в проектируемой конструкции не должно быть ничего, что в изучаемых обстоятельствах места и времени для нее невозможно. Например, в идеальном типе средневекового городского хозяйства не может быть централизованного теплоснабжения, очистных полей аэрации сточных вод, не говоря уже о таксопарках или аэродромах. Термин «фантазия», как и «утопия» в других местах, приводит многих исследователей в смущение, – они находят противоречие у Вебера. Так, Л. Г. Ионин в хорошей энциклопедической статье пишет: «Итак, идеальный тип – что же это: априорная конструкция или эмпирическое обобщение?»⁷⁰ При этом, как нам представляется, недостаточно учитываются два момента: во-первых, то, что идеальный тип не выводное, а имажинативное знание – плод творческого воображения социолога; во-вторых, что Вебер говорит не просто о фантазии как о совершенно свободном вымысле, а о «научно дисциплинированной фантазии», которая вооружена, но и ограничена, всем арсеналом логики и методологии науки, т. е. является правильным воображением, которое никогда не включит в свои «вымыслы», например, летающих людей – левитантов, инопланетян и вообще все то, чем наполнены современные фантазии. Для Вебера такой дилеммы, отмеченной Иониным, не было, он принимал и то и другое. Действительно, воображение, чтобы быть продуктивным, должно работать с определенным материалом, выраженным в представлениях – как эмпирических, так и известных изобретателю теоретических результатах. Но оно трансформирует и комбинирует этот материал по-своему, теми способами, которые не использовались другими для получения нового знания в исследуемой им области. Можно только пожалеть, что Вебер не написал работу о социологическом воображении. Многие заготовки для нее содержатся в тех же исследованиях идеально-типического конструирования, изобретательства по сути.

«По своему содержанию, – замечает Вебер об идеальном типе, – данная конструкция носит характер **утопии**, полученной посредством **мысленного** усиления определенных элементов действительности»⁷¹. Термин «утопия» дезориентирует многих интерпретаторов текста, использующих уничижительный вариант данного термина, возникший после выхода книги писателя и канцлера Англии Томаса Мора «Утопия» (1516), т. е. «место, которого нет», иначе говоря, иллюзия, несбыточная мечта, неосуществимое пожелание или просто бред. Ретроспективно к «утопистам» отнесли всех тех, кто выдвигал проекты «идеального общества», в том числе Платона, Протагора, Ксенофонта, Лао-Цзы, Шан-Яна, многих христианских мыслителей, позже Кампанеллу, Ф. Бэкона, Оуэна, Фурье и других, вплоть до трактата И. Канта «К вечному миру» (утопия?) и социальных романов А. А. Богданова. Сегодня все чаще звучат голоса о необходимости реабилитации утопии, выделения из ее обывательского понимания тех проектов, которые остались втуне не потому, что противоречили законам науки, общественной морали или природе человека, а по социально-политическим условиям своего времени. Не случайно Р. Арон использовал термин «ухрония» – время, которого нет, позволяющий описывать вневременные связи, например, корреляционные и др.

⁶⁹ Вебер М. Избранные произведения. С. 393.

⁷⁰ Ионин Л. Г. Вебер // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 156.

⁷¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 389.

Не трудно заметить, что если в приведенном тексте Вебера слово «утопия» заменить одним из нарицательных его значений, скажем иллюзия и т. и., то вместо вполне определенного суждения получится чистый оксиморон, типа «жареный лед». Следовательно, Вебер под утопией имел в виду не ее расхожее значение, а только имажинативную идею, т. е. созданный воображением образ или проект. При таком понимании все становится на свои места: идеальный тип образуется путем усиления antecedентов, т. е. уже имеющихся существенных, значимых признаков того фрагмента действительности, которые выделяются в качестве предмета социологического исследования. В свете этого понятно, что априорными в идеальном типе могут быть не содержательные компоненты, а только те нормы – логические, сематические, методологические и пр., которые регулируют познание и изобретательную направленность воображения.

Упор отдельных авторов на то, что идеальный тип только вспомогательный инструмент познания действительности, представляется несколько двусмысленным. Если вспомнить пример К. Маркса о том, что плохой архитектор отличается от хорошей пчелы тем, что сначала он строит дом в голове, т. е. идеально, то нельзя не признать эвристичность сравнения. Более того, человек отличается не только от пчелы, но и от всех животных наличием воображения. Но возникает вопрос: как быть, если архитектор построил дом с отопительными батареями внутри стен и половина тепла обогревает улицу? Вебер, по-видимому, сказал бы, что нарушена логика построения идеального типа дома: главные атрибутивные признаки, такие как тепло- и энергосбережение, экономичность принесены в жертву внутреннему интерьеру, в частности, гладким, без навесных батарей, стенам, что в наших климатических условиях недопустимо. Может быть, он добавил бы, что такой архитектор ниже пчелы, поскольку отопление, как и вентиляция, в ульях устроено именно идеально. А это значит, что правильное конструирование подобных идеальных типов из вспомогательного средства становится центральным. То же можно сказать и об идеальном типе руководителя капиталистического предприятия. Вебер утверждает, что следует иметь в виду не среднего, а именно типичного менеджера или директора. Но идеальный тип создается не путем обобщения, скажем, тестовых показателей IQ, ригидности и т. и., чем занимаются психологи, а путем имажинативной рационализации. Социолог может создать такой образ (портрет) на основе анализа биографических данных и должностного пути, экспертных оценок, общественного мнения и т. д., и, сравнивая реальные портреты с идеальным типом, помогать избавляться от недостатков, усиливать достоинства, одним словом, правильно решать задачи подбора соответствующих кадров. Понятно, что это формализованная процедура и она не абсолютна. Но она противостоит разным приблизительным методам (проб и ошибок) или полулегальным (кумовство, синекура и т. и.). «Конечно, – замечает Р. Арон, – чтобы выявить то, что отличает руководителей капиталистических предприятий друг от друга, прибегают к преувеличению признаков «идеального типа». С другой стороны, пренебрегают случайным. Но индивиды должны более или менее представлять собой качества, которые необходимы для понимания термина»⁷². Имеется в виду, что каждый руководитель должен знать свое дело, уметь ладить с людьми, обеспечивать прибыль, рентабельность, конкурентоспособность – все это атрибутивные признаки идеального типа, а вот игра в гольф, шахматы или увлечение альпинизмом – это случайное, чем можно пренебречь.

В работе «Основные социологические понятия» Вебер приводит пример, демонстрирующий, как должен использоваться идеальный тип. Он обращается к австро-прусской кампании 1866 г., ставшей решающим шагом на пути к объединению Германии в единое государство, что случилось в 1871 г. Хотя этот пример исторический, но он вполне понятен и нагляден. **«Необходимо, – подчеркивает Вебер, – сначала (мысленно) установить, как в**

⁷² Арон Р. Цит. раб. С. 158.

случае идеальной целерациональности расположили бы свои войска Мольтке (Пруссия) и Бенедикт (Австрия), если бы каждый из них был полностью осведомлен не только о той ситуации, в которой находился он, но и о ситуации противника. Затем с этой конструкцией сравнивается фактическое расположение войск в упомянутой кампании, чтобы посредством такого расположения каузально объяснить отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой, личными качествами полководца или нестратегическими факторами. Таким образом и здесь (латентно) используется идеально-типическая конструкция»⁷³.

Как видим, здесь, как и во всех других случаях, идеальный тип выполняет свою главную эвристическую функцию, можно сказать то предназначение, ради которого он создан, а именно – быть своего рода образцом, эталоном, стандартом, относительно которого измеряются и оцениваются те явления, которые избраны социологом в качестве предмета своего исследования; тем самым анализ становится внутренне компаративным, он не требует обязательного обращения (для соизмерения) к другим кросс-культурным данным, а главное – расширяется комбинационное поле воображения и работа приобретает столь необходимое в науке качество оригинальности, новизны. Здесь же Вебер подчеркивает: «В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонения от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения – непосредственная задача социологии»⁷⁴. Идеальный тип, в отличие от оценивающих суждений, индифферентен, он не имеет ничего общего с каким-либо видом перфекционизма, кроме чисто логического совершенства. «Есть, – пишет Вебер, – идеальные типы борделей и идеальные типы религий, а что касается первых, то могут быть идеальные типы таких, которые с точки зрения современной полицейской этики технически «целесообразны», и таких, которые прямо противоположны этому»⁷⁵.

Говоря об образовании идеальных типов, Вебер специально предостерегает против понимания этого процесса как «просто забавы» или «чистой игры мыслей». «Существует лишь один критерий: в какой мере это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и **значении**. Тем самым в образовании абстрактных идеальных типов следует видеть не цель, а **средство**»⁷⁶. Действительно, он много сил потратил на то, чтобы выработать строго научное понятие «западный капитализм». Еще в «Протестантской этике...» выделялись такие признаки, как: а) рациональная организация производства и всех сфер жизни (рационализм – судьба западного мира); б) труд на крупных предприятиях; в) отделение работы от домашнего очага; позже он называл и другие признаки: получение прибыли, дисциплинирование и т. д. Но вот его заявка на создание идеального типа капиталистической культуры, а значит, и отличие ее от других как исторических, так и современных культур, по-видимому, так и осталась пожеланием. Не случайно следующее замечание Р. Арона: «Говорят, что его справедливо упрекали (в частности, фон Шелтинг) в том, что все понятия наук о культуре под его пером превратились в идеальные типы»⁷⁷. Безусловно, это не так: там, где существует общий род и определенные термины могут быть подведены под него логически правильно и осмысленно, там создание идеального типа излишне. Многие социологические понятия удовлетворительно определяются по родо-видовым признакам: миграция – перемещение в пространстве со сменой места жительства, занятость – наличие рабочего места, капитал человеческий – совокупность сущ-

⁷³ Вебер М. Избранные произведения. С. 624.

⁷⁴ Там же. С. 624.

⁷⁵ Вебер М. Избранные произведения. С. 399.

⁷⁶ Там же. С. 392.

⁷⁷ Арон Р. Цит. раб. С. 158.

ностных сил человека и т. д. Но есть понятия, такие как игра, здоровье, совесть, активность, сфера, реальность, виртуальность и др., которые таким путем образовать трудно, что, собственно, и побудило Вебера к созданию своей концепции идеального типа.

Этот способ, названный Вебером формообразованием понятий, трудно даже назвать определением, хотя он соответствует одному из требований данной процедуры: он, действительно, устанавливает пределы (опредЕлитель – с ударением как в польском языке) и отграничивает термины друг от друга. Но это мысленная конструкция, созданная исследователем путем отбора, усиления и перекомбинации тех признаков изучаемого явления, которые он находит существенными, возможными и логически осмысленными.

5. Социологическая интерпретация воображения

Социологи, как и все другие ученые, художники, вообще творческие люди, с большим воодушевлением отзываются о воображении, видя в нем, как правило, действительный, творческий («божественный») дар. Так, английский философ Давид Юм (1711–1776), завершая свой «Трактат о человеческой природе», в котором, кстати, немало и социологического материала, писал: «От начала и до конца всей этой книги налицо весьма значительные претензии на новые открытия в философии; но если что и может дать автору право на славное имя **изобретателя**, так это то, что он применяет принцип ассоциации идей, который пронизывает почти всю его философию. Наше воображение обладает громадной властью над нашими идеями. И нет таких идей, которые отличались бы друг от друга, но которые нельзя было бы разъединять, соединять и комбинировать в любых вариантах»⁷⁸. В этом высказывании прекрасна мысль о работе воображения с идеями, особенно возможность их комбинирования, благодаря чему и появляется новое знание. Что же касается преувеличенной роли ассоциаций, то еще Гегель, имея в виду Локка и Юма, заметил: «Различные способы связывания представлений **очень неточно** были названы **законами** ассоциации идей»⁷⁹. Говоря об огромной роли воображения в построении восприятий, русский мыслитель И. И. Лапшин писал: «Истолкование природы какого-нибудь предмета предполагает соучастие воображения; нутро видимых вещей, внекругозорные представления (т. е. представления предметов, находящихся вне сферы непосредственного поля зрения), представление содержания чужой душевной жизни – все это осуществляется благодаря конструктивной работе воображения»⁸⁰. Заметим, что названные автором императивы конструктивного воображения в полной мере характерны и для социологии. Действительно, «нутро видимых вещей» само по себе не открывается наблюдателю-социологу. Еще К. Маркс подчеркивал: «Если бы форма проявления и сущность («нутро». – *С. III*) вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя»⁸¹. К тому же большинство социальных явлений (процессов) в их индивидуальной форме существования и протекания находятся вне поля непосредственного зрения, а значит, требуют оперирования представлениями о них в идеальном (мыслительном) плане. И, конечно, понять чужую душевную жизнь можно только через представления, рождаемые эмпатией, сопереживанием, партиципацией (сопричастностью).

В творческом процессе можно выделить две стороны: преднамеренную и непреднамеренную. Первая характеризуется наличием цели, например, защита диссертации; она требует в основном рациональных действий, с участием побудительных эмоций и ценностных ориентаций, а также конвергенции психологических способностей, усвоенных знаний

⁷⁸ Юм Д. Соч.: в 2 т., Т. 1. М., 1966. С. 809–810.

⁷⁹ Гегель Г. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. С. 186.

⁸⁰ Лапшин И. И. Изобретательность в философии и философия изобретения. М., 1999. С. 103.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 25, ч. 2. С. 384.

и когнитивных навыков, волевых усилий и т. д. в направлении достижения цели. Вторая сторона представляет собой свободную игру ассоциаций, произвольную комбинацию представлений, пробование, фантазирование. Такая неупорядоченность оперирования представлениями вызывает непонимание, особенно в научной работе, где, как считают, важнее всего следовать определенной логической схеме. С подобными ограничениями трудно согласиться, хотя разумная мера полезна. Так, Г. Спенсер в своей «Автобиографии» писал: «Наклонность строить воздушные замки, надо полагать, считается вредной, однако я отнюдь не уверен в этом. В умеренной степени она мне представляется благодетельной. Ведь это **игра конструктивного воображения**, а без последнего нет завершения духовного развития. Я думаю, что во мне эта наклонность возникла из самопроизвольной активности духовных сил, которые в последующей жизни послужили средством к более высоким достижениям»⁸². В устах Спенсера эти слова особенно весомы. Из-за слабого здоровья он не посещал школу, занимаясь самообразованием, поэтому остался самоучкой, хотя еще при жизни, благодаря высокой эрудиции, смелости суждений, оригинальности мышления, был назван «английским Аристотелем». Спенсер – один из немногих ученых, кто в своей «Автобиографии», названной им полушутливо «естественной историей самого себя», дал серьезную и достаточно подробную характеристику своего творческого процесса. Так, он детально, шаг за шагом описывает процесс выработки системы эволюции – от зарождения идеи, ее расширения, включения общества, анализ факторов и механизмов социальной эволюции, влияние Ламарка, Бэра и других авторов, мотивационные импульсы, публикации и др., вплоть до рассуждений об ожидаемом будущем человечества. Этот рассказ весьма поучителен с точки зрения не поиска истинности или устарелых положений автора, а именно обучения социологическому воображению. Становится понятным, что Спенсер не случайно сказал, что без конструктивного воображения невозможно завершение духовного развития, а с ним и стремления к более высоким достижениям.

Вторым классиком социологии, оставившим интересные воспоминания о своем творческом пути, является Талкотт Парсонс (1902–1979). В отличие от самоучки Спенсера, Парсонс получил престижное образование, учился не только в США, но и в Англии и Германии, стал профессором знаменитого Гарварда. Видимо поэтому он не обращает внимания на те побочные влияния, которые фасцинировали (возбуждали) воображение Спенсера, сосредоточившись на идейных истоках в своих поисках. В оригинале его публикация названа «От создания теории социальных систем к персональной истории», но предложенная русской редакцией «Интеллектуальная автобиография» стала более чем адекватной. Парсонс не употребляет термин «воображение», но фактически имеет в виду его интеллектуальный уровень. Первоначальный – диссертантский – замысел состоял, по его словам, в том, чтобы «извлечь социологию Маршалла из его ортодоксального или «неклассического» подхода и проанализировать способ ее (социологии) соединения с его строго экономической теорией»⁸³. Далее Парсонс скрупулезно вспоминает и перечисляет всех авторов, чьи идеи он использовал в своих разработках. «Книга «Структура социального действия», – отмечает Парсонс, – была представлена как исследование идей разных авторов о современном социально-экономическом порядке, капитализме, свободном предпринимательстве и т. д., и одновременно как анализ теоретической конструкции, на базе которой эти идеи и интерпретации формировались»⁸⁴. Среди этих авторов названы М. Вебер, Э. Дюркгейм, В. Парето, А. Маршалл; в другой работе Парсонс добавляет: «не упуская из вида и Маркса»⁸⁵. Парадокс в том,

⁸² Спенсер Г. Автобиография – Киев, 1906. С. 290. (Цитируется по Лапшину И. И., см. указ, раб. С. 93.)

⁸³ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография // Социологический журнал. 1995, № 2. С. 75.

⁸⁴ Там же. С. 76.

⁸⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 21.

что исследование чужих идей, как бы оно не переоценивалось, не может выйти за границы историко-социологического экскурса, в то время как работа Парсонса приобрела несомненное теоретическое значение, несмотря на вызванные ею дискуссии и часто необоснованную критику. Почему и как это произошло? В автобиографии исчерпывающего ответа нет, в других работах Парсонс доказывает, «что это нечто гораздо большее, чем эклектическое собрание не связанных между собой теоретических идей»⁸⁶.

Не вдаваясь в содержание дискуссий, обвинений и оправданий (разъяснений) автора, отметим следующее. С точки зрения социологического воображения позиция Парсонса логична и продуктивна. Да, он использует идеи предшественников или коллег, но не в качестве готовых выводов, что было бы если не плагиатом, то компиляцией или эпигонством, а как материал (представлений) своего воображения, которое их обрабатывает – диссоциирует, комбинирует, прибавляет, синтезирует – так, чтобы выявить эмерджентные свойства и получить новое знание. Нет сомнения, что Парсонс немало сделал для реализации этих целей. Это касается и расширения понятийного аппарата за счет новых терминов, и выявления некоторых скрытых проблем (социального порядка, устойчивости общества, интернализации и др.), и обоснования новых аналитических подходов и т. д. С особым удовлетворением Парсонс говорит о схеме «переменных образцов ценностной ориентации». Он подчеркивает: «Моя книга «Социальная система», помимо упорядочения ею общепринятой социологической мудрости, держалась на двух идеях, которые можно считать оригинальными. Первая нацеливала на прояснение отношений между социальными системами, с одной стороны, и психологической (или личностной) и культурной системами – с другой. Второй особенностью книги было обдуманно систематическое использование схемы переменных образцов в качестве главного теоретического каркаса для анализа социальных систем»⁸⁷.

Оригинальность этих идей, авторство и значимость для социологической науки, кажется, никто не отрицает.

Отметим еще один малоизвестный факт биографии Парсонса. Он рассказывает, как «начал проходить официальный курс психоаналитического обучения». Психоаналитиком он не стал, да и заниматься врачебной практикой никогда не намеревался, тем не менее, сделал вывод в форме инверсии представлений воображения. «Этот опыт, – пишет он, – помог мне «отучиться» от чрезмерного увлечения психоаналитическим уровнем рассмотрения человеческих проблем и, следовательно, стал своеобразным коррективом к воздействию первоначального чтения Фрейда и ранних этапов моего изучения медицинской практики»⁸⁸. Этот пример показателен в плане как отбора идей, так и их адекватного оценивания.

Заслуживает внимания и то, что Парсонс в работе «Роль идей в социальном действии» выделил наряду с экзистенциальными и нормативными идеями также идеи воображаемые (*imaginative*), т. е. имажинативные. «Их содержание, – по его мнению, – относится к сущностям, которые не мыслятся существующими и актер не чувствует обязанности их осуществлять»⁸⁹. В качестве примеров называются утопии или совершенно фантастические ситуации в романе. Вопрос о позитивной роли таких идей влечет за собой новые проблемы, выходящие за рамки работы. «Этот тип идей упомянут здесь лишь для завершения классификации»⁹⁰. Судя по этим словам, он не пытался эксплицировать продуктивное воображение, поэтому и свой творческий процесс он характеризует достаточно опосредованно.

⁸⁶ Там же. С. 22.

⁸⁷ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография. С. 94–95.

⁸⁸ Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография. С. 89.

⁸⁹ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 539.

⁹⁰ Там же. С. 539.

К сожалению, мы вынуждены опустить многих из тех, кто достоин рассмотрения в рамках заданной проблематики социологического воображения, – Э. Дюркгейма с его коллективными представлениями, В. Дильтея с его пониманием другого как сопереживанием, К. Маркса с его мысленным конструированием виртуального объекта в идеальной форме и др. Каждый социолог так или иначе – продуманно или стихийно – стремится развивать свое воображение. Однако рефлексивного анализа этого процесса не так уж много.

В этом плане нельзя не отметить известную работу Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959). Не только потому, что это первый заметный труд с интригующим, по тем временам, названием, и не потому, что он критически относился не только к социологическому истеблишменту, но и к другим его видам, и т. д. Книга эта, по справедливому замечанию Г. С. Батыгина, «остаётся одной из классических работ по социологии»⁹¹; вопреки критике, многие «воображения» Миллса стали подлинной реальностью и, несмотря на прошедшие годы, ряд проблем сохраняют свою актуальность.

Применительно к данной теме можно отметить, что Миллс, также как Спенсер и Парсонс, ведет рассказ о своих творческих поисках, но не в форме мемуаров, а как рефлексию над своей самой известной работой «Властвующая элита», с выходом на рекомендации молодым авторам. Подход Миллса к социологическому воображению нельзя отнести к вполне стандартным. Так, он не пытается определить, дать понимание исследуемого феномена, или найти аналогии в истории, привлечь знание из смежных наук, той же психологии. Вместо этого следует заявление: «Я намерен утверждать, что общественность – журналисты, артисты, ученые – начинают возлагать надежды на то, что можно назвать социологическим воображением»⁹². Здесь есть недосказанность, метафоричность, которую автор не захотел или не смог преодолеть.

Оригинальность Миллса состоит в том, что для него социологическое воображение не только как *sine qua non* (необходимое условие) призвания и профессии социолога, но и базовый элемент культуры, способствующий успешному развитию общества. Именно поэтому он подчеркивает: «Посредством социологического воображения человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим – в точке пересечения биографии и истории общества»⁹³. Это глубокая гуманистическая мысль, но пока эта задача столь же трудно осуществима, как и во времена Миллса. К сожалению, нельзя не признать оправданными те скептические прозрения в этой области, которые высказывал в свое время автор. «Думаю, – писал он, – что социологическое воображение становится главным знаменателем нашей культурной жизни и ее отличительным признаком. Однако отдельные индивиды и широкая общественность в сфере культуры овладевают им медленно и часто на ощупь; многие обществоведы лишены его напрочь. Они как будто не подозревают, что без его развития и использования не удастся выполнить возложенную на них общекультурную миссию, возможность реализации которой коренится в классических традициях общественно-научных дисциплин»⁹⁴.

И сегодня актуальнейшей проблемой остается формирование социологического воображения как профессионалов, так и населения. В связи с этим обратимся к работе П. Штомпки «Формирование социологического воображения. Значение теории». Сама постановка проблемы (темы анализа) в высшей степени обязывающая, но вместе с тем и не однозначная. Автор имеет в виду воображение студентов-социологов в период университетского обучения. Он отмечает: «В большой мере обучение социологическому воображению – сино-

⁹¹ Батыгин Г. С. Предисловие к книге Ч. Р. Миллса «Социологическое воображение». М., 2001. С. 7.

⁹² Миллс Ч. Р. Цит. раб. С. 9.

⁹³ Там же. С. 12.

⁹⁴ Там же. С. 19.

ним обучению социологической теории»⁹⁵. Исходя из этой посылки, значительную часть своей статьи он посвятил анализу теории. Однако опыт показывает, что далеко не все «медалисты», отличники по курсу теории, проявляют в дальнейшем высокую проницательность и изобретательность, т. е. демонстрируют превосходство в социологическом воображении на деле. Поэтому многие преподаватели считают, что развивать воображение необходимо или с помощью специальных методик, о чем говорилось выше, или такой перестройкой учебных курсов, чтобы акцентировалось внимание не на их запоминании, а на способности студента комбинировать, синтезировать, предлагать собственные, пусть и не самые лучшие, решения. Ведь слова Эйнштейна о том, что «фантазия выше знаний» – это не фраза, а обобщение трудного опыта научного поиска и находок. Думается, Штомпка против такого подхода не стал бы возражать.

Автор приводит следующее определение: «Социологическое воображение – это способность связывать все, что случается в обществе, со **структурным, культурным и историческим контекстом**, с индивидуальными и коллективными действиями членов социума, при понимании вытекающих отсюда **разнообразия** и различий социальных форм»⁹⁶.

Возможно, такое понимание будет пригодным для «Большой социологической теории» или для исторической науки в понимании Тойнби, но вряд ли практикующий социолог, в своем конкретном исследовании фрагмента социальной реальности, сможет и захочет связывать «все, что происходит в обществе» с определенным контекстом, объяснять это через действия, выделять разнообразия и различия форм. Все это полезно для формационных, цивилизационных, постэкономических и других глобализационных теорий, но они суть предметы других наук – социальной философии, политологии, политической экономики и т. д. Социологическое воображение как оперирование чувственными и интеллектуальными представлениями отличает: 1) правильно организованная память, в том числе и на теоретические знания; 2) широта комбинационного поля; 3) дисциплинированная фантазия, т. е. способность придумывать неожиданные сочетания представлений; 4) подвижность элементов в комбинационном поле воображения; 5) стремление придумывать новое – изобретать, перекомбинировать, творить.

Большое сомнение вызывает заимствованная у Мертонса идея «дисциплинированного эклектизма». Штомпка утверждает: «Это следует внушать студентам-социологам..., как свободу от одностороннего догматизма»⁹⁷. Но давно известно, что эклектизм (в любых обертках) не лучше догматизма. А чтобы научить студентов, образно говоря, нанизывать разрозненные куски на один шампур, требуется не воображение, а усидчивость, ибо воображение перекомбинирует все это в некоторую целостность.

Для того чтобы показать, как пробуждать воображение, воспользуемся имажинативным (придуманым) примером П. Бергера (в нашем изложении). На некоем острове живет племя. Всего у них вдоволь, нет только одного продукта (может быть, соли или воды), за которым они два раза в год отправляют экспедиции через бурный, кишасий акулами пролив, где риск погибнуть весьма велик. В племени существует религиозное верование, что каждый, кто окажется в такой поездке, теряет мужскую силу, кроме жрецов, чье мужество доказано их ежедневными жертвоприношениями богам. Бергер говорит: «Здесь мы имеем дело с идеологией жрецов, но ведь в конце концов, кто-то же должен плыть через океан, иначе племя умрет с голоду»⁹⁸. А если отказаться от этого верования, прогнать жрецов или заставить

⁹⁵ Штомпка 77. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 65.

⁹⁶ Штомпка 77. Формирование социологического воображения. Значение теории. С. 65.

⁹⁷ Там же. С. 71.

⁹⁸ Бергер П. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 174.

их участвовать в экспедициях – какие будут следствия? Или лучше заняться совершенствованием плавсредств, изобретением оружия против акул, поиском продукта в недрах и т. д. Какое решение предпочтительнее и почему – об этом можно «пофантазировать» социологу.

1.2. Опровержение социального «слева» и «справа»

Несмотря на то, что термин «социальное», как и соразмерные ему термины «политическое», «экономические», «идеологическое», «культурное», прочно вошел не только в общественные науки, но и в повседневный язык, в словарь и практику государственного управления, не прекращаются попытки отвергнуть, доказать его несостоятельность, даже пагубность. Из истории общественной науки известно, что в интерпретации социального, в оценке его эвристики и конституирующей силы с XIX века существуют две крайние позиции. Суть первой позиции в возвышении (иногда чрезмерном) социального перед различными концепциями индивидуализма, робинзонад, а также антисоциальными проявлениями в сфере как психологии, так и общественной практики; категорическое неприятие социобиологических попыток переноса дарвиновских идей борьбы за существование и естественного отбора на человеческое сообщество; признание социальности начала (инстинктов, мотивов и т. и.), свойственного природе человека и реализующегося в отношениях солидарности, сотрудничества, взаимопомощи; вера во врожденные чувства справедливости, эмпатии, аффилиации и др. Насколько остро воспринимались эти проблемы в личном и теоретическом планах, можно судить по высказываниям двух известных мыслителей. В. Г. Белинский писал: «Социальность, социальность – или смерть! Вот девиз мой»⁹⁹. П. Т. де Шарден, анализируя процессы гоминизации человека и социализации человечества, отмечал «рвение и бессилие эгоистического решения жизни». «Эгоизм, индивидуальный или расовый, прав, когда вдохновляется образом человека, который поднимается вверх в соответствии с принципами жизни, развивая до предела собственное, уникальное и непередаваемое содержание, значит, он чувствует верно. Единственная ошибка, которая с самого начала уводит его с правильного пути, состоит в смешивании *индивидуальности и личности*. Стремясь как можно больше отделиться от других элементов, он индивидуализируется, но, индивидуализируясь, он падает опять и стремится увлечь мир назад, к множеству, к материи. В действительности он уменьшается и теряется. Чтобы быть полностью самим собой, нам надо идти в обратном направлении – в направлении конвергенции со всем остальным, к другому. Вершина нас самих, венец нашей оригинальности – не наша индивидуальность, а наша личность, а эту последнюю мы можем найти лишь объединяясь между собой. Нет духа без синтеза. Настоящее Его возрастает обратно пропорционально “эгоизму”»¹⁰⁰.

Вторая позиция – это нигилистические высказывания по поводу «социального» (социальности), которые допускали такие философы, как Шопенгауэр, Ницше, Ортега-и-Гассет и др. Критически оценивали данное понятие и классики марксизма-ленинизма.

В современной литературе особого внимания заслуживает позиция известного экономиста, лауреата Нобелевской премии, Ф. А. Хайека. Учитывая широкую распространенность работы «Пагубная самонадеянность», в которой изложена точка зрения автора по этой проблеме, а также методологический подход автора, рассмотрим ее более детально. По мнению Ф. Хайека, «прилагательное «социальное» стало самым бестолковым выражением во всей нашей моральной и политической лексике»¹⁰¹. В доказательство выдвинутого положения автор приводит список из более чем 160 существительных, определяемых прилагательным «социальное». Среди них есть даже «фашизм», хотя трудно представить, чтобы кто-то употреблял название «социальный фашизм». Однако если бы провести такую же процедуру с прилагательными «экономический», «культурный», или даже «государственный», то число

⁹⁹ Белинский В. Г. Письмо к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 года // Поли. собр. соч. в 13 т. Т. 12. М., 1958. С. 69.

¹⁰⁰ Шарден де 77. Т. Феномен человека. М., 1987. С. 207–208.

¹⁰¹ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1993. С. 197.

существительных, с которыми согласуются эти прилагательные, было бы в каждом случае гораздо больше, – не значит ли это, что от данных терминов следует отказаться. По-видимому, дело не в числе возможных сочетаний, а в категориальном статусе новых образований. Иначе говоря, вопрос в том, получаем ли мы новые понятия, добавляя слово социальный, например, к таким существительным, как структура, связь, наука, философия и другие, и если да, то каково содержание понятий «социальная структура», «социальная связь» и иных в отличие от просто структуры, связи и др. Понимая это, Ф. Хайек замечает: «Трудно сказать, не потому ли слово «социальный» стало бесполезным в качестве средства коммуникаций, что получило так много различных значений»¹⁰². Безусловно, вывод о «бесполезности» не правомерен, ибо суть и назначение прилагательных не в том, чтобы разделять предметы, а в том, чтобы их классифицировать и тем самым объединять. Так, существительных, употребляемых со словом «белый», множество – мел, снег, сахар, флаг, человек, пароход и т. д. Но значение у них одно, если не считать переносных, – типа «белая зависть», все это предметы с признаком белизны, как бы ни различались они во всем остальном. То же относится, например, к прилагательному «государственный», его смысл в указании на принадлежность к государству, его органам и службам, на способность выражать государственный интерес и пр. Почему же из этой логической схемы следует исключить социальное? Хайек называет три причины.

Во-первых, то, что «оно позволяет исподтишка внушать извращенное представление, будто бы то, что на самом деле было порождено безличными и спонтанными процессами расширенного порядка, является результатом осознанной созидательной деятельности человека»¹⁰³. Нетрудно заметить, что здесь речь идет о древней философской проблеме соотношения стихийности и сознательности. Но как ни важна и интересна эта тема, прямого отношения к социальному она не имеет. И стихийное, и сознательное может быть или не быть социальным, а также асоциальным или даже антисоциальным, – критерии различения этих предикатов человеческих отношений, деятельности, поступков лежат в иной плоскости.

Во-вторых, «следствием такого его употребления становится призыв к людям перепроектировать то, чего они вообще никогда не могли спроектировать»¹⁰⁴. Поскольку это одно из важнейших методологических положений автора, остановимся на нем подробнее. Что значит «призыв перепроектировать то, что люди не могли спроектировать»? Если бы речь шла об устройстве мироздания, о природных или климатических условиях, можно было бы принять данный тезис. Люди действительно эти условия не создавали и попытки изменить их вряд ли оправданы, хотя, с другой стороны, неизбежны как стихийное антропогенное воздействие на среду обитания, так и стремление людей предвидеть возможные природные катаклизмы – землетрясения, наводнения и др., и даже управлять климатом. Что же касается общественных институтов, форм общежития, политического устройства, хозяйственных укладов, то их генезис, природа, подвластность человеку – предмет бесконечных споров, нерешенных до сих пор.

Ф. Хайек – сторонник одной из парадигм, которую он сам называет «эволюционной эпистемологией». «Суть ее в том, – подчеркивает автор, – что наши ценности и институты не просто определяются какими-то прошлыми событиями (так считают все сторонники детерминистского подхода¹⁰⁵. – С. III), но формируются как составная часть процесса бессозна-

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 200.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Детерминисты, действительно, считают, что прошлые события влияют, то есть в той или иной мере определяют настоящее и будущее. Однако определять – не значит предопределять. Учение о предопределении является преддетерминистским, и оно, как показал М. Вебер, ведет или к фатализму (в Исламе), или же в предестинационной форме – к аскезе и методизму (в Протестантизме).

тельной самоорганизации некоей структуры или модели»¹⁰⁶. «Бессознательная самоорганизация» – это еще одно наименование той парадигмы, согласно которой все ценности и общественные институты – такие, например, как рынок, деньги, государство и т. и., как и соответствующие категории, представляют собой естественный продукт культурной эволюции и возникают сами собой как «порядок из хаоса» по законам синергетики и теории систем. Не вдаваясь в эту весьма сложную проблему, отметим, что факт анонимности важнейших общественных институтов, равно как и основополагающих технических устройств – колес, рычагов и др., вовсе не означает их появление «самих собой», без участия человека. Отсутствие персонального авторства не означает отсутствия авторства вообще. Лишь в переносном смысле можно сказать, например, о деньгах, что они «возникли». В действительности деньги созданы людьми и в их так называемое «саморазвитие» (формы, функции, операции и пр.) ежечасно и сегодня вкладывается огромная человеческая энергия. Точнее было бы сказать, что самонадеянность или, по социологической терминологии, волюнтаризм, проявляется не в том, что люди пытаются усовершенствовать не только орудия труда, но и формы своей жизни – институты, отношения, ценности, нормы, а в том, что в таких порывах не всегда учитываются природа и внутренние закономерности общественных явлений и процессов. Так возникает стремление ускорить развитие, пропустить некоторые этапы и т. и. Волюнтаризм ведет к упрощению и вульгаризации сложных общественных категорий и, как следствие, к ошибкам. Нет смысла повторять, что волюнтаризм, как гипертрофия субъективного, волевого начала, давно опровергнут теоретически, несмотря на глубокие исторические корни и философские обоснования (Фихте, Ницше, в России – Ткачев, Лавров и др.). То, что он кое-кому и в наши дни психологически близок, ничего не доказывает. Но, с другой стороны, если лица, уполномоченные принимать решения, то есть те, кто представляет институциональную элиту общества, не выполняют эту миссию, например, потому, что полагаются на «бессознательную самоорганизацию» структур и моделей общества, то результаты бывают не менее катастрофическими, чем при волюнтаризме. Тема «пагубной нерешительности» имеет, пожалуй, не меньше исторических примеров, чем «пагубной самонадеянности».

В данном случае важно подчеркнуть, что социальные преобразования – это в принципе процесс управляемых изменений. «Социальный порядок, – по утверждению английских социологов, – это создаваемый, а не просто изначально данный порядок»¹⁰⁷. Приглядимся к двум важнейшим событиям в истории Нового времени – ликвидации рабства в США и отмене крепостного права в России. Никто не усомнится, что это именно социальные преобразования, как и в том, что они – плод сознательного действия, соответствующих законодательных решений, хотя, конечно, предпосылки данных актов формировались в определенной мере и стихийно. Эти примеры показывают, что предположение, будто термин «социальное» означает «призыв перепроектировать то, что люди никогда не могли спроектировать», содержит имплицитно новые вопросы.

Во-первых, о том, кто, если не сами люди, создал существующие общественные отношения, институты, ценности, нормы и т. д.? Ссылки на эволюцию, как и на популярную в XIX веке идею прогресса, возможно объясняют механизмы отбора тех или иных образцов, но не их сотворения. В другом месте сам автор отмечает, что историков «ввели в глубокое заблуждение памятники и документы, оставленные носителями политической власти, в то время как истинные строители расширенного порядка, по существу, создавшие богатства, без которого не было бы этих памятников, оставили не столь зримые и претенциозные сви-

¹⁰⁶ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 20.

¹⁰⁷ Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 308.

детельства своих достижений»¹⁰⁸. Именно поэтому многое в этой области (генезиса общественных институтов и ценностей) не имеет авторства. Например, Клизфена считают отцом афинской демократии, но демократия по самой своей сути невозможна без широкой социальной базы, в этом ее отличие от тирании или даже олигархии. Значит, людям того времени была понятна и близка идея демократии, и, скорее всего, Клизфен просто стал выразителем этих взглядов и настроений. Деньги появились, когда людей перестал удовлетворять бартер, а кто их первый изготовил – не имеет значения. Государство и право, разделение труда и кооперация, собственность и наследство – все эти институты появились в ответ на определенные общественные потребности. Конечно, если проектирование понимать в техническом смысле слова, с чертежами, расчетами и прочим, то подобных социальных проектов не было и быть не может. Первые из известных в истории проектов общественного устройства Протагора, Платона, Аристотеля не более чем философские эскизы о целесообразности, по мнению авторов, определенных изменений существующего строя. Таким же является и проект А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию».

Во-вторых, почему люди не должны перепроектировать то, что их не устраивает, или создавать нечто новое, отвечающее появившимся потребностям. Сегодня, когда во всем мире, особенно в развитых странах, ежегодно разрабатываются и реализуются сотни социальных проектов, программ, технологий, такой вопрос вряд ли уместен. Другое дело, что остро дискуссионными остаются проблемы методологии социального проектирования – цели, способы, средства, мотивы и др. Думается, если бы автор прямо сказал, что понятие «социальное» опасно тем, что несет с собой революционный мотив, с ним можно было бы согласиться. Но «революционность» обусловлена исторически и в общем-то является деформацией строго научного статуса термина, своего рода ответом на неспособность, некомпетентность, корыстность и т. и. «верхов». Даже если совсем запретить слово «революция», в жизни от этого ничего не изменится. Научные термины и создаются для того, чтобы более точно охарактеризовать происходящие явления и процессы, а значит, и выбирать адекватные способы реагирования на то, что является для общества неприемлемым, опасным, деструктивным, а именно такими выступают нерешенные социальные проблемы, обладающие способностью кумуляции общественного напряжения, формирования зон повышенной конфликтности вплоть до революционной ситуации. «Принимаясь за работу над книгой, отмечает автор, я дал себе зарок никогда не употреблять слов «общество» (society) или «социальный» (social)»¹⁰⁹. Научная традиция предполагает введение новых терминов взамен устаревших или неадекватных, в противном случае какая-то часть объективного мира оказывается не обозначенной, не определенной, что несовместимо с самим существованием науки как общественного института.

И, наконец, третья причина, по которой следовало бы отказаться от термина «социальное», состоит, по Хайеку, в том, что «это слово приобрело способность выхолащивать смысл тех существительных, к которым оно прилагается»¹¹⁰. Обращает на себя внимание излишняя категоричность суждения, основанная на неоправданной генерализации: всегда и везде слово «социальное» выхолащивает смысл существительных. Такой вывод можно было бы сделать, проанализировав хотя бы те термины, которые названы в книге. В контексте научного анализа логически оправданным и полезным было бы указать, где и почему допускается некорректное употребление данного термина. Но все три примера, приведенные автором, а именно «социальная рыночная экономика», «социальное правовое государство» и «социальная справедливость», доказывают не основной тезис о «выхолащивании», а скорее необ-

¹⁰⁸ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 60–61.

¹⁰⁹ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. С. 189.

¹¹⁰ Там же. С. 200.

ходимость дальнейшей разработки понятийного аппарата. Так, ссылаясь на личную беседу с Людвигом Эрхардом, Ф. Хайек указывает, что последний заявил: «Рыночную экономику незачем превращать в социальную, поскольку она и так социальна уже по своей природе»¹¹¹. Но, во-первых, ссылка на устное высказывание явно слабый аргумент, Л. Эрхард мог просто уйти от спора, зная ортодоксальную позицию автора по данному вопросу; во-вторых, предполагается, как единственно возможное, расширительное толкование социального как синонима общественного. В этом смысле и утверждается, что всякая экономика социальна, так как существует в обществе. В такой интерпретации, конечно, все, что относится к обществу, подходит под данную категорию. К социальному можно отнести не только фашизм (не на луне же он существовал), но даже и тех гусей, которые спасли Рим, а также, что более опасно, все девиации, аномалии, преступления, антиобщественные проявления. Все это свидетельства неадекватного, в данном случае расширительного, употребления терминов.

Стоит, однако, задуматься, почему именно в послевоенной Германии утвердилась такая терминология и соответствующий тип экономики. Причина этого в том, что во всех слоях общества в то время было резкое неприятие прежнего режима и стремление дистанцироваться от его проявлений. Экономика Третьего Рейха была милитаризованной, этатистской, жестко контролируемой, в том числе и тайной полицией, ориентированной с конца 30-х годов на колониальные ресурсы, сырье и дешевую рабочую силу невольников. Нужна была альтернатива, но, по-видимому, в тех условиях не подходили известные модели – либеральная, социалистическая и др. Новое название должно было не только отрицать милитаризм, этатизм и шовинизм времен гитлеризма, но и создавать перспективу. Чтобы возродиться, страна нуждалась в гражданском мире, в объединении нации, в принципиально иных трудовых отношениях, в ясной и справедливой оплате труда, в поддержке малоимущих, тех, кто не по своей воле оказался в затруднительном материальном положении. Все это и вобрало в себя понятие «социальная экономика», как новый тип экономических отношений и форм хозяйствования.

Интересно, что Ф. Хайек, посвятивший специальную главу научной лексике, названную «Наш отравленный язык», не обратил внимания на давно известный факт, когда язык буквально сопротивляется неправильному сочетанию слов, фальши. Попробуйте соединить прилагательное «социальное» с экономикой рабовладельческого общества, или азиатским способом производства, или «производством ради производства», или первоначальным накоплением капитала, – ничего не получится. Лексически правильная форма превращается в содержательную бессмыслицу типа «жареный лед». Можно сказать, что «язык не поворачивается» назвать рабство, крепостничество, обман, эксплуатацию социальными явлениями, хотя все это, конечно, существовало или существует в обществе. То же относится и к понятию «государство». Язык противится употребить слово «социальное» при характеристике государств, в которых подавляются права человека, угнетается большинство народа (тирания, деспотия), как и те, где подвергаются дискриминации, сегрегации, репрессиям и т. и. те или иные категории населения. Для предварительной классификации полезно хотя бы отказаться от нелепого тезиса «Всякое государство социально», – он противен здравому смыслу и моральному чувству человека, – и не зачислять в категорию социальных государств те, которые отягощены отмеченными аномалиями.

В истории социогуманитарных наук центральным является вопрос о генезисе (происхождении) человека и общества. С точки зрения методологического индивидуализма в начале должны были появиться люди современного типа *Homo Sapiens*, которые тем или иным способом – сознательно или стихийно – создали или организовались в общество. Данная номиналистическая парадигма вводит ряд допущений, таких, например, как: а) общество –

¹¹¹ Там же. С. 201.

это совокупность индивидов; б) нет людей – нет общества; в) надындивидуальные образования – только абстракции, не имеющие системных свойств целого; г) социальные изменения есть сумма изменений индивидуальных¹¹². Не вдаваясь в обсуждение этих аргументов, заметим, что при этом даже не поставлен вопрос о возможности происхождения и существования человека вне общества. О популярной в свое время робинзонаде сегодня никто не вспоминает.

Ответ на этот вопрос предложил известный российский философ и этнограф Ю. И. Семенов. В интервью Ю. М. Резнику он отметил: «Я, вероятно, впервые в науке, показал, что становление человека (антропогенез) нельзя понять, не рассмотрев становление общества (социогенез), что они представляют не два самостоятельных, хоть и тесно связанных процесса, а две стороны одного единого процесса – антропосоциогенеза... Как мне удалось установить, суть социогенеза состояла в становлении социальных (прежде всего коммуналистических экономических) отношений, ранее на Земле никогда не существовавших, и обуздании ими зоологических инстинктов: пищевого и полового. Вначале был подавлен и введен в социальные рамки первый, а значительно позднее и второй. Половой инстинкт был окончательно поставлен под социальный контроль с появлением экзогамии, рода и группового дуально-родового брака... Вместе с родом возник и *Homo Sapiens*»¹¹³.

Таким образом, в этом процессе – антропосоциогенеза – социальные факторы, такие как альтруизм, общение, партиципация (соучастие) и другие, сыграли большое значение. Можно согласиться с В. А. Шкуратовым, который пишет: «Главной социальной инновацией нижнего палеолита была экзогамия – исключение из брачных отношений ближайших родственников... Родство по определенной линии становится ведущим конституирующим принципом социальности в позднем палеолите. Запрет инцеста (кровосмешения) требовал общественной регуляции брака, появились род и семья»¹¹⁴. Вопрос о первичности этих социальных образований (рода или семьи) является дискуссионным. Многие, в том числе классики марксизма, первичным считали род, полагая, что для образования семьи необходима частная собственность на землю, скот, орудия труда. Позже появились некоторые этнологические данные, усилилось давление сторонников методологического индивидуализма с обоснованием «вечности» частной собственности и т. и., и на первое место по происхождению стали ставить семью. Понятно, что дилемма – семьи объединились в род или род распался на семьи с появлением частной собственности – не имеет принципиального значения, возможно в разных местах эти процессы шли по-разному.

Из истории известно, что термин «социальное» впервые использовался в качестве политического, революционного лозунга «Да здравствует социальная республика!» в период февральской революции 1848 г. во Франции. Это был далеко не пустой клич, – предполагалось, что социальная республика осуществит следующие требования: всеобщее избирательное право, суд присяжных, гражданский мир, право на труд и организацию союзов, создание Министерства труда и организацию национальных мастерских, т. е. рабочие места для занятых рабочих и др. Понятно, что необходимо было новое слово, чтобы не просто противопоставить республику империи, но и выразить ожидания трудящихся относительно нового типа республики, принципиально отличающейся от рабовладельческих республик Древней Греции и Древнего Рима или феодальных республик Италии и других стран.

Характерно, что К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя впоследствии события гражданской войны во Франции, весьма скептически отнеслись к данному лозунгу. По словам

¹¹² См.: Шихирев П. Н. Современная социальная психология. М., 1999. С. 30.

¹¹³ Резник Ю. М. Профессиональное кредо. Интервью с профессором Ю. И. Семеновым // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. IV. Вып. 4. С. 329–330.

¹¹⁴ Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997. С. 179.

Маркса, «Социальная республика» явилась как фраза, как пророчество на пороге Февральской революции»¹¹⁵. «Фраза», «пророчество» потому, что в социальной республике отсутствовали те признаки, без которых, как считал Маркс, невозможны радикальные преобразования общества, прежде всего диктатура пролетариата, экспроприация экспроприаторов, обобществление средств производства и др. Ф. Энгельс писал: «Луи Филипп исчез, вместе с ним исчезла и избирательная реформа, а взамен ее возникла республика, и такая республика, которую победившие рабочие объявили даже «социальной». Что надо было разуместь под этой социальной республикой – никому не было ясно, даже и самим рабочим»¹¹⁶. Однако требования революционного народа были достаточно конкретными, что говорит и о понимании ими цели борьбы, и более того, о чувстве реализма в тех конкретных условиях. Можно, пожалуй, утверждать, что с теоретической точки зрения социальная республика была в определенной мере обоснована. Правда, это было обоснование с социал-демократических позиций, что явилось источником расхождения с классиками марксизма. Не случайно, сам Маркс констатировал: «Социальные требования пролетариата были лишены своего революционного жала и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии (т. е. крестьянства. – С. III) лишились прежней чисто политической формы и получили социалистическую окраску. Так возникла – социал-демократия»¹¹⁷.

Как видим, классики марксизма-ленинизма не принимали социальную республику ни в качестве цели общественного переустройства, ни как новое слово в революционной теории. По их оценкам, этот лозунг не выходит за горизонты буржуазных идеалов, и он в лучшем случае временно терпим, а в перспективе вреден. Это была критика социальной республики, и вместе с тем и самого термина «социальное» слева, за то, что французские рабочие в середине 50-х годов XIX в. не готовы были немедленно «штурмовать небо», отдавая предпочтение социал-демократическим идеям постепенного, шаг за шагом реформирования общества и государства. Парижская коммуна решилась на такой штурм, отбросила лозунги социальности, заменив их требованиями прямого захвата власти и разрешения классового конфликта силовым путем.

История XX века, опыт Социалистической революции в России и других странах со всей очевидностью показали, что такой путь не решает автоматически социальных проблем, что «проклятый социальный вопрос», как его называли народники, а также классики литературы XIX в., не поддается разрешению, минуя реформирование (реформы Ленин считал только «побочным продуктом революции»), не используя демократические процедуры смены власти, гласности, контроля и др. Известный тезис «Обострение классовой борьбы», а фактически ее пропаганды и провоцирования, по сути дела, антисоциален, ибо разрушает целостность изнутри, даже если при этом укрепляются внешние границы и обороноспособность государства. Человечество пошло по пути создания социальных государств, фундаментом которых является не классовая борьба, а Гражданский мир, согласие, согласованность, консенсус.

Что касается категории «социальная справедливость», то ее опровержение Хайек ведет по нескольким направлениям, так что в результате фактически устраняются оба термина – не только «социальное», но и «справедливость» «Вся идея распределительной справедливости – каждый индивид должен получать соответственно своему нравственному достоинству, – утверждает автор, – при расширенном порядке человеческого сотрудничества (или каталлаксии) бессмысленна»¹¹⁸. Обратим внимание, что во всех формулировках распредели-

¹¹⁵ Маркс К. Избр. произв.: в 2 т. Т. 2. М., 1935. С. 321.

¹¹⁶ Там же. С. 353.

¹¹⁷ Там же. С. 275.

¹¹⁸ Маркс К. Избр. произв.: в 2 т. Т. 2. С. 203.

тельной справедливости – от Аристотеля до наших дней – на первом месте указывается: по вкладу, по заслугам, по результатам личного труда. Нравственные качества, проявляющиеся в отношении к труду, дисциплине, рачительности, являются дополнительными, и учитываются лишь в той мере, в какой *они* способствуют результату.

Таким образом, и в либеральном, и в марксистском подходе к интерпретации категории «социальное» вполне отчетливо прослеживается идейное основание, питающее и сегодня дискуссии по этой проблеме. Что касается отрицания социального постмодернизмом, то его психологические мотивы не раскрываются авторами, а логические аргументы неубедительны. Так, Ж. Бодрийяр в одном из интервью заявлял: «Я очень быстро отошел от социологии институтов, права, общественных структур, от всех тех подходов, которые зиждутся на понятии какой-то воображаемой социальности, трансцендентной настоящей социальности. Моим предметом является скорее общество, теряющее трансцендентность, где исчезает социальность и само понятие социальности»¹¹⁹. В строго научном смысле, общество без социальности – это оксюморон типа «жареный лед», но как метафора, выражающая тенденции к разрыву социальных связей, «одиному образу жизни», разрушению солидарности и аффилиации, атомизации – она уместна, если, конечно, отражает не фантазии, а реальное состояние конкретного социума.

В другой работе Бодрийяр пишет: «Социология в состоянии лишь описывать экспансию социального и его перипетии. Она существует лишь благодаря позитивному и безоговорочному допущению социального. Устранение, имплозия социального от нее ускользает»¹²⁰. Но, во-первых, существует огромная литература по проблематике разрушения социального – разрыва связей, в том числе и родственных, десоциализации, одиночества, добровольного или вынужденного изоляционизма, «хиппизма», девиаций, различных форм перверсий, аномии и т. д. Во-вторых, устранение социального равносильно устранению кислорода из воздуха, – после этого уже нечего будет описывать. Представляется оправданным то, что главной заботой современного общества является предотвращение дезинтеграции на всех уровнях социальной системы – от семьи и коллектива до страны-государства и человечества в целом.

Как заметила Н. Л. Полякова, «в 80-е годы перед социологией со всей очевидностью встала проблема конструирования синтетической картины социальной реальности, проблема выявления природы социального»¹²¹. Не менее остро стоит данная проблема и перед социальной психологией. П. Н. Шихирев пишет: «Этимологический анализ термина «социальное» и производных от него, выполненный на материале различных языков, в том числе пиктографических, неизменно выявляет два главных атрибутивных качества социального, означающего: 1) взаимозависимость людей в процессе совместного созидания чего-либо и 2) позитивное (кооперативное) отношение к партнеру»¹²². Это важные атрибуты социального, но для социологического анализа их недостаточно, например, они не позволяют объяснить суть таких явлений, как социальная защита, социальное государство, социальная справедливость и др. Категория «социальное» отражает единство и многообразие социального мира, и поэтому, с одной стороны, сохраняет свою первооснову (единство), а с другой – с помощью дополнительных предикатов специфицируется, характеризуя именно ту предметную область, которая задается составным понятием (социальная роль, социальная защита

¹¹⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 14.

¹²⁰ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального – Екатеринбург, 2000. С. 8–9.

¹²¹ Полякова Н. Л. Предисловие к кн. «Современная Западная социология. Классические традиции и поиск новой парадигмы». М., 1990. С. 4.

¹²² Шихирев П. Н. Современная социальная психология в западной Европе. М., 1985. С. 55; См. так же: Брушлинский А. В., Шихирев П. Н. О пользе вечных истин. Предисловие к кн. С. Московичи «Машина, творящая богов». М., 1998. С. 10.

и т. д.). Рассмотрим основные значения понятия «социальное», как они употребляются в социологической науке.

I. Социальное как общностное, групповое. Имеются в виду те формы жизни, которые возможны только в организованных группах, на условиях совместности, в сообществах. В этом смысле биологи говорят о «социальной жизни» некоторых насекомых и животных, подчеркивая тот факт, что отдельные особи таких видов, например, муравей вне муравейника, пчела вне семьи, представители стадных животных вне стада, выжить не могут. Этим они отличаются от видов, в которых каждый существует сам по себе, самодостаточно. Человеческий род также является социальным по природе. Однако абсолютизация данного признака, отказ от определения границы между животным миром и человеческим обществом ведет к двусмысленности в употреблении термина «социальное» в таком самом широком смысле слова. Так, социобиологи считают, что поведение людей определяется именно генетической предрасположенностью, свойствами человеческой натуры. Логика такого вывода проста: поскольку социальное у насекомых, животных есть продукт инстинктов, то у человека оно обусловлено генами и гормонами. Тем самым социальное сводится к генетическому, в частности, относительно таких качеств, как альтруизм, солидарность, справедливость, ограничение инцеста и т. и.

II. Социальное как синоним общественного, то есть обозначающее все, что относится к человеческому обществу и только к нему. При таком толковании вводится демаркация между миром живой природы и обществом, однако возникает эффект удвоения понятия. Действительно, простое переименование общественной жизни в социальную никакой новой информации не несет, лишь рождает путаницу на голом месте. Ф. Хайек прав – зачем называть рыночную экономику социальной, если она по самой своей сути общественна. Но ее называют так вовсе не из-за синонимичности слов, а по другим соображениям. Достаточно просто поменять слово-синоним, то есть сказать «общественная рыночная экономика», чтобы убедиться в этом. Нет такого выражения и никогда не будет – язык чувствует неточность, фальшь. Отождествление социального и общественного на основании того, что первое есть этимологическая калька второго, в принципе допустимо и безвредно, когда они употребляются как «житейские термины» (Л. С. Выготский), то есть в разговорном языке. В науке такое употребление можно признать корректным только в одном случае, когда речь идет об определении границ общества, специфике собственно общественной жизни в отличие от групповой или стадной жизни в мире насекомых и животных.

III. Социальное как характеристика места людей и их объединений, групп в обществе. Для социологии это наиболее важная интерпретация, охватывающая не менее 80 % всего денотативного континуума категории. Именно из такого понимания социального вырастает целая сеть терминов – центральная часть понятийного аппарата социологии. Прежде всего – социальное пространство как система координат, в которой можно определить место человека в обществе. В. И. Ленин такими координатами называл отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда и другие. Но они позиционируют общественные классы, а для определения места индивидов социологи используют доход и престиж (двумерное пространство), при необходимости добавляя другие координаты, вплоть до демографических – пол, возраст и др. Такое описание есть социальная стратификация, а перемещения людей в пространстве называются социальной мобильностью, изменения местоположения социальной миграцией, совокупность функциональных требований – социальной ролью и т. д. Расстояние между двумя индивидами в одной и той же системе координат определяется как социальная дистанция, позиция каждого из них как социальный статус. Общая модель такой классификации, дополненная характеристикой взаимосвязей между элементами, называется социальной структурой общества.

Центральной проблемой данного уровня интерпретаций был и остается «проклятый социальный вопрос», понимаемый как неравенство между людьми и социальными группами. В марксистской социологии «социальное» рассматривалось как форма существования общественного неравенства. Подобная интерпретация логически некорректна, поскольку ведет к представлению, что при устранении неравенства, например в социально-однородном обществе, категория социального просто исчезает. Однако это не так. Во-первых, равенство как научный термин весьма далеко от некоторых обыденных представлений о тождестве, одинаковости, унификации людей. Даже если иметь в виду только одну координату, а именно доход, то и здесь становится ясно, что стремление к одинаковому доходу без учета личного вклада и потребностей разных людей – опасная и контрпродуктивная иллюзия. Там, где люди за разный труд получают равную оплату, существует не равенство, а наоборот, самое грубое и циничное неравенство. Уравниловка несовместима с эффективной мотивацией труда. Во-вторых, следует учесть, что объективное место человека в обществе определяется в системе координат, а это в свою очередь создает компенсаторные механизмы разных позиций (например, меньше доход, но выше престиж) и, в конечном счете, все определяется некоторым интегральным показателем.

IV. Социальное как та часть общества (социальная сфера) и соответственно те виды деятельности, которые связаны с обслуживанием людей в их повседневной жизни, обеспечением условий для расширенного воспроизводства как рабочей силы, так и всего человеческого потенциала общества. Имеются в виду такие направления, как социальная политика, социальная защита, социальная работа и др.

V. В социологии и психологии личности под социальным имеют в виду все то в структуре личности, что исходит от воспитания и образования, от воздействия среды, преемственности культуры и знания в отличие от «биологического» (задатки, морфология и т. д.), которое передается путем генетического наследования. В этом случае речь идет о важнейшей проблеме человековедения, обычно называемой «социальное и биологическое», включая социальное наследование.

VI. В этом же направлении идет дифференциация по линии социальное – индивидуальное. Если индивидуальное – это то в каждом человеке, что неповторимо, уникально, то социальное – все, что характерно, по крайней мере больше чем одному индивиду, – социальные чувства, установки, мотивы, интересы, ожидания и т. д.

VII. Социальное как особый вид человеческих действий, отличающихся тем, что такие «социальные» действия, по определению М. Вебера, являются мотивированными в своем протекании и ориентируются на другого (других) человека. Тем самым социальные действия отличаются, во-первых, от рефлексивных или импульсивных, во-вторых, от сугубо эгоистических, игнорирующих интересы других людей, в-третьих, от антисоциального поведения, приносящего вред окружающим, разрушающего социум.

Таковы основные социологические интерпретации категории «социальное». Вопрос о том, какая из них истинна, некорректен. Каждое из этих значений истинно, если оно употребляется адекватно, и становится артефактом при переносе в иную ситуацию, требующую именно своего денотата. Например, называя социальное действие общественным, мы не только теряем специфику первого, но и вносим путаницу в классификацию. Ведь под общественными действиями социологи понимают такие, которые «исполняются бесплатно», без каких-либо надежд на материальное вознаграждение, то есть это деление по другому основанию.

Разумеется, многозначность терминов не отнесешь к большим достоинствам понятийного аппарата, поэтому социологи ведут терпеливую работу как по разграничению предметных областей, так и по изменению их названий. Так, в настоящее время все чаще употребляются термины «социетальное» во втором из отмеченных нами значений, «социум»

как сообщество, «социус» как обобщенная диспозиционная характеристика, «социация» как коммунальный тип объединения. Ю. Хабермас ввел и разрабатывает категорию «общественность» (Offentlichkeit), понимая ее как «организацию спонтанного» на основе коммуникативного действия¹²³. Все это попытки и предложения не вопреки, а в уточнение и развитие аппарата науки; их цель, конечно, далека от какого-либо опровержения социального справа или слева, она в поиске разграничений чрезвычайно усложнившейся денотативной структуры этой фундаментальной категории социологической науки и всего обществоведения.

¹²³ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.

1.3. Неодетерминизм для социогуманитаристики (размышление над статьей М. А. Можейко)

Статья профессора М. А. Можейко посвящена феномену детерминизма в связи с формированием концепции нелинейной динамики в современной науке. Автор подчеркивает: «В современном естествознании очевидным лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика... Однако и в гуманитарной сфере могут быть обнаружены аналогичные тенденции. Теоретические построения, предлагаемые сегодня философией постмодернизма, открыты для рассмотрения в качестве концептуальных моделей нелинейных динамик: нелинейное письмо, нелинейная темпоральность, нелинейная модель динамики бессознательного, «генеалогия» взамен истории и т. д.»¹²⁴. Нет сомнения, что синергетика и постмодернизм выделены не случайно, хотя нелинейность изучают многие науки. Можейко – признанный ведущий специалист-философ в этих областях, и не только в Беларуси. Лейтмотивом ее научных работ – монографий¹²⁵, многочисленных энциклопедических статей, без которых невозможно представить ряд изданий популярной серии «Мир энциклопедий»¹²⁶, – можно, на наш взгляд, назвать стремление автора не просто сопоставить или даже синтезировать эти направления, а именно дать естественно-научные опоры и обоснования философии постмодернизма. Этот момент, по-видимому, в определенной степени оказался недооцененным классиками данного направления (М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др.).

Может показаться, что данная проблематика если и не далека, то непосредственно не включена в предметное поле социологической науки. Не секрет, что такого рода суждения имеют место среди научных работников, и не только начинающих, но и кандидатов и докторов социологических наук. Думается, подобная реакция может быть признана поспешной и неоправданной. Дело в том, что, как сказано в резюме данной статьи, речь идет о «серьезной методологической трансформации современного научного знания», с чем нельзя не согласиться. Социология в большей степени, чем другие социогуманитарные дисциплины, восприимчива и чувствительна к методологическому поиску. И объясняется это не особым положением социологии в качестве интегральной теории общества, как считали О. Конт, Э. Дюркгейм и др., не близостью к политологии и праву, анализу рынков и народонаселения и т. д., а главным образом характерным подходом к программированию исследований – как теоретических, так и прикладных. Только в социологии должна быть программа конкретного исследования, которая, как правило, входит в текст научного отчета или диссертации и в которой дается описание методов, построение выборки (инструментальная часть), а также проводится операционализация понятий и их семантическая и эмпирическая интерпретация, в том числе и новых терминов. Трудно представить, чтобы в экономическом исследовании осуществлялась операционализация и эмпирическая интерпретация таких, например, понятий, как «инфляция», «волатильность», «мотивация» (труда, потребления); даже если это делается, то скорее по усмотрению, для себя. В последнее время много говорится, особенно в России, о целесообразности принятия «Закона о роскоши», но что такое роскошь по предметному составу, по каким критериям те или иные услуги, товары и прочие блага относятся к этому феномену – на это пока ответов нет.

¹²⁴ Можейко М. А. Идея нелинейности и феномен неодетерминизма: методологический поворот в современной науке // Социология. 2012. № 2. С. 39–40.

¹²⁵ См.: Можейко М. А. Становление теории нелинейных динамик в современной культуре. Сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм. Минск, 1999.

¹²⁶ См.: Новейший философский словарь. Минск, 2001; Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.

Синергетика и постмодернизм уже создали множество новых терминов, которые постепенно входят в культурный оборот и ассимилируются. Как протекает этот процесс, какое влияние он оказывает на массовое сознание и выражающее его общественное мнение, что в этой связи следует менять в методологии эмпирико-социологических исследований – такие вопросы неизбежно встают перед социологической наукой и каждым социологом в его тематической области. На теоретическом уровне необходимо освоить ту парадигму (или парадигмы), которую выдвинули синергетика и постмодернистская философия, и соотнести ее с тем, что уже наработано и принято, пусть и неоднозначно, современной социологической наукой. Если иметь в виду социогуманитарную науку в целом, то в ней, в отличие от естествознания, нет столь однозначного и демаркационного раздела классики от неклассики. В социологии этот водораздел, несколько условно, относят ко времени зарождения эмпирических исследований в начале XX в. Этот рубеж в принципе понятен и обоснован. Подобно квантовой физике, социология обратилась к человеку как своего рода элементарному носителю социальности и использовала статистическую интерпретацию массовых событий и поведения людей. Вместе с такими содержательными переменами произошли и институциональные изменения: получили правовой статус многие прикладные социологические центры, институты, отделы: вначале в США, позже в Европе, России и некоторых азиатских странах (Япония), возглавляемые такими известными социологами, как П. Сорокин, Э. Мэйо, Дж. Гэллуп и др. Некоторые авторы (В. Л. Абушенко) выделяют в истории социологии еще два периода: неоклассики и постклассики. Здесь критерий не столь определенный. Неоклассика соотносится со структурно-функциональным анализом (Т. Парсонс, Мертон и др.), а постклассика – с конфликтологией (Р. Дарендорф, Л. Козер), теорией структуризации (Э. Гидденс), социологией конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман), коммуникативным действием (Ю. Хабермас), новым реализмом (Р. Бхаскар). Особо отметим, что сюда же относят постмодернистскую социологию как версию, по словам Н. Л. Кацука, «социально-философского и социологического теоретизирования, осуществляющего радикальную переинтерпретацию идеи социологии»¹²⁷. Это значит, что некоторые идеи, развиваемые в данной статье и других работах М. А. Можейко, уже представлены в отечественной социологической литературе, хотя названные в ней авторы (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, М. Фуко и др.) базируются свою «радикальную переинтерпретацию идеи социологии» отнюдь не только на синергетике. Тем более полезно обсудить, на что следует обратить внимание, что можно взять в плане методологии социологических исследований и более широко – всей социогуманитарной науке из рассматриваемого Можейко феномена неопределенности.

Исходная терминология и проблема понимания. Некоторые читатели признаются, что у них возникли трудности с пониманием текста статьи. Конечно, никаких опросов не проводилось, – имеются в виду отдельные факты, почерпнутые из личного общения.

Понимание – многогранный процесс, важная характеристика если не бытия, как считал Хайдеггер, или социального действия, по Веберу, то, безусловно, интерактивности, консенсуса. Часто понимание рассматривается на примере коммуникативной диады (референт – реципиент) с выделением в нем когнитивных, интеллектуальных, установочных, аксиологических, семантических и других аспектов. М. Вертгеймер предложил операциональное определение понимания. Оно полезно в процессе обучения для того, чтобы отделить действительное понимание учащимся сути дела от подражания, заучивания и т. и.¹²⁸ Он же сформулировал «закон прегнантности» (содержательности, упорядоченности и полноты) восприятий, гласящий, что «организация поля имеет тенденцию быть настолько простой и ясной,

¹²⁷ Кацук Н. Л. Постмодернистская социология // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 770.

¹²⁸ См.: Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 50.

насколько позволяют условия»¹²⁹. При изучении научных текстов коммуникативная диада смещена, автора как референта замещает его текст. Для реципиента ситуация усложняется: нельзя задать вопрос, высказать догадку, получить какой-то намек, подсказку и т. д. Принцип одного из родоначальников герменевтики Шлеермахера «понимать речь сперва так же хорошо, а потом и лучше, чем автор», – становится трудно осуществимым. Так возникает коллизия, о которой С. Кьеркегор, читая Гегеля, сказал так: «То, что я не понимаю у Гегеля, я уверен – не понимает и он сам». Еще один пример из социологической жизни. Во время выступления Р. Мертон в Москве Г. М. Андреева спросила: «Почему я – хороший специалист, знающий язык, – понимаю у Т. Парсонса не более 20 %?» На что Мертон ответил: «Вам повезло. Я у него понимаю только 10 %».

Один из барьеров понимания текста связан с экспликацией терминов, особенно новых или заимствованных из других дисциплин. Иногда авторы избегают пояснений общеупотребительных, по их оценке, терминов, полагая, что это излишне, или опасаясь за свое реноме. Однако в «герменевтическом круге» важнее всего создать условия для эмпатии, т. е. поставить себя на место читателя. В связи с этими размышлениями предложим свое толкование некоторых терминов в статье М. А. Можейко, не обращая внимания на то, что их можно найти в некоторых словарях.

1. Линейность (лат. *linea* – линия) – постепенные плавные изменения тел и объектов, не меняющие их пространственной конфигурации, размеры которой имеют форму линий. Например, расширение металлического стержня при нагревании. В математическом смысле линейными называют такие изменения, которые могут быть выражены уравнением первой степени относительно неизвестных. Так, путь равен произведению скорости на время, что позволяет находить любой из членов данного уравнения при заданных значениях двух других.

2. Нелинейность – нарушение линейного хода процесса, отклонение, возмущение, ветвление, возникновение эмерджентных изменений, превращенных форм, флуктуаций и т. д. В математическом смысле нелинейность описывается уравнениями, содержащими неизвестные (искомые) величины в степенях больше 1 или коэффициенты, зависящие от свойств среды. Российские синергетики Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов выделили следующие особенности данного феномена:

«разрастание» малого или усиление флуктуаций;

пороговость чувствительности. Ниже порога все уменьшается, стирается, не оставляет следов, забывается; выше порога – наоборот, многократно возрастает;

своего рода квантовый эффект, выражающий возможность не любого пути эволюции нелинейной системы, а лишь определенный спектр путей. Порог чувствительности также обусловлен квантовым эффектом;

возможность эмерджентных изменений в силу случайности выбора пути в момент бифуркации, что ограничивает предсказательную силу метода экстраполяции¹³⁰.

В сфере повседневности каждый человек имеет дело прежде всего с линейными процессами. Таковыми являются: а) приобретение знаний, навыков и личного опыта путем обучения и самостоятельного решения жизненных проблем; б) интернализация ценностно-нормативной системы социума; в) формирование взаимоотношений с людьми – дружбы, доверия, аффилиации и т. д.; г) естественный рост растений и животных и пр. Вместе с тем значительную и все возрастающую роль играют нелинейные процессы как в быту, так и в других сферах жизнедеятельности. Можно допустить, что первобытный человек сталки-

¹²⁹ Вертгеймер М. Продуктивное мышление. С. 274.

¹³⁰ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 12.

вался в основном с двумя видами нелинейности: природными катаклизмами и патологическими мутациями, такими как наследственные заболевания, некоторые перверсии и др. В современном мире таких явлений гораздо больше – от разводов, аномийных расстройств, эпидемий, многообразных конфликтов, войн, революций и т. и. до техногенных катастроф, экономических кризисов, галопирующей инфляции, угрозы безработицы, паники на рынках и пр. Разумеется, такое смещение повседневной жизни в сторону нелинейности оказывает заметное влияние на ценностные ориентации, культуру поведения (этос), стиль мышления, межличностные отношения, механизмы мотивации и стимулирования и, следовательно, требует повышенного внимания и самого человека, и всех социальных институтов общества. И все-таки утверждения некоторых авторов, что нелинейность уже стала «концептуальным узлом новой парадигмы», мировоззренческим кредо современности, на наш взгляд, поспешны, по крайней мере, опережают события.

3. Обратимость – свойство процесса протекать в обратном направлении, возвращать систему в первоначальное состояние. Наиболее наглядным примером обратимости можно назвать превращение воды в лед и обратно без каких-либо потерь субстрата в герметической емкости. В математическом смысле обратимость есть рекуррентность как возвращающаяся последовательность.

Об этом свойстве говорит гегелевский закон отрицания отрицания, идея «вечного возвращения» Ницше и др. Если обратиться к химической кинетике, то можно отметить следующее. Химическое равновесие означает, что наряду с реакцией взаимодействия (соединения веществ) происходит и обратный процесс – разложение конечного продукта реакции. Так, В. Чолаков пишет: «Теоретически все химические реакции можно рассматривать как обратимые. На практике же большинство из них необратимы»¹³¹. В начале XX в. перед химической технологией встала задача, как создать условия, при которых равновесие смещается в сторону преимущественного образования продукта, т. е. предотвращения его обратного разложения. Эту задачу решил немецкий физико-химик В. Оствальд, более известный у нас как философ, которого критиковал Ленин. В 1909 г. он был удостоен Нобелевской премии «За изучение условий химического равновесия, скорости химических реакций и катализа»¹³². Иначе говоря, Оствальд открыл возможность (условия) предотвращения обратимости химической реакции, что позволило наладить промышленное получение тех продуктов, которые может дать реакция.

4. Необратимость – свойство однонаправленности процесса, исключающее возможность возврата в начальное состояние, повторение или воспроизводство его протекания (нерекуррентность). Например, необратимым является тот процесс, который используется при приготовлении чая, кофе и т. д. На быденном уровне такие процессы связывают с необратимостью времени, с достижением так называемой «точки невозврата», когда в экстремальной ситуации самолет не может вернуться на базу из-за нехватки горючего. По словам бывшего посла Украины в Беларуси Р. Бессмертного, «в Украине точка невозврата была пройдена в мае 2002 года, после избрания Литвина спикером Верховной Рады»¹³³. В России этот рубеж связывают с приходом в конце 1999 г. В. В. Путина, в Беларуси – с реформами А. Г. Лукашенко. Сегодня, по-видимому, все признают, что возврат к СССР невозможен. Продолжая пример из химии, отметим Нобелевскую премию И. Пригожина 1977 г. «За вклад в термодинамику необратимых процессов, особенно в теорию диссипативных систем»¹³⁴. Ученый сформулировал принцип локального равновесия и теорему о том, что в

¹³¹ Чолаков В. Ученые и открытия. М., 1987. С. 163.

¹³² Там же. С. 345.

¹³³ Forbes / Форбс (Украина). 2011. № 11. С. 124.

¹³⁴ Чолаков В. Ученые и открытия. С. 361.

стационарном состоянии при фиксированных внешних параметрах скорость производства энтропии в термодинамической системе минимальна (теорема Пригожина), и стал одним из родоначальников синергетики. В то же время, как пишет Э. М. Сороко, «И. Пригожин неадекватно абсолютизировал роль случайности, флуктуаций, динамического хаоса, необратимости, непредсказуемости, самой жизни и будущей судьбы человечества, трактуемой в терминах «бросания костей»... Это ретроградная позиция, шаг назад, даже по сравнению с состоянием научных идей начала 20 века»¹³⁵.

Социологу некорректно выносить оценочные суждения о том, что выходит за границы его собственной науки. Отметим только один важный момент, о котором пишет М. А. Можейко: «И. Пригожин и И. Стенгерс формулируют предупреждение против непосредственного заимствования социальными науками понятий и методов синергетики». Понятно, что речь идет не о каком-нибудь запрете, а о необходимости адаптирования этих понятий и методов применительно к общественной жизни.

Категориальный статус понятия «неодетерминизм». Изучение литературы по данной теме, в том числе работ М. А. Можейко¹³⁶, оставляет некоторый осадок неудовлетворенности: возникает ощущение недосказанности, неполноты определения понятия и его операционализации, обнаруживаются некоторые противоречия в высказываниях родоначальников синергетики (И. Пригожин, Г. Хакен) и постмодернизма. Это вполне объяснимо (и допустимо) тем, что, как отмечает Можейко, «искомая терминология находится в процессе своего становления», «в современной философии шлифуются понятийные средства»¹³⁷. В словарной статье автора приводится следующее определение: «Неодетерминизм – новая версия детерминизма в современной культуре, фундированная презумпциями нелинейности, отсутствия феномена внешней причины и отказа от принудительной каузальности»¹³⁸. Здесь еще нет ответа на вопрос, что это такое, точнее, он предполагается при условии, что мы правильно операционализируем и поймем те термины, через которые определяется искомое понятие. Социологи знают, что такую процедуру можно осуществить, только опираясь на уже имеющиеся методические средства – терминологический аппарат, генезис идей, логику вывода, трансформацию смысла. Не случайно М. Вебер в статье «Наука как призвание и профессия» особое внимание уделял такой личностной черте, как «методическая культура и дисциплина». «Всякой научной работе, – писал он, – всегда предпосылается определенная значимость правил логики и методики – этих всеобщих основ нашей ориентации в мире»¹³⁹. В отношении детерминизма такие подходы не выдерживаются. История исследований данного феномена полна перипетий произвольного толкования, связанных часто с вненаучными ориентациями и предпочтениями: идеологическими, религиозными, корпоративными, даже политическими.

Этимологически термин «детерминизм» означает определение (понятий) в противовес традиционному, идущему от Аристотеля, методу дефинирования по общему роду и видовым отличиям. Спиноза переводил этот термин (с латыни) как ограничение: определить (с ударением, как в польском языке) – значит установить пределы, не допустить смещения в иные области, т. е. смешивания с другими понятиями. Но со временем этот термин перекочевал из логики в схоластику, теологию и этику, отождествляясь с каузальностью и приобретая статус мировоззренческого принципа. В таком качестве он и вошел в натурфилософию класси-

¹³⁵ Кикель П. В., Сороко Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов. Минск, 2006. С. 185.

¹³⁶ См. статьи автора в: Новейший философский словарь: Неодетерминизм, Синергетика, Возможность и действительность, Необходимость и случайность, Постмодернизм и др. Минск, 2001.

¹³⁷ Можейко М. А. Идея нелинейности и феномен неодетерминизма: методологический поворот в современной науке // Социология. 2012. № 2. С. 40.

¹³⁸ Можейко М. А. Неодетерминизм // Новейший философский словарь. С. 675.

¹³⁹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 719.

ческой механики. М. Борн (1883–1970) – лауреат Нобелевской премии за статистическую интерпретацию квантовой механики – писал: «История показывает, что ведущую роль в развитии человеческого сознания играет наука. Она не только поставляет сырой материал философии, собирает факты, но и развивает фундаментальные концепции о том, как обращаться с этими фактами. Достаточно упомянуть систему Коперника и нью-тонианскую динамику, которую та породила. Эти теории дали начало таким концепциям пространства, времени, материи, силы и движения, которые долгое время оставались в силе и оказали могущественное воздействие на многие философские системы»¹⁴⁰.

Классический период науки характерен не только огромными достижениями, такими как законы инерции, всемирного тяготения, ускорения свободного падения тел, «небесной механики», объяснение морских приливов, веками пугавших прибрежные народы, лунных и солнечных затмений и др., но и своей философской доктриной, получившей название «лапласовский детерминизм». Если Ньютон (1643–1727) говорил, что «было бы желательно вывести из начал механики и все остальные явления природы», то П. Лаплас (1749–1827) сформулировал сам принцип. Он писал: «Ум, которому были бы известны для какого-нибудь данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составляющих частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел вселенной наравне с движениями легчайших атомов; не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором»¹⁴¹.

Справедливости ради стоит признать, что инвективы в адрес Лапласа – одного из создателей теории вероятности наряду с Б. Паскалем – мало оправданы. Фактически он выдвинул гипотезу, напоминающую по форме знаменитый афоризм Архимеда: «Дайте мне точку опоры – и я переверну земной шар», имея в виду мощь правила рычага. Критика сделала имя Лапласа нарицательным и тем самым вписала в историю философской мысли. Пожалуй, можно доказать, что лапласовский детерминизм сохранился бы не дольше, чем, скажем, географический и некоторые другие, если бы не особые обстоятельства. Мы имеем в виду появление в середине XIX в. формационной теории марксизма с ее радикальным выводом о неизбежности гибели капиталистической формации в силу естественно-исторического развития производительных сил, стимулирующих (требующих) соответствующие изменения экономических производственных отношений. Данная теория была немедленно названа «экономическим детерминизмом», и для ее развенчания стали использовать уже прочно забытый детерминизм – лапласовский. Здесь не место вдаваться в содержание тех дискуссий, которые шли по этому поводу, постоянно переходя из собственно научной плоскости в идеологическую и политическую, особенно в период холодной войны. Известно, что сам Энгельс позже в письмах признавал, что отказ от многофакторной модели исторического процесса (М. Ковалевский и др.) и выделение экономики в качестве единственной детерминанты были ошибочны. В письме И. Блоху он пояснял: «Маркс и я отчасти сами виноваты, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии»¹⁴².

Обратим внимание, что критические стрелы в адрес «традиционного» (линейного) детерминизма направлены на детерминизм лапласовского толка – механистический, мате-

¹⁴⁰ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 142.

¹⁴¹ Лаплас П. С. Опыт философии теории вероятностей. Популярное изложение основ теории вероятности и ее приложений. М., 1940. С. 9.

¹⁴² Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 397.

риалистический или экономический в известном понимании. Так, И. Пригожин называет детерминизм «карикатурой на науку», а Кестлер – «смирительной рубашкой», надетой на философию материализмом XIX в. М. Борн отмечал: «Неограниченная вера в причинность неизбежно приводит к идее о том, что мир является автоматом, а мы сами – лишь маленькие зубчатые колесики этого автомата. Этот детерминизм во многом напоминает детерминизм религиозный, принятый различными вероучениями, проповедующими, что действия человека с самого начала предопределены Господом»¹⁴³.

Вместе с тем нетрудно убедиться, что в истории не только философии, но социологии, психологии и естествознания проводятся более тонкие различия оттенков или видов детерминизма. Так, Д. Юм (1711–1776), решая проблему объективности причинно-следственных связей, пришел к выводу, что в науке существование причинности основано на вере и только в психологии каузальность бесспорна как механизм ассоциаций. И. Кант, анализируя условия свободы выбора, выделял **детерминизм** как «положение об определении произвола внутренними достаточными основаниями»¹⁴⁴ и **«преддетерминизм**, согласно которому произвольные поступки как события имеют свои определяющие основания в предшествующее время, которое вместе с тем, что в нем содержится, уже не в нашей власти».

М. Вебер в «Протестантской этике» большое внимание уделил такой форме детерминации, как предопределение. Учение о предопределении связывают с именем Ж. Кальвина, который учил: «Предопределением мы называем определенное навеки Богом». Характерно у Вебера различие терминов «преддетерминизм» и «предестинационизм»: первый ведет к фатализму, второй – к методической регламентации жизни. Вебер приводит тезис, якобы сформулированный Августином Блаженным: «Если ты не предопределен к спасению, сделай так, чтобы ты стал предопределен к нему»¹⁴⁵. В протестантизме предопределение понимается в предестинационном смысле, благодаря этому оно и стало идейным центром образа жизни, важным стимулом деловой активности.

В психологической литературе термин «детерминизм» используется повсеместно и в наши дни для обозначения интегрального взаимодействия внешних и внутренних факторов как регуляторов («детерминант») поведения человека. Так, А. Бандура выделяет «реципрокный детерминизм»¹⁴⁶. В советское время полемика о детерминизме или вокруг него приобрела особенно острый характер во второй половине XX в. Этому способствовали некоторые внутринаучные обстоятельства того времени, а еще в большей степени – вненаучные. Во-первых, Т. Д. Лысенко в борьбе, как он говорил, с «морганистическим хаосом случайных, разорванных явлений» выдвинул тезис, можно сказать, платформу: «Наука – враг случайности»¹⁴⁷. Во-вторых, детерминизм отождествлялся многими с причинностью, с однозначным выводом, что беспричинных явлений в мире не существует. В-третьих, разгоралась «холодная война» и «противник» настойчиво бил в весьма чувствительную точку, а именно в экономический детерминизм. Требовалась идеологическая защита, поскольку отказаться от этого вида детерминизма представлялось невозможным из-за опасений разрушить целостность учения.

Одним из первых против узкого понимания детерминизма, связанного с устранением из науки случайностей, выступил Б. М. Кедров. Началась активная и содержательная разработка данной проблемы. В. С. Степин подчеркивает: «Выделилось направление, которое на долгие годы обозначилось как наиболее творческое и конструктивное, было непосред-

¹⁴³ Борн М. Моя жизнь и взгляды. С. 143.

¹⁴⁴ Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 54.

¹⁴⁵ Вебер М. Избранные произведения. С. 218.

¹⁴⁶ См.: Бандура А. Реципрокный детерминизм // Теория социального научения. СПб., 2000. С. 263–291.

¹⁴⁷ Грэхэм Л. Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 143.

ственно связано с проблематикой философии естествознания»¹⁴⁸. Добавим, что создавались междисциплинарные научные коллективы из представителей философии и естественных наук для подготовки учебников и монографий; лекции по философии естествознания на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова читали доктора наук в области естественных дисциплин. Тогда же было установлено, что детерминизм не сводится к причинности. Он включает все многообразие связей – генетических, экологических, функциональных, корреляционных и др., в том числе и тех, которые являются редкими, случайными, даже единичными. Так, Г. Кастлер¹⁴⁹ вычислил, что вероятность случайного возникновения жизни на Земле равна 10^{-255} . Это бесконечно малая величина, но она не равна нулю и должна приниматься во внимание в картине мира и учитываться в расчетах. Исходя из этого, А. И. Опарин, Дж. Бернал, Гольдманский и многие другие ученые строят все новые гипотезы происхождения жизни. Белорусский ученый, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий лабораторией нанооптики Института физики им. Б. И. Степанова НАН Беларуси С. В. Гапоненко утверждает: «Самым грандиозным научным открытием считаю установление строения атома и связанное с этим построение квантовой механики и в более широком смысле – квантовой физики. Самым грандиозным будущим достижением станет познание тайны жизни. Как органические молекулы собираются в такие структуры, которые начинают размножаться? Как из химических веществ появляется клетка, которая начинает жить своей жизнью? Например, на уровне атома нет понятия «старость», все атомы одного типа идентичны. А вот на уровне молекулы такие понятия могут возникать. Клетка отличается от молекулы способностью размножаться. Как возникает эта способность и почему со временем утрачивается? Все эти тайны пока ускользают от ученых»¹⁵⁰.

Важным достижением отечественной философии и естествознания следует признать выделение двух типов детерминизма: «жесткого» и вероятностного (статистического). «Жесткий» детерминизм выражает три особенности связей элементов системы: а) однозначный характер связей, б) равноценность, равнозначность всех связей как необходимых, законосообразных, в) независимость свойств элементов от их вхождения в систему. Ю. В. Сачков писал: «Особый подкласс жестко детерминированных систем образуют практически все современные искусственно создаваемые человеком машины и автоматы вплоть до кибернетических устройств»¹⁵¹. Упоминания (аналогия) М. Борном, позже И. Пригожиным «автоматов» можно, по-видимому, понимать так, что имеется в виду именно этот подкласс и этот же тип жесткой детерминации. Вероятностный детерминизм характеризуется: а) наличием огромного числа степеней свободы, б) статистическим распределением параметров системы (переменных), в) элиминированием межэлементных связей и введением понятия «свободных», т. е. независимых элементов (частиц), г) асимптоматичностью распределений. Здесь же подчеркивалась необходимость «анализа таких проблем, как проблемы энтропии, информации, эргодичности (работоспособности. – С. III), перемешивания, флуктуаций, релаксации и др. Многие из указанных вопросов не получили достаточно удовлетворительного решения и требуют более глубоких обоснований статистических закономерностей»¹⁵², т. е. вероятностного детерминизма.

Известно, что первым значительным достижением, выходящим за пределы лапласовского детерминизма, стало эволюционное учение Дарвина (1809–1882). Открытый Дарви-

¹⁴⁸ Стёпин В. С. Предисловие к книге Грэхэма Л. Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. С. 434.

¹⁴⁹ См.: Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М., 1967. С. 19.

¹⁵⁰ Гапоненко С. В. Интервью журналу «Большой». 2012. № 5. С. 67.

¹⁵¹ Сачков Ю. В. Проблема структуры материи и вероятность // Структура и формы материи. М., 1967. С. 50.

¹⁵² Там же. С. 54.

ном принцип дивергенции (расхождения признаков у потомков общего предка) практически калькируется в синергетике термином «версификация» (ветвление), но уже в качестве индикатора «принципиально нелинейных процессов»¹⁵³. Очевидно, что «Теория происхождения видов путем естественного отбора», опубликованная в 1859 г., не могла быть создана без вероятностных представлений, учета роли случайности, но ее невозможно представить и в русле индетерминизма. Индетерминизм (буквально – неопределенность) означает гипостазирование случайности, отрицания объективных связей между явлениями, представление о мире как царстве сплошной неупорядоченности, хаоса. В свете идей современной информатики становится более понятной двусмысленность термина «неопределенность». При принятии человеком решений, требующих выбора, ситуация неопределенности может возникать как из-за отсутствия (неполноты) информации, так и из-за избытка, перегруженности сведениями.

В истории биологии известна концепция ортогенеза – антидарвинистское учение о направленной эволюции, ограничивающее творческую роль естественного отбора в пользу идей предопределенности развития органического мира на основе изначальной целесообразности в живой природе (Т. Эймер, Л. С. Берг и др.). Это была попытка возврата к детерминизму лапласовского толка. В гносеологическом плане в ней присутствовал параллелизм с космогонической «небулярной теорией» Канта – Лапласа, согласно которой Солнечная система образовалась из первичной газовой туманности «естественным» путем: под действием законов сохранения энергии, импульса и момента импульса. Эту модель стали рассматривать как всеобщий закон превращения простого в сложное, в том числе и в живой природе, о чем ни Кант, ни Лаплас и не помышляли. Заметим, что и современные («диссипативные») концепции происхождения вселенной – Большого взрыва (гипотеза Леметра – Гамова), флуктуации вакуума (И. Пригожина) – оставляют много вопросов. Критика дарвинизма, запрет его преподавания в школах, сохраняющийся до сих пор в ряде штатов США, идет сегодня по двум направлениям. Во-первых, утверждается, что вероятности случайного возникновения полезных мутаций являются комбинаторными, а не геометрическими, а значит – существенно меньше, чем предполагал Дарвин. Во-вторых, что синтез белков, открытый Уотсоном и Криком, не только согласован в клетках единичного организма, но и учитывает ход процесса в других организмах, его соответствие иммунологическим и трофическим (цепочки питания) императивам. Опять-таки нет сомнения, что Дарвина оставили бы в покое, если бы он не довел свою теорию естественного отбора до логического завершения, т. е. не опубликовал «Происхождение человека и половой подбор» (1871). Безусловно, происхождение жизни на земле, происхождение видов и происхождение человека органично связаны между собой. Т. де Шарден назвал эту связь законом подъема сознания. Он писал: «Эволюция не просто включает мысль в качестве аномалии или эпифеномена, а легко отождествляется с развитием, порождаящим мысль, и сводится к нему, так что движение нашей души выражает сам прогресс эволюции и служит его мерилom»¹⁵⁴. Тем самым развитие мира приобретает смысл.

А. И. Опарин справедливо отмечал, что если не признается возможность возникновения живого из неживой материи, то остаются такие концепции, как гилозоизм (одушевленность материи), креационизм (сотворение), панспермия (жизнь занесена извне) и пр., ненаучность которых доказана. Вместе с тем, выступая против «открытия» О. Лепешинской клетки из неклеточной материи, он констатировал: «Однажды появившись, жизнь уже никогда не возникнет на Земле» («живое от живого»). В дискуссии о природе вируса (живой

¹⁵³ Можейко М. А. Идея нелинейности и феномен неопределенности: методологический поворот в современной науке // Социология. 2012. № 2. С. 39.

¹⁵⁴ Шарден де I Феномен человека. М., 1965. С. 146.

он или не живой) Опарин писал: «Это новообразование возможно лишь при наличии организации, которая свойственна только жизни, и, следовательно, не вирус послужил началом жизни, а, наоборот, он сам мог возникнуть только как продукт биологической формы организации»¹⁵⁵.

Этот небольшой экскурс мы приводим по двум соображениям: а) чтобы хоть в малой степени включить материал, сравнительно мало используемый в синергетике и постмодернизме, б) чтобы на примере биологии показать, что неопределенность – не чисто когнитивная категория, не антропоморфизм, а объективный параметр самой природы, реального мира. Многие явления неопределенны сами по себе, например: сдвиги в литосфере – твердой оболочке Земли до 40 км толщиной; движение воздушных масс – циклонов и антициклонов; пол ребенка при зачатии; миграция саранчи; пандемии и многое другое. Все это делает невозможным однозначный прогноз, стопроцентное предсказание тех или иных событий, явлений, исходов и вместе с тем подталкивает к философскому агностицизму и индетерминизму. М. Борн рассказывает о пережитом в молодости периоде агностицизма (скептицизма), когда он, пытаясь удостовериться, что зеленый лист в его глазах является действительно (объективно) зеленым, прошел через мучительные поиски ответа. Позже он писал: «Детерминизм постулирует, что события в разные времена связаны некоторыми законами таким образом, что возможны предсказания еще неизвестных ситуаций (прошлых или будущих)»¹⁵⁶. Если бы он добавил после слова «постулирует» вставку «как утверждал Лаплас», это было бы и справедливо по отношению к Лапласу, и корректно в философском смысле. А так – это тривиально, ибо общеизвестно, что однозначные предсказания и строгие расчеты дают лишь динамические законы, например закон всемирного тяготения. Этот закон позволил Циолковскому решить главную проблему космонавтики, а именно вычислить с точностью до метра, причем вручную, почти как гоголевский ярославский мужик, создавший топором и долотом знаменитую тройку – великий символ Руси («Русь-тройка»), первую космическую скорость, равную 8431 м/с, а позже Королеву – маршруты, грузоподъемность, запас горючего и тысячи деталей первых космических кораблей. И таких примеров множество: мосты и автомобили, дома и плотины, дороги и виадуки, электростанции и самолеты – все это покоится на точном расчете. Да и кто бы согласился жить в доме, если бы ему сказали, что вероятность его разрушения равна 0,1 или даже одна миллионная и катастрофа наступит в любое случайное время. Но поскольку в природе действуют не только динамические, но и статистические законы, человек задолго до теории вероятности пользовался такими предсказаниями – кристалликами опыта поколений в виде народных примет, традиций, ритуалов и пр. Сегодня вероятность точного краткосрочного прогноза погоды близка к 0,9, землетрясения – больше 0,5; даже пол ребенка предсказуем, исходя из того, что на 100 девочек рождается 108 мальчиков – такое статистическое распределение установила сама природа.

Фаталист, как отмечал М. Вебер, обречен или верить в мойру (рок), или надеяться на чудо, т. е. благоприятный для себя случай. Но ведь индетерминизм с его абсолютизацией случайностей как раз ведет к фатализму, мистике, суевериям, господству эзотерики, паранормальности, лженауки и пр. Детерминизм считался особым достоинством классической ньютоновской теории. Большинство естествоиспытателей сходятся на том, что современная неклассическая наука не отбросила достижения классики, а преемственно ассимилировала их. Есть, однако, и иные подходы. В одной из давних публикаций утверждалось: «Речь идет уже не о поправках, а об отмене предыдущей концепции, ибо, как сказал Фейнман, у нас нет

¹⁵⁵ Опарин А. И. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие. М., 1963. С. 64.

¹⁵⁶ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 149.

двух миров – квантового и классического, – нам дан один-единственный мир, в котором мы живем, и этот мир квантовый»¹⁵⁷.

Мир, действительно, один. Но каков он или каким его следует считать, чтобы не впадать в неразумный солипсизм, логический позитивизм, воинствующий нигилизм и иные, уже пройденные «измы» и их новые ипостаси? В поисках ответа обратимся к философским размышлениям основного автора квантовой теории Макса Планка (1858–1947). В 1937 г. он прочитал доклад «Религия и естествознание» в Дерптском (Тартуском) университете, который был опубликован у нас только в 1990 г. Первое, что он подчеркивает, – это преемственность в историческом развитии науки: «Физические представления изменялись не беспорядочно, а лишь постоянно совершенствовались и уточнялись»¹⁵⁸. Далее он говорит об универсальных константах, «образующих те неизменные кирпичики, из которых строится здание теоретической физики». Резко критикуя позитивизм, Планк показывает, что эти константы «являются наглядным доказательством наличия в природе реальности, не зависящей от любых человеческих измерений, и, что самое существенное, мы заранее точно знаем, что и все будущие измерения приведут к тем же константам»¹⁵⁹. Планк имеет в виду прежде всего одну из удивительнейших констант, носящую его имя – постоянная Планка. Таких универсальных констант достаточно много – скорости света и звука, состав воздуха, коэффициент гравитации и др. Именно константы создают основу мироздания, олицетворяют, как пишет К. Гильзин, «внутренние связи между микромиром, макромиром и миром Большого космоса, или, как его иногда называют, Мегамиром»¹⁶⁰. Важно и то, что устойчивость этих величин лежит в основе такого психологического феномена, как естественная установка восприятия мира. Об этом знаменитый афоризм И. Канта: «Две вещи наполняют мою душу восторгом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Планк подчеркивает, что такое глубочайшее благоговение, выраженное в приведенных словах Канта, человек обычно не испытывает перед тем, что «привнесено от себя, самим придумано». Позитивисту подобное благоговение чуждо. «Для него звезды – суть не что иное, как воспринимаемые нами комплексы ощущений. Все остальное, по его мнению, является полезным, но в принципе произвольным и необязательным». Обращаясь к основной теме доклада, Планк отмечает: «Религия и естествознание сталкиваются в вопросе о существовании и сущности Высшей Власти, господствующей над миром». Он убежден как религиозный человек, что «они вовсе не противоречат друг другу в утверждениях, что, во-первых, существует разумный миропорядок, независимый от человека, и, во-вторых, что сущность этого миропорядка нельзя непосредственно наблюдать, а можно лишь косвенно познать или предположить его наличие. Для этой цели Религия пользуется своеобразными символами, а точные науки – своими измерениями»¹⁶¹. В духе известного принципа дополнительности Н. Бора автор считает, что религия и естествознание не исключают друг друга, а дополняют и обуславливают. Пути нравственного отношения к миру, к жизни, с одной стороны, и рациональное познание – с другой, «не расходятся, а идут параллельно, встречаясь в бесконечности у одной и той же цели».

Как далеко это от суждений доцента математики, кандидата философских наук, действительного члена Американского научного общества В. Тростникова и физика Фейнмана о сугубо квантовом мире. На самом деле мир не только один, но и един, что требует преодоления междисциплинарных барьеров и методологических противоречий, начатых в XIX в.

¹⁵⁷ Тростников В. Научна ли «научная картина мира»? // Новый мир. 1989. № 12. С. 259.

¹⁵⁸ Планк М. «Религия и естествознание» // Вопр. философии. 1990. № 8. С. 30.

¹⁵⁹ Планк М. «Религия и естествознание» // Вопр. философии. 1990. № 8. С. 31.

¹⁶⁰ Гильзин К. В необыкновенном мире. М., 1974. С. 235.

¹⁶¹ Планк М. «Религия и естествознание» // Вопр. философии. 1990. № 8. С. 34.

«номологическим расколом»¹⁶², и принятия конструктивных шагов к единой науке. Не секрет, что растущий интерес на Западе к марксизму, многократное переиздание по требованию студентов первого тома «Капитала» в Германии и других странах побуждают вспомнить одно из пророчеств (или предсказаний) К. Маркса о судьбах науки. Он писал: «В дальнейшем естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет **одна** наука»¹⁶³.

Думается, что и противопоставление «жесткого» и вероятностного детерминизма неконструктивно, ведь согласно принципу дополнительности они должны дополнять друг друга, синтезируясь в неопределенности.

¹⁶² Шавель С. А. «Номологический раскол» и социологический оптимизм // *Общественная миссия социологии*. Минск, 2010. С. 106–127.

¹⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 596.

1.4. Социологический детерминизм в теории и эмпирических исследованиях

Вторая статья проф. М. А. Можейко¹⁶⁴, в которой наряду с другими размышлениями содержится весьма интересный анализ такого сложного явления, как трансгрессия, привлёк особое внимание социологической общественности. Вместе с тем стало очевидным, что наш диалог требует выхода в более широкое поле социологического дискурса. Нельзя не признать, что именно публикации М. А. Можейко – не только названные статьи в журнале «Социология», но и многие другие работы – послужили реальным толчком к анализу места и роли детерминизма в социологической науке, за что хотелось бы выразить особую ей благодарность. Относительно высказанного ею замечания о приведенном определении понятия «линейность», можно сказать следующие соображения. Действительно, некоторые упрощения в духе «геометризма» сделаны сознательно, для иллюстрации. Известно, что в математике линейность описывается уравнениями, причем существуют специальные приемы, позволяющие преобразовывать нелинейные уравнения в линейные. В этнографии для обозначения однолинейных родственных групп используется термин «линидж» (англ. Lineage)¹⁶⁵. К тому же, материнская и отцовская линии в силу экзогамного запрета расходятся, «ветвятся», подключая в генеалогию одной семьи членов из других семей. Такие нюансы также хотелось бы иметь в виду.

Нет сомнения, что детерминизм сыграл фундаментальную роль в истории естественных наук, но, вот, в XX веке несколько Нобелевских лауреатов (М. Борн, И. Пригожин и др.) решили отказаться от детерминизма, для чего достаточно было перейти к новой системе уравнений. (Еще один лауреат Ф. Хайек позже отказался от употребления терминов «общество» и «социальное»). Но тому, кто попытался бы убрать детерминацию человеческого поведения и социальных действий, пришлось бы радикально изменить и человека, и социум.

Многие физики обращались, как они говорят, к более сложным системам, какими являются человек и общество. Так, в одной из аудиторий МГУ хранится знаменитая формула Н. Бора: «Противоположности – не противоречивы, они – дополнительные». Прекрасный призыв к гармонии, который иногда успешно реализуется на микроуровне, но бизнес, большая политика и т. и. этот призыв игнорируют или просто не замечают. М. Борн неоднократно приводит тезис: «Разум отделяет возможное от невозможного, а здравый смысл – целесообразное от бессмысленного». Это умная и уместная компиляция древних мыслей, но следует ли ее понимать в духе известной поговорки «не дадим науке посрамить здравый смысл». В науке есть два типа маргиналов: мифотворцы и еретики. О мифотворцах говорится достаточно много, приведем пример отечественного «еретика». Им стал А. И. Вейник, в свое время лучший специалист в области литья. В числе его ересей – поддержка антропного принципа. Он писал: «Картина мира оказалась органически связанной и целиком обусловленной природой самого человека и его ролью и назначением в этом мире»¹⁶⁶. Кроме того, Вейник отверг 2-й закон термодинамики, заявив, что «его не знает природа». Он утверждал, что одним из примеров «Вечного двигателя» является обычная термopapa. Ввел такие понятия, как «парен» – абсолютный вакуум, «хрональное вещество» и многие другие, доказывал наличие тонких и сверхтонких структур. Возможно, его идеи и разработки не верны, но ведь огромный массив эзотерики усиленно эксплуатирует подобные идеи, а эксперты ничего не

¹⁶⁴ Можейко М. А. Постмодернизм и синергетика: формирование методологии нелинейного моделирования в философии и науке // Социология. 2013. № 4.

¹⁶⁵ См.: Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 80.

¹⁶⁶ Вейник А. И. Термодинамика реальных процессов. Минск, 1991. С. 3.

объясняют. Думается, что это также может иметь некоторое отношение к проблеме детерминизма в естествознании. Но мы хотели бы поразмышлять о социологическом детерминизме.

Понятие «социологический детерминизм» в научной литературе встречается заметно реже, чем многие иные разновидности детерминизма: географический, физический, исторический, экономический, генетический, физиологический, психологический и другие. Связано это с рядом обстоятельств. Во-первых, чисто языковым сближением терминов «социальный» и «социологический», вплоть до их отождествления путем растворения второго в первом. Это особенно характерно для XIX в., но инерционно перешло в век XX и сохраняется нередко и у современных авторов. Сами классики социологии не придавали значения терминологическим нюансам такого рода. О. Конт отнес социологию к естественным наукам и формулируемые законы – трех стадий и другие – прилагал к истории развития человеческого общества. Э. Дюркгейм, требуя, чтобы социальное (факты, явления) объяснилось только через социальное, видел в этом методологический принцип социологизма в позитивном смысле, без предиката «вульгарный», приклеенного позже критикой. М. Вебер свой вывод о связи протестантской этики с духом капитализма – или шире с ролью идей в общественном развитии – не называл социологическим.

В социологии К. Маркса ядро составляет материалистическое понимание истории, на основе которого создана социально-философская формационная теория, учения о классовой борьбе, соотношении базиса и надстройки, определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию и др. В работах классиков недооценен и не проанализирован тот факт, что термин «социальное» является пакетным понятием, охватывающим все сферы общественной жизни в их внутренней деформации и взаимной связанности.

В теоретическом плане из работ, относящихся к нашей теме, выделим публикации Питера Бергера и Маргарет Арчер. У П. Бергера примечательно само название «Общество в человеке» одной из глав в книге «Приглашение в социологию». В предисловии автор с долей иронии отмечает: «Социология в некоторых своих построениях как будто готова отобрать у экономики звание «мрачной науки» (из-за того, что она изучает и прогнозирует кризисы. – С. III), когда представляет перед читателем общество в виде жуткой тюрьмы мрачного детерминизма»¹⁶⁷. Мы знаем, что такой позиции придерживаются некоторые сторонники «методологического индивидуализма», в политике – либералы, либертарианцы, анархисты. Задача, которую поставил автор, состоит в том, чтобы опровергнуть этот предрассудок о «мрачном детерминизме», развеять ошибочные представления о «толпах взнузданных и управляемых властями» индивидов, побуждаемых к нормативному поведению и просоциальной активности только постоянной угрозой наказания. При этом он не обращается к характерным для исторического анализа отношений между индивидом и обществом теориям общественного договора (Гоббс, Руссо и др.), ни к более современным идеям «расширенного порядка человеческого сотрудничества»¹⁶⁸, выдвинутых либеральными экономистами. Его метод более конструктивный и исходит из психологических доказательств, как видно из названия данной главы, общественной природы человека. Относительно тезиса о подавленности индивида обществом П. Бергер заявляет: «И обыденное знание об обществе, и социологический анализ убеждают нас в том, что это не так. Большинству из нас ярмо общества не слишком третию. В большинстве случаев мы сами желаем именно того, что общество ожидает от нас. Мы *хотим* подчиняться правилам. Мы *хотим* той доли, которую общество определяет нам. А это в свою очередь возможно потому, что общество детерминирует не только то, что мы делаем, но также и то, что мы есть. Другими словами, социальное положение затрагивает

¹⁶⁷ Бергер П. Л. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 162.

¹⁶⁸ Хайек А. Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 15.

и наше бытие, и наше поведение в обществе»¹⁶⁹. Этот вывод аргументирован социологическими данными из теории ролей, социологии знания и теории референтных групп, сопровождаемых рядом блестящих примеров. Мы не имеем возможности комментировать изложение, обратим лишь внимание на следующее парадоксальное для

отдельных политологов замечание: «Неверно, что каждое общество имеет тех людей (народ или то правительство. – С. III), которых оно заслуживает. Скорее, общество производит таких людей, которые ему нужны»¹⁷⁰. Эти слова имеют прямое отношение к вечной полемике о «великих личностях», которых одни требуют деперсонализировать (Л. Толстой, например, и др.), другие – канонизировать как носителей Божественной харизмы. Но давно замечено, что великие личности, харизматики – Моисей и Христос, Перикл и Македонский, Наполеон и Петр I, Данте и Пушкин, Ломоносов и Эйнштейн и многие другие – появляются своевременно, хоть и случайно. Но это не тот случай, который вошел в поговорку: «Будь у Клеопатры нос короче, история пошла бы другим путем». Г. В. Плеханов справедливо утверждал: «Великими деятелями называются те, которые больше других способствуют решению великих общественных задач. А в нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя»¹⁷¹.

Таким образом, следуя Бергеру, можно сказать, что включение индивида в общество, его гоминизация (по Т. де Шардену¹⁷²) и социализация, детерминируются не внешним принуждением – это имело место при рабстве, – а внутренними механизмами идентификации, аффилиации (сближения, включения) и интериоризации – усвоения нормативно-ценностных стандартов социума. «Человек не может быть человеком (самоидентификация. – С. III) без других людей, как нельзя обладать идентичностью без общества. Обладать человеческим достоинством можно лишь с дозволения общества»¹⁷³.

В работах М. Арчер выделим принципиально важный для понимания социологического детерминизма анализ эмерджентных свойств общества. Нам казалось, что только у нас заклеянная в свое время «эмерджентная эволюция» (К. Л. Моргана, С. Александера) табуировала использование данного термина. Но вот М. Арчер пишет: «Поскольку социальные теоретики робеют перед «эмерджентностью», у нас (т. е. у них, в Англии. – С. III), действительно, не так-то много конкретных примеров того, как подходят к «досадному факту» (слова Дюркгейма) общества»¹⁷⁴. Это происходит, по едкому замечанию автора, из-за предосторожностей, «что “редукционизм” и “реификация” – это дорожные указатели на пути в ад».

Под эмерджентными свойствами общества понимаются, как следует из этимологии (англ. emergent – внезапно возникающий), неожиданно появляющиеся новые черты, признаки, формы и отношения. Но возникают они не из пустоты или «игры случая» (фортуны, рока или чуда), но из предсуществующих (латентно до времени) социальных форм. Они обладают причиняющей силой, но не как причинность в природе, а как обуславливающие последующую интеракцию. Арчер полемизирует не только с близким по духу, реалистом Р. Бхаскаром¹⁷⁵, но и с номиналистом Э. Гидденсом. Так, по ее мнению, «термин “структурация” отдает волюнтаризмом», а сведение эмерджентности к “следам памяти”, как это делает Гидденс, «являет собой один из примеров отчаянной попытки втиснуть неуловимое соци-

¹⁶⁹ Бергер П. Л. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 162.

¹⁷⁰ Бергер П. Л. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 173.

¹⁷¹ Плеханов В. ГК вопросу о роли личности в истории // Плеханов В. Г. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1956. С. 334.

¹⁷² Т. де Шарден. Феномен человека. М., 1992.

¹⁷³ Бергер П. Л. Общество в человеке // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 167–168.

¹⁷⁴ Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50.

¹⁷⁵ Бхаскар Рой. Общества // Социо-Логос: Общество и сферы смысла. Вып. 1. 1991. С. 219–241.

альное в якобы более осязаемые рамки индивидуального»¹⁷⁶. Дюркгейм назвал общество «досадным фактом» за онтологическую причуждливость социальной реальности, которая, в отличие от природной, не самодостаточна, так как целиком определяется, можно сказать, детерминируется человеческой деятельностью. Но чья деятельность, за что и когда ответственна? Арчер утверждает: «Путаница в ответах на эти вопросы происходит из-за слишком резкого и совершенно ненужного логического перехода от банального положения «нет людей – нет общества» к в высшей степени сомнительному утверждению «вот это общество, ибо эти люди – здесь»¹⁷⁷. В этом споре много примеров – образов, аналогий. Так, Гидденс уподобляет «общество» рулону цельнотканого полотна, Бхаскар – скульптуре, Арчер – платью, передаваемому по наследству. Думается, более уместен был бы пример французского психолога А. Пьерона. «Если бы нашу планету постигла катастрофа, в результате которой в живых остались бы только дети, а взрослое население погибло, то хотя человеческий род и не прекратился бы, однако история человечества неизбежно была бы прервана. Машины бездействовали бы, книги оставались бы непрочитанными, художественные произведения утратили бы свою эстетическую функцию»¹⁷⁸. Как видим, психолог до предела обострил проблему социального наследования, так часто недооценивавшуюся всевозможными нигилистами-пролеткультовцами в СССР, хунвенбиновцами в Китае, не говоря уже о маргиналах, декадентах в искусстве, новоязовцах и т. д. Индивиды, в иллюстрации Пьерона, остались, а общество исчезло, история человечества должна была бы начаться вновь, еще труднее, чем после библейского Потопа.

Эмерджентность – это в первую очередь достояние предыдущих поколений, сохраняющееся в материальных сооружениях, в памятниках культуры, образовании, демографии, знании. «Старинное снадобье, – подчеркивает Арчер, – обладающее лечебными свойствами, будет лечить и через сто лет, если его рецепт заново обнаружат и опробуют. В этом случае знания *активируют*, а не осуществляют (это совершенно разные вещи). Эмерджентные культурные свойства вводятся здесь в качестве еще одной широкой категории социального, которая онтологически не зависит от деятельности людей здесь и теперь»¹⁷⁹.

1. Детерминистское объяснение как функция науки

История человеческой мысли накопила множество толкований детерминизма, включая дефиниции исходного термина и его производных (в их числе и индетерминизм), логики и внутренней структуры разных типов и видов детерминации, оценок их эвристической роли в познании. Вводя понятие «неодетерминизм», важно учитывать, что префикс «нео» в любых словообразованиях (неотомизм, неопозитивизм, неомарксизм и т. и.) означает не отрицание, а переосмысление содержания базового термина, своего рода контаминацию (смягчение) обоих значений понятия – нового + сохраненный инвариант прежнего. Для примера рассмотрим два подхода, представленных Максом Борном (1882–1970) и Б. М. Кедровым (1903–1985), каждый из которых отстаивал в свое время творческий подход к проблеме детерминизма, хотя и из разных позиций.

М. Борн – лауреат Нобелевской премии (1954 г.), один из тех выдающихся физиков («физик физиков», по словам Б. Коэна¹), которые уделяли большое внимание гуманитарным аспектам современной науки. Он заявлял: «Меня никогда не привлекала возможность стать узким специалистом. Философский подтекст науки всегда интересовал меня больше, чем ее

¹⁷⁶ Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 54.

¹⁷⁷ Там же. С. 56.

¹⁷⁸ Цит. по: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981. С. 423.

¹⁷⁹ Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 59.

специальные результаты»^{180 181}. Признавая, что первые физики считали детерминизм ньютоновской механики особым достоинством этой теории, Борн утверждает, что «новая квантовая механика оказалась не детерминистской, а статистической»¹⁸². С таким противопоставлением не согласились лидеры квантовой теории Планк, Эйнштейн, де Бройль и Шредингер, что, как мимоходом отмечает автор, «в какой-то мере связано с тем, что я был удостоен Нобелевской премии за мою работу только 28 лет спустя»¹⁸³. Об остроте противоречия говорит то, что Планк более 10 лет пытался ввести открытый им квант действия в систему классической теории, Эйнштейн в письме к М. Борну признается: «Мысль о том, что попадающий под воздействие луча электрон по свободной воле может выбирать время и направление дальнейшего движения, для меня невыносима. Если до этого дойдет, то лучше быть сапожником или маклером в игорном доме, а не физиком»¹⁸⁴. Как говорили древние, ничто человеческое не чуждо даже таким выдающимся умам.

Борн формулирует следующее суждение, названное почему-то определением: «Детерминизм постулирует, что события в различные времена связаны некоторыми законами таким образом, что возможны предсказания еще неизвестных ситуаций (прошлых или будущих)»¹⁸⁵. Как видим, автор предлагает понимать детерминизм как предсказание. Но этот термин достаточно амбивалентен. Предсказания мировых событий – удел пророков («Восстань Пророк и виждь и внемли» – призывал Пушкин), на низших уровнях в этом ремесле подвизаются астрологи, ясновидцы, гадалки, шаманы, хироманты и др. В науке этот термин употребляется скорее метафорически: третью функцию науки, после описания и объяснения, называют прогнозированием, имея в виду построение трендов (вероятностных тенденций) с вектором в будущее, или же используя в историческом анализе прием Вебера – поочередное элиминирование ретроспективных связей как условий события. Историк идет от следствия к причинам, считая адекватным тот факт, отбрасывание которого могло бы предотвратить или существенно изменить событие. Например, не будь провокационной демонстрации Гапона, революция 1905 г. не произошла бы, или протекала бы не в то время и не в тех формах. Сам Борн пишет, что не начини Германия Вторую Мировую войну, «первый ядерный реактор мог быть построен где-нибудь в цивилизованном мире пятью или десятью годами позже»¹⁸⁶. И, по-видимому, это был бы проект «мирный атом». Говоря о современности, уместно спросить: «Откуда взялась «частица Бога» – бозон Хиггса, если для ее экспериментального поиска потребовался самый дорогой за всю историю науки прибор – Большой адронный коллайдер?». Конечно, она предсказана, т. е. родилась «на кончике пера» – путем решения математических уравнений. Заметим, что К. Поппер предложил различать два вида прогнозов: пророческий и технологический. Первый, по его словам, касается «событий, предотвратить которые не в наших силах»¹⁸⁷. Он основан на особой форме детерминизма, называемого предестинационизмом – высшим предопределением, его роль в протестантской этике раскрыл М. Вебер. Его смысл раскрывается в следующем тезисе, сформулированном Августином Блаженным: «Если ты не предопределен к спасению, сделай так, чтобы ты был предопределен к нему»¹⁸⁸. Второй – Поппер назвал «конструктивными предсказаниями,

¹⁸⁰ ^xКоэн Б. Введение к книге М. Борн «Моя жизнь и взгляды». М., 1973. С. 8.

¹⁸¹ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 19.

¹⁸² Там же. С. 117.

¹⁸³ Там же. С. 80.

¹⁸⁴ См.: Эйнштейновский сборник. М., 1971. С. 47.

¹⁸⁵ Борн М. Моя жизнь и взгляды. С. 149.

¹⁸⁶ Борн М. Моя жизнь и взгляды. С. 70.

¹⁸⁷ Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 53.

¹⁸⁸ Вебер М. Избранные произведения. С. 223.

которые знакомят нас с шагами, которые мы можем предпринять, *если* желаем достигнуть определенных результатов»¹⁸⁹. Двусмысленность термина «предсказание» позволяет включить в эту группу и всевозможные прорицания личной судьбы и других событий. Все они что-то обещают, от чего-то предостерегают, но в отличие от научных прогнозов они строятся на иррациональных («индетерминистских») основаниях «самоосуществляющегося пророчества» (Эффект Эдипа). Суть его в том, что чаще всего сбывается то, во что человек поверил, ибо на этой вере он строит стратегию своих действий.

Предложенный М. Борном вариант дефиниции детерминизма позволяет, с одной стороны, уйти от лапласовской монопричинности, исключаяющей случайность как эпифеномен недостатка знания, с другой – не затрагивать проблему статистической закономерности в интерпретации квантовой теории. В разделе, названном «Индетерменистская физика», он утверждает: «В физике устраняется не причинность, понимаемая должным образом, а лишь традиционная интерпретация, отождествляющая ее с детерминизмом»¹⁹⁰. Создается впечатление, что речь идет исключительно о табуировании слова «детерминизм», как Хайек требовал изъять из научного оборота все термины, имеющие в дополнении слово «социальное»: социальная справедливость, защита, стратификация, мобильность и др., всего 161 термин¹⁹¹. Он демонстративно заявил: «Я дал себе зарок никогда не употреблять слов “общество” (society) или “социальный” (social)»¹⁹². Конечно, этот демарш никаких последствий для научной терминологии не имел, кроме насмешек над фанатизмом автора. Действительно, как понять “индетерминизм” физики, если сохраняется причинность, если автор подчеркивает: «...наблюдаемые события повинуются закону случая, но вероятность этих событий сама по себе эволюционирует в соответствии с уравнениями, которые, судя по всем своим существенным особенностям, выражают причинные законы»¹⁹³.

Академик Б. М. Кедров одним из первых среди советских философов и ученых выступил против механицистского понимания детерминизма, сведения его к монопричинности, исключения случайности и других непричинных связей и зависимостей. Он предложил следующее определение понятия: «Детерминизм есть общее учение, признающее существование универсальной закономерной связи всех вещей и явлений мира и отрицающее существование каких-либо явлений и вещей мира вне этой связи»¹⁹⁴. На первый взгляд, приведенная дефиниция может показаться весьма общей, абстрактной, но здесь важны интерпретации и контекст. Во-первых, она направлена против понимания детерминизма как учения о причинности, с выделением главной, решающей причины. Намек на экономический детерминизм более чем очевиден. Во-вторых, указание на универсальные (всеобщие) закономерные связи предполагало включение всех их – функциональных, корреляционных и др. – в детерминистский системный анализ. В-третьих, косвенно снимался запрет с «теории факторов» исторического процесса, сторонниками которой были М. Ковалевский, отчасти Плеханов и др. Что касается контекста, то главным было то, что такой подход не мог не затрагивать канонические положения исторического материализма – об определяющей роли экономического способа производства и классовой борьбе как движущей силе истории. На этом основании предложение было отвергнуто, а Кедров подвергся экзекуции. Однако исследования

¹⁸⁹ Поппер К. Нищета историцизма. С. 53.

¹⁹⁰ Борн М. Моя жизнь и взгляды. С. 150.

¹⁹¹ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1990. С. 199.

¹⁹² Там же. С. 189.

¹⁹³ Борн М. Моя жизнь и взгляды. С. 151.

¹⁹⁴ Кедров Б. М. О детерминизме // Философ, науки. 1968. № 1. С. 41.

проблематики детерминизма продолжались, они лишь сместились в область философских проблем естествознания¹⁹⁵.

Таким образом, детерминизм представляет собой активную сторону взаимодействия, включающую каузальную связь, а также неперчинные детерминации, такие как функциональная, кондициональная, структурная, инспирирующая и системная.

2. Триада детерминизма: Необходимость-Случайность-Свобода

Первые атомисты, используя указанную тройку категорий, заложили начало учений о детерминизме. Множественное число здесь уместно уже потому, что Демокрит (460–370 гг. до и. э.) и Эпикур (341–270 гг. до и. э.) разошлись в толковании начал. Не только в определении «статуса случайности», на что обращал внимание К. Маркс¹⁹⁶, но и в понимании связи свободы и необходимости. Один из комментаторов (Лактанций) отмечал: «Начинать надо с того вопроса, который кажется первым по природе: существует ли провидение, которое печется обо всех делах, или случайно все сделано и совершается?»¹⁹⁷. Поскольку и Демокрит и Эпикур отрицали провиденциализм, влияние сверхъестественных сил, то создавалось впечатление, что они оба сторонники второго учения: Демокрит его основатель, а Эпикур его защитник, как считал Лактанций. Но для Демокрита случайность не объективная категория, а всего лишь плод незнания. «Люди измыслили идол (образ) случая, – утверждал он, – чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность»¹⁹⁸. Исходя из положения о всеобщей связи явлений (вещей) как бытия атомов, не имеющего начала во времени, но существующего вечно, он назвал детерминизмом учение о необходимости как законе природы. Раскрыть этот закон можно только в каузальном анализе. Отсюда его утверждение: «Я предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе персидский престол». Так были заложены методолого-мировоззренческие основания механицистского толкования детерминизма, поддержанные позже многими выдающимися философами (Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Р. Декарт и др.) и естествоиспытателями (Г. Галилей, И. Ньютон, К. Линней) и оформленные в систему П. Лапласом.

Эпикур дополнил атомизм Демокрита идеей Эмпедокла о спонтанном отклонении атомов, т. е. самопроизвольном изменении ими от траектории движения. В методологическом плане это вело к признанию объективного характера случайностей («Бог в кости не играет» – говорил А. Эйнштейн), а значит, преодолению фаталистических тенденций детерминизма Демокрита. Вместе с тем абсолютизация случайностей породила ряд концепций индетерминизма, первоначально в гуманитарной сфере, в частности свободы воли человека, с ее утверждением вопреки догмату Августина Блаженного, а также учений о коллективном договоре, либеральных принципах индивидуализма, *laissez faire* – невмешательства государства в хозяйственную жизнь. Позже в биологии индетерминизм проявился в концепциях случайного зарождения жизни – витализм, гилозоизм, креационизм, панспермия и др. В физике абсолютизация случайностей заметна в теории «тепловой смерти вселенной», «парникового эффекта», «озоновых дыр», «корпускулярно-волнового дуализма», «свободной воли электрона» и других. Тезис М. Борна о «индетерминистской физике», в которой фундаменталь-

¹⁹⁵ См., напр.: «Философия естествознания» (М., 1966); «Структура и формы материи» (М., 1967); *Слемнев М. А.* «Лабиринты познания» (Минск, 1988); *Волкова Э. В., Филюков А. И., Водопьянов Т. А.* «Детерминация эволюционного процесса» (Минск, 1971); *Огородников В. Т.* «Познание необходимости» (М., 1985); *Трубинов Т. Т.* «Время человеческого бытия» (М., 1987); *Стенин В. С.* «Научное познание в социальном контексте. Избр. труды» (Минск, БГУ, 2012).

¹⁹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 35–37.

¹⁹⁷ Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 68.

¹⁹⁸ Материалисты Древней Греции. С. 69. См. *Ситовский В. Д.* Сократ и его время. СПб., 1910.

ной категорией является случайность, а не необходимость, стал толковаться как отрицание причинности, вопреки утверждению автора, что беспричинной науки быть не может. Все это только подтверждает, насколько прав был еще Сократ, требуя точного определения терминов. Для социологов особенно важна его следующая мысль: «На правильно поставленный вопрос может быть получен правильный ответ»¹. Сократ не только предугадал логику когнитивного диалога, но и дал своего рода микросхему понимающей каузальной связи: вопрос является причиной поиска ответа, а ответ – инспирирует новый вопрос, и так до достижения подлинного консенсуса, например, при решении математической задачи, или временной конвенции в житейских делах, в области вкусов, мнений и т. д.

Существует бесчисленное количество публикаций по этим терминам, но в рамках детерминационного подхода их изолированное рассмотрение (словарные статьи) не имеет смысла, поскольку теряется поисковая интенция, а именно – для чего они вводятся. Так как нас интересует не философский или теоретический, а только социологический статус этих категорий, то прежде всего отметим, что в социальной реальности они существуют парами, образуя друг с другом 6 дуплетов: необходимость-случайность, необходимость-свобода, случайность-свобода, и обратное соотношение. По отдельности каждая из этих категорий определяется через закон как родовой признак: необходимость есть устойчивая сущностная связь, обусловленная природой вещей; случайность – это отклонение от закона (необходимости) под влиянием изменяющихся внешних или внутренних факторов взаимосвязи; свобода есть возможность выхода за пределы необходимости путем новых вариантов действий.

Социолог, разрабатывая программу исследования, исходит из философских методологических предпосылок и имеющихся дефиниций терминов, но стоящие перед ним задачи требуют перенесения этих категорий в повседневную жизнь с оценкой (прогнозной или хотя бы гипотетической), как они воспринимаются людьми, с чем связаны имеющиеся различия и т. д. Можно, по-видимому, утверждать, что каждый человек достаточно часто оказывается в ситуациях с системой координат: Необходимость-Случайность-Свобода. Измерение этих координат, пусть даже по внутренней, субъективной шкале, и означает, что ситуация, по У. Томасу, определяется как реальная. И конечно, каждый, независимо от уровня знаний, навыков анализа, опыта рефлексии, характеризует своими словами такие ситуации. Если воспользоваться формой стандартизированных вопросов, то можно сказать, что под необходимостью чаще всего понимается следующее.

1. То, что существует как «мир данности» (А. Шюц): звездное небо над головой, смена времен года, социальные институты и др.
2. То, на что повлиять я не могу: природные катаклизмы, состояние погоды, мировые кризисы, международные отношения и пр.
3. То, что определяется распорядком дня моих занятий, регламентом и должностными инструкциями, правилами техники безопасности, дорожного движения и т. д.
4. Удовлетворение первичных потребностей: гигиена, питание, поддержание бытового порядка и т. д.
5. Обязательства, обещания, назначенные встречи, присяга, клятва, обет, заповеди и другое.
6. Ролевые ожидания на всех уровнях – от семьи, коллектива, группы единомышленников, руководства до социетальной общности.
7. Нравственные нормы и принципы поведения, этикет, правила игры, человеческого общения и другое.

К случайным относят обычно неожиданные, непредвиденные события, которых в данной ситуации быть не могло или их вероятность крайне мала.

1. «Счастливый билет» – и не только на экзамене или в лотерее, но и в самых жизненных обстоятельствах.

2. Просто удача, везение, «фарт», чудо и т. п.

3. «Кирпич на голову» – неприятный случай, который предусмотреть трудно или даже невозможно.

4. Нечто привходящее, непредусматриваемое в той или иной ситуации: неожиданный гость, неожиданный попутчик, резкий поворот событий и т. п.

5. Случай как подсказка некоторой логики распределения фактов или ошибок, плюсов и минусов в слепом поиске («методом тыка»): один гриб – семейство, одна поклевка – хороший улов...

6. Случай как повод для углубленного анализа собственной готовности к неожиданности (попытка развести в походе костер во время дождя), для изменения или развития ситуации.

Под свободой в социологическом смысле слова можно понимать способность человека иметь (занимать) личностную позицию по жизненно важным для него проблемам; позицию, выработанную самостоятельно и добровольно на основе рефлексии своего общественного положения и оценки существующих констелляций (условий, факторов и т. д.), антиципируемых (предвидимых) результатов собственных действий и тенденций институциональных изменений. Иначе говоря, свободен тот, кто может экзистировать, т. е. выходить за пределы своей единичности, подниматься над критическими обстоятельствами, находить новые смыслы и проявлять надситуативную поисковую и деловую активность. Социологический подход, – в отличие от антропологического, метафизического и др., в которых постулируется ипостась свободного человека, абсолютизируется свобода как «субстанция духа», как надмировая универсальная (единая для всех времен и народов) ценность и т. д., – не может не учитывать относительность и конкретность данной категории. Для социолога аксиоматично, что люди воспринимают свободу по-разному. Еще Гегель писал: «Обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по своему произволу, между тем, именно в произволе заключена причина его несвободы»¹⁹⁹. И. Кант, формулируя в «Критике чистого разума» свои знаменитые три вопроса, имел в виду, очевидно, и пути к свободе:

«1. Что я могу знать?

2. Что я могу делать?

3. На что я могу надеяться?»²⁰⁰.

Неслучайно в «Логике» он поставил четвертый, обобщающий вопрос: «Что такое человек?»²⁰¹.

На опасность абсолютизации категории свободы указал в свое время известный психолог и социолог Эрих Фромм (1900–1980), посвятив этой теме книгу «Бегство от свободы». Люди бегут от свободы по многим причинам: из-за доминирования в социуме модуса «обладания», позже он дополнился «синдромом потребительства»²⁰², чувства одиночества, неуверенности, внутреннего диссонанса и проч. Куда бегут? В конформизм, лояльность, анархизм, иррационализм, эскапизм, разрушительство, респрикционизм как имитацию хорошей работы и т. д. В своей следующей работе «Человек для себя» автор, перефразируя тезис Руссо, «Человек рождается свободным, а между тем он повсюду в оковах», задает вопрос: «Означает ли это, что человек свободен, даже если рожден в оковах?» и отвечает отрицательно. «Если человек подвергается угрозе, превосходящей его силы, он становится беспо-

¹⁹⁹ Гегель Г. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 81.

²⁰⁰ Кант И. *Критика чистого разума*. Соч. в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 661.

²⁰¹ Кант И. *Логика. Трактаты и письма*. М., 1980. С. 332.

²⁰² См. Бодрийяр Ж. *Общество потребления*. М., 2006.

мощным и испуганным, его действия становятся судорожными и парализуются»²⁰³. Фромм отмечает, что человек западного мира не решил свою моральную проблему, его только попытались убедить, что «наше личное и социальное будущее гарантируются единственно нашим материальным успехом»²⁰⁴. Критики часто обвиняли Фромма в излишней акцентуации этико-психологических аспектов свободы при очевидной и сознательной отстраненности от углубленного анализа институциональных параметров общества. Думается, что приведенные выше слова о **детерминации свободы единственно материальным успехом** показывают, что он понимал значение в этом процессе внешних факторов, но оставался, в основном, в пределах своей психо-социологической специализации. Тем не менее нет сомнений, что его предсказания о таких латентных угрозах экзистенции, как культ обладания и материального успеха, синдром потребительства, роботизация на производстве и другие, откупиться от которых человек будет согласен даже ценой потери свободы, все чаще подтверждаются. Последний раз мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2010 гг., выход из которого, т. е. достойный Ответ, по Тойнби, пока не просматривается даже в высокоразвитых странах «свободного мира».

Социологический анализ направлен на выявление типичного: мнений, оценок, ожиданий, настроений, позиций и т. д. Этим он и ценен, ибо, как отмечал Вебер, если бы даже удалось собрать всю сумму индивидуальных реакций, это было бы только хаотичное, нерасчлененное нагромождение фактов, не помогающее, а мешающее и познанию, и практическим ориентировкам. «Порядок в этот хаос вносит только то обстоятельство, что интерес и значение имеет для нас в каждом случае лишь часть индивидуальной действительности, которая является предметом каузального объяснения»²⁰⁵. Относительно восприятия свободы социологу важно прежде всего установить, в каких сферах жизнедеятельности и в какой степени чувствуют себя свободными разные социальные группы и демографические категории. Это касается выбора места жительства, работы, возможности заработка, доступа к образованию и информации, поездок за рубеж, высказывания своих мнений, приверженности религиозным конфессиям, поддержки политических взглядов и партийных программ и др. В эмпирико-социологическом исследовании этот перечень может быть продлен, в том числе и постановкой открытых вопросов.

Следующий шаг – это выявление «ограничителей» прав и свобод, по оценке респондентов. Анкетный вопрос может звучать так: «Скажите, кто и что препятствует реализации указанных Вами прав и свобод?» Корреляционный анализ позволяет связать эти данные с предыдущим вопросом и установить, например, что или кто ограничивает, по мнению опрашиваемых, свободу выбора учебного заведения абитуриентами.

Социологическое исследование свободы не может обойти проблему ответственности. Тема эта напрямую связана с детерминизмом человеческих поступков, а значит с необходимостью и случайностью во всех их сложных переплетениях. Мы здесь отметим лишь некоторые моменты. *Во-первых*, утверждение Вебера, что свободным действием является только действие *разумное*, независимо к которому из четырех типов оно относится. «Совершенно очевидна, – утверждает Вебер, – ошибочность мнения, согласно которому “свобода” волеия, как бы ее ни понимать, идентична “иррациональности” поведения... Специфические “не поддающиеся учету” действия, равные “слепым природным силам” (но не превышающие их), – привилегия сумасшедшего»²⁰⁶. По этому критерию можно отделить манипулятивные, рекламные и прочие имитации псевдорациональных действий. Как заметил извест-

²⁰³ Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 235.

²⁰⁴ Там же. С. 238.

²⁰⁵ См. Вебер М. Избранные произведения. С. 376.

²⁰⁶ Вебер М. Избранные произведения. С. 426.

ный писатель-сатирик Аркадий Арканов, «Сегодня существует сплошная свобода понижать планку»²⁰⁷, имея в виду свою сферу деятельности, но и не только.

Во-вторых, вечная тема о свободе воли. Известно, что Блаженный Августин отверг свободу воли, исходя из учения о божественном предопределении, которое было преобразовано позже и положено в основу кальвинистской ветви протестантизма. В то же время многие известные мыслители разных направлений отстаивают свободу воли. Так, Сартр утверждал, что человек обладает «абсолютной внутренней свободой»²⁰⁸.

Вполне очевидно, что полное отрицание свободы воли ведет к фатализму, к торжеству «железной необходимости» детерминизма лапласовского толка, при котором с человека снимается ответственность за результаты его действий или бездействия. Но и абсолютизация свободы воли чревата волюнтаризмом, как худшей формы индетерминизма. Стремление пройти между Сциллой и Харибдой привело в свое время Б. Спинозу к формуле «свобода есть осознанная необходимость», которую поддержала и развила классическая немецкая философия, особенно Гегель, а за ним К. Маркс и его последователи. Эта дефиниция подверглась не столько даже критике, сколько поношению якобы «нелепостей» марксизма (о Спинозе и Гегеле забыли, если и знали) за то, что она неадекватна очевидным фактам. «Человек сидит в тюрьме, но должен чувствовать себя свободным, если осознает какую-то необходимость» – доказывал математик и диссидент Есенин-Вольпин на одном из диспутов в МГУ. На самом деле, данная формула правильная, но она относится только к позитивной версии, понимаемой как свобода «для». Имеется в виду выбор средств достижения цели, инструментария, проекта, бизнес-плана, т. е. всего того, что позволяет человеку действовать со знанием дела, или разумно, по Веберу. Свобода «от» есть лишь подготовительный этап, представляющий собой избавление от внешних ограничений, принудительной силы обстоятельств, а также и раскрепощение от внутренних скреп, ограничивающих проявление потенциала – от комплексов неполноценности, фобий, маний, зажатостей, застенчивости, в том числе и недостатков знаний и умений, что преодолевается культурой и образованием.

Волюнтаризм – это торжество не воли, а глупости, когда невежественный человек считает субъективно желаемое объективно возможным и достижимым. Скажем, если бы Хрущев был профессиональным агрономом, вряд ли бы он довел посевы кукурузы до экстремально высоких широт, вплоть до Мурманской и Архангельской областей; будь он профессионалом в политике – не затевал бы многие из своих кампаний, отрицательный исход которых достаточно определенно просчитывался. Но верно и другое: ничего этого он не делал бы, если бы чувствовал и нес персональную ответственность за свой волюнтаризм. Заметим, что у отдельных мыслителей само понятие «воля» приобрело превращенный, гипертрофированный статус. У Ницше, например, воля к власти есть *cause sui* – причина самой себя, преодолевающая все сила, средство самоутверждения и основной критерий отбора для формирования вида «сверхчеловеков». К чему ведет освобождение такой воли, продемонстрировал фашизм с любимым слоганом Гитлера: «Солдаты, я освобождаю вас от химеры, называемой совестью». Видимо, такого рода перверсии волюнтаризма имел в виду М. К. Мамардашвили, когда писал: «Одной из катастрофических идей XX века является идея нового человека... Реальный же парадокс истории состоит в том, что дай нам Бог порождать или породить просто человека, имеющего свое назначение»²⁰⁹.

В-третьих, в многослойной проблематике социологического детерминизма особое значение имеет способность (воля) к самоограничению. Гегель писал: «Кто хочет совершить

²⁰⁷ См.: «КП» в Белоруссии. 2013. 12 июня.

²⁰⁸ Сартр Ж.-П. К театру ситуаций // Антология французского театрального авангарда. М., 1992.

²⁰⁹ Мамардашвили М. К. Из лекций по социально философии // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 34.

великое, должен уметь ограничивать себя»²¹⁰. «Сознание свободы, – подчеркивал С. Булгаков, – загорается в душе лишь через чувство ее ограниченности»²¹¹. Характерно признание Б. Л. Пастернака в письме к сестре 31 октября 1924 г.: «Если бы в моем случае все сводилось к тому, чтобы много зарабатывать, этот вопрос был бы давно разрешен, но я человек наименее свободный из нас четверых... Под несвободой я разумею несвободу предназначения»²¹².

3. Логика социологического детерминизма: схема М. Вебера

Лозунг «Назад к Канту» для М. Вебера не был столь актуален, как для Дильтея, Зиммеля, Риккерта. На последнего Вебер ссылается при разработке ценностных идей. Но нельзя не признать справедливой следующую оценку их творческой связи, данную Р. Ароном. Имея в виду методологические и теоретические результаты исследований Вебера, он писал: «Даже если допустить, что они исходят из «Границ»²¹³, то нужно было бы сказать, что влияние Риккерта на Вебера было только средством самокритики»²¹⁴. Стремясь сохранить место субъективности и одновременно соблюсти объективность анализа необходимости, Вебер формулирует исходные методологические принципы: «отнесение к ценности» и «свобода от оценок». Первый из них позволяет исследователю (историку, социологу) исходить из собственного ценностного сознания в понимании «духа времени», опереться на собственную идентичность при конструировании объекта изучения и отборе фактов; второй – запрещает делать оценочные суждения как до, так и после исследования.

Будучи ученым и в то же время человеком политики, Вебер стремился к объективности в истории (и в общественных науках) не вопреки, а ради политики: примечателен его ответ на вопрос, может ли анархист быть профессором права²¹⁵. Для нашей темы особое значение имеет, как отмечал Р. Арон, положение Вебера о том, что «каузальные связи между фактами должны иметь объективный характер, иначе воспроизведение прошлого распадается на множество несовместимых линий, потому что мир мыслим только в том случае, если в нем царствует детерминизм»²¹⁶. Вебер разработал оригинальную логическую схему анализа детерминации, называемую часто логикой каузальности или, как у Арона, «логикой объективности».

В учебниках по логике выделяют три типа связей между понятиями (суждениями): 1) конъюнкция – связка «и», например – «город *и* село»; 2) дизъюнкция – связка «или», например – «студент *или* аспирант»; 3) импликация – связка «если..., то», например – «*если* идет дождь, *то* на улице слякоть». Различают импликацию материальную и формальную: первая выражает реальное изменение вещей, событий; вторая – операции с символами. Импликативную форму имеют и более сложные логические построения, такие как силлогизм типа: «Если *A* присуще всякому *B* и *B* присуще всякому *C*, то *A* присуще всякому *C*».

Первая часть силлогизма называется антецедентом, вторая – консеквентом²¹⁷. Антецедент включает предпосылки как основания существования каузальной связи в изучаемой предметной области. В число таких предпосылок входят причины, а также необходимые

²¹⁰ Гегель Г. Ф. Философия права. С. 79.

²¹¹ Булгаков С. Философия хозяйства. М., 2008. С. 239.

²¹² Пастернак Б. Несвобода предназначения. Из писем // Знамя. 1990. № 2. С. 195.

²¹³ Имеется в виду основная работа Риккерта «Границы естественнонаучного обоснования понятий». СПб, 1909.

²¹⁴ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М., 2000. С. 150.

²¹⁵ Вебер М. Избранные произведения. С. 245.

²¹⁶ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М., 2000. С. 149.

²¹⁷ Асмус В. Ф. История античной философии. М., 1966. С. 267.

условия и релевантные сопутствующие обстоятельства, иначе говоря – причинный комплекс и механизм его действия. Вторая часть силлогизма называется консеквентом и включает все возможные следствия, вытекающие из установленных предпосылок. Отметим еще два термина, используемых Вебером: акциденция – это случайные изменения причин, следствий и их взаимосвязей; констелляция (букв, созвездие, россыпь, стечение) – целостность событий, фактов, относящихся к рассматриваемому предмету (теме).

Свою логическую схему Вебер разрабатывал в полемике с Э. Майером²¹⁸ и вслед за ним опирался на исторический материал, отмечая ретроспективность исторического познания, неизбежность регрессии в каузальном исследовании, т. е. движения от следствий к причинам, а не наоборот. Но было бы неоправданно на этом основании усомниться в социологическом значении данной разработки. Можно только повторить вслед за Ароном, что и для социологии «фактически самой интересной схемой является схема, предложенная Вебером»¹. И конечно, схема, построенная для анализа каузальной связи, не отрицает ее применимость к детерминизму, при условии, что причинность не выносится за пределы детерминизма, а составляет его ядро.

Вебер исходит из положения о том, что для объяснения исторического события (выявления его причин) необходимо задаться вопросом: «А что было бы, если бы...?» История, конечно, не знает сослагательного наклонения как материальной импликации, но в грамматике и логике оно не отменено, более того, к нему постоянно прибегают и простые люди и политики. Приняв такую посылку, Вебер выделил четыре логические операции каузального анализа: 1) расчленение консеквента; 2) диверсификация антецедентов с выделением того из них, эффективность которого необходимо оценить; 3) конструкция ирреальной динамики; 4) сравнение психических образов и реальных событий. «Что было бы с Грецией, ее культурой, если бы в битве при Марафоне победили персы?» – ставит вопрос Вебер. Для оценки консеквента целесообразно посмотреть, к каким последствиям привело владычество персов на уже захваченных территориях – Израиль, Малая Азия, Египет. Сравнение показывает, что теократический режим (власть жрецов) был бы не необходимым, но объективно возможным и для Греции. Его реализация зависела бы от некоторых обстоятельств, которые были бы особенными для Греции в сравнении с другими странами, или таковых не было бы.

Для поиска адекватных причин следует в мысленном эксперименте поочередно выделять и изолировать каждый из антецедентов, наблюдая, когда событие было бы невозможным, либо имело бы существенно иные следствия. Сегодня такой перебор и условная изоляция отдельных антецедентов проводится в компьютерном режиме на основе математико-статистических методов.²¹⁹

сательная, а объяснительная наука и по примеру естествознания должна сосредоточиться на причинном анализе с тем, чтобы на этой основе реализовать и прогностическую функцию. Именно поэтому он критикует те методы, которые в то время были или казались ему дескриптивными – психологические, феноменологические, исторические, идеологические.

Так, рассматривая идеал как высокую ценность, он спрашивает: «По какому праву Идеал помещают вне природы и науки? Ведь проявляется он именно в природе, стало быть,

²¹⁸ Вебер М. Уяснение позиций в полемике с Эдуардом Майером // Вебер М. Избранные произведения. С. 416–464.

²¹⁹ *Теория социологического детерминизма, по Р. Арону* Несмотря на то, что в качестве эпиграфа к этой части работы (об историческом детерминизме) Р. Арон взял слова Видаль де Лабланша «На самом деле, все, что касается человека, поражено случайностью»², он не склонился ни к фатализму, ни к пробабилизму (правдоподобию) – в смысле отрицания детерминизма, как это сделал М. Борн и др. Он писал: «Мы попытаемся изложить теорию социологического детерминизма», – добавляя, что намерен опираться на теорию Дюркгейма и приемы Вебера. Как известно, Дюркгейм разошелся с О. Контом в его отрицании поиска причин в пользу открытия законов, будучи уверенным, что социология не опи-

он обязательно должен зависеть от естественных причин»²²⁰. Арон признает, насколько по сравнению с описанием «труднее различать признаки и методы собственно социологической причинности»²²¹. Характерно, что он не затрагивает известный тезис Дюркгейма: «рассматривать социальные факты как вещи», вызвавший столь бурную реакцию экзистенциалистов (Сартра и др.), бесчисленные обвинения в редукционизме, реификации и т. и. Возможно, Арон понял антиметафизическую направленность и обостренную метафоричность этой декларации, а может быть просто обошел столь чувствительное положение. Что же касается второго инкриминируемого Дюркгейму пункта обвинения – так называемого «социологизма», т. е. понимания социального как *suí generis* – реальности особого рода, **по отношению к индивидууму или их сумме** (на что не обращают внимание критики), то Арон с ним согласен, с одним добавлением, что с его точки зрения это «чуждо каузальной проблеме». Вместе с тем по ряду положений он возражает Дюркгейму, приводя собственную аргументацию. Она заслуживает внимания не только в связи с проблемой социологического детерминизма, но и потому, что в наших работах о творчестве Дюркгейма, даже у известного специалиста А. Б. Гофмана, о них не упоминается.

Во-первых, Дюркгейм, по Арону, ошибочно противопоставляет прошлое настоящему, историю – социологии, называя такую альтернативу «темной и, вообще говоря, мало понятной»²²². На наш взгляд, здесь имеют место нюансы дисциплинарных подходов. Дюркгейм, упрекая Конта за то, что тот в прошлом ищет причину настоящего и фундамент предвидения («закон трех стадий»), имеет в виду возможный переход на позицию историка, даже на позицию, как сказал бы М. Вебер, протестанта-предистинатора. Социолог изучает настоящее и, обращаясь к прошлому – истории институтов, явлений, социальных групп и т. д., – он ищет не предопределение, а «связь времен», преемственность, инварианты и их модификации, т. е. логические акциденции в их причинении к настоящему. Об этом же говорит и Р. Арон, выделяя два типа отношений: а) регулярные взаимосвязи общественных явлений и б) постоянные последовательности двух фактов. «Но в принципе, – считает он, – нет разницы между этими двумя типами отношений, между статистической корреляцией и динамическим законом»²²³.

Увы, разница есть и она весьма существенна как для социогуманитарной науки, так и для повседневной практики. Вспомним хотя бы теорему У. Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по последствиям». Мы уже говорили, что с нашей точки зрения в обществе нет строго динамических законов, эквивалентных таким законам природы, как закон всемирного тяготения, сохранения энергии, круговорота воды в природе и др. Когда Маркс в предисловии к «Капиталу» писал о законах, которые действуют с «железной необходимостью» (без кавычек), он допустил подмену формальной (чисто логической) импликации материальной импликацией, выражающей реальную связь вещей и событий, что привело к экономическому детерминизму. Маркс подчеркивал: «Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие с железной необходимостью. Страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»²²⁴. Критика Дюркгейма, кстати, была направлена и против такой абсолютизации прошлого. Сам Арон в предыдущей работе использовал термин «**ухрония**» – время, которого нет, по аналогии с «утопией» как местом, которого нет. Он писал: «Мы познаем акциденции относительно каких-то антецедентов, т. е. относительно определенного исторического

²²⁰ Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 296.

²²¹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М., 2000. С. 387–388.

²²² Там же. С. 388.

²²³ Там же.

²²⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1957. С. 4.

движения, но не акциденции в абсолютном смысле. Речь идет не о том, чтобы описать ухронию, но о том, чтобы вычленив рассказ о становлении, обрисовать различные эволюции, их пересечения и их связи, **воссоздать в прошлом** признаки политической реальности, пережитые в настоящее время. Для этой позитивной задачи достаточно вероятностных и релятивных суждений»²²⁵. Напомним, что именно динамические законы – это пример ухронии: они вневременны, ибо всевременны, вечны, не имеют ни прошлого, ни будущего.

Что касается статистических корреляций, то это одна из форм непричинной детерминации. Их значение для эмпирико-социологического анализа преувеличить невозможно в том числе и потому, что корреляции двух и более переменных (также как и ковариации, сопряженности признаков), как правило, сигнализируют о причинно-следственных отношениях двух переменных, например, способностей (тест IQ) и успеваемости (оценки), или же о наличии латентной общей причины. Например, высокий коэффициент корреляции между образованием и зарплатой может объясняться причиняющей ролью профессионального статуса (должности) и/или квалификации, которые в свою очередь детерминируются стажем работы. Учитывая и то, что существуют также и ложные корреляции, можно признать справедливым утверждение, что поиск причин на основе корреляционного, факторного и других видов статистического анализа требует от социолога подлинного искусства. Дюркгейм в ряде случаев вполне его продемонстрировал, хотя в его время база данных была ограничена учитываемыми статистическими данными.

Следующее замечание Арона касается введенного Дюркгеймом понятия социального вида и связанного с ним допущения о наличии первичного и единственного детерминирующего фактора. Арон справедливо отмечает расплывчатость исходного термина, можно было бы добавить – и его биологизаторскую природу, поскольку имеется в виду плотность населения как основной эмпирический индикатор. Верно и то, что при таком подходе экономика или техника могут быть признаны первичным и единственным (каждый из них) детерминирующим фактором. Что и случилось, когда на смену географическому детерминизму пришел экономический, затем технологический, сегодня выдвигают информационный, генетический и др.

Но главное, с чем не согласен Арон, состоит в следующем: «Как в теории, так и в своей практике Дюркгейм является пленником своего рода реализма, почти метафизического реализма. Социальная целостность должна все свои причины иметь в самой себе. Историческая эволюция в своей совокупности должна быть объяснена одним первичным фактором. Тогда как фактическая наука, особенно каузальная, начинается с анализа, т. е. с расчленения всего на элементы, затем стараются установить их взаимосвязи»²²⁶. Здесь имеет место некоторое упрощение или огрубление взглядов Дюркгейма, типичное для его критиков и устойчиво воспроизводимое до наших дней. Конечно, он хорошо знал соотношение анализа и синтеза, индукции и дедукции, более того, глубоко проанализировал логические методы «сходства», «остатков», и пр., показал роль эксперимента, выделил метод сопутствующих изменений как наиболее адекватный для поиска причин. Без расчленения и сравнения невозможен был бы поиск причин суицида, выявление особенностей религиозных верований и другие исследования на основе компаративного метода, сохраняющие свое базовое значение и сегодня. Относительно «реализма» важно учитывать, что «номологический раскол» навязали науке неокантианцы, придав ему почти манихейскую дихотомию «или-или». Свою приверженность социологическому реализму по онтологическим основаниям Дюркгейм объяснял на примере религии. Верующий человек не создает для себя религиозные идеи, ценности и учреждения, он их застает готовыми: они существуют до него, значит, вне его, в обществе.

²²⁵ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. С. 359.

²²⁶ Арон Р. Избранное. Введение в философию истории. С. 390.

Отсюда вывод о неправомерности номинализма («методологического индивидуализма»), определяющего общество как сумму индивидов, действующих «здесь и сейчас». Казалось бы, реализм более приемлем для историка: сохраняя преемственность как социальное наследование, он избегает волюнтаристической детерминации исторического процесса деяниями великих личностей. Безусловно, номологическая дихотомия ложна: если номинализм чреват волюнтаризмом, то реализм – вульгарным социологизмом, с переносом социальных причин и социологических оценок на область индивидуального творчества в искусстве, литературе и др. Учитывая все эти нюансы, важнее вместо однозначного утверждения попытаться выявить, в какой мере Дюркгейм был пленником реализма, а в какой – его добровольным сторонником или даже родоначальником на социологическом поле.

Что касается «приемов Вебера», то Арон на первое место ставит веберовскую идею отбора. Он пишет: «Здесь под отбором мы понимаем организацию, конструкцию терминов, объединенных отношениями каузальности»²²⁷. Это достаточно близко к тому, что имел в виду Т. Парсонс под системой координат действия²²⁸. Вопреки упрекам в отсутствии эмпирического материала, сегодня ясно, что без такой «понятийной сетки» теоретический анализ невозможен. Имеются в виду термины «причина» и «следствие», а также идеальные типы: бюрократия, традиционализм и харизма; констелляции и благоприятные условия. Ссылаясь на работу Вебера «Хозяйство и общество», Арон отмечает: «Протестантизм благоприятствует ведению экономики буржуазного характера, но не детерминирует ее»²²⁹. Важным приемом в методологии Вебера является концептуализация конструктов, которая, «расширяет поле, открытое компаративному методу». Как и у Дюркгейма, этот метод имеет приоритетное значение в социологии Вебера. Рассматривая проблему модальности каузальных суждений, Арон задает вопрос: «Могут ли каузальные связи достичь необходимости?»²³⁰.

В поисках ответа Арон обращается к веберовскому анализу девальвации, «где, по его словам, каузальные связи особенно ясны». Этот пример и сегодня актуален, а нам он интересен и тем, что мировой кризис с ухудшением конъюнктуры рынков заставил финансовые органы (ЦБ, Минфин) Беларуси пойти на эту процедуру. Девальвация означает понижение курса национальных денег по отношению к иностранным валютам, в нашем случае к корзине валют: доллар, евро, российский рубль. На обыденном уровне девальвация воспринимается населением почти как абсолютное зло: рост цен, обесценивание сбережений, ожидаемое снижение показателей потребления, уровня жизни и производства. Она может вызываться не только внешними, но и внутренними причинами, например, избыточной эмиссией (печатанием денег больше необходимого), нарушением бюджетных статей, дисбалансом экспорта-импорта и др. Вебер, создавая свою логическую схему, стремился найти способы (правила) рационального распутывания таких сложных каузальных связей. Исходными здесь являются два следующих шага. Во-первых, правильное определение антецедента, т. е. составление некоторого доступного в когнитивном смысле реестра всех предпосылок как оснований действия причинения. В него должны войти: а) сами причины – активное начало, силовой потенциал наличного субстрата (вещества, энергии, информации); б) необходимые условия, без которых действие причины невозможно (костер не загорится без доступа кислорода); в) сопутствующие обстоятельства, релевантные ситуации, которые, не участвуя прямо в причинении, так или иначе влияют на процесс – способствуя или тормозя его. В случае с белорусской девальвацией к необходимым условиям можно отнести макроэкономические показатели, сравнительно небольшой государственный долг и низкий

²²⁷ Арон Р. Избранное. Введение в философию истории. С. 390.

²²⁸ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 29.

²²⁹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. С. 391.

²³⁰ Там же. С. 392.

уровень безработицы. К релевантным сопутствующим обстоятельствам – сбережения населения на вкладах банков (депозиты), отсутствие социальной напряженности, резкого расчленения и, соответственно, общая спокойная в целом атмосфера в обществе.

Во-вторых, взвешенная и конкретная оценка консеквента, т. е. всех явных и латентных следствий, прогнозно обусловленных данным событием. Еще Вебер показал, что негативное восприятие девальвации обусловлено главным образом эмоциональной реактивностью, с характерной для массового сознания «раскруткой» путем заражения и подражания. Арон также подчеркивает, что «необходимо рассматривать нечто вроде **главной случайности**, связанной с нашим незнанием индивидов или со свободой личностей»²³¹. В этом, собственно, суть и смысл рассмотрения казалось бы чисто финансовой проблемы девальвации национальных денег в рамках и с точки зрения социологического детерминизма. Автор на ряде примеров показывает разнообразие последствий девальвации. «Одна девальвация, – отмечает Арон, – связана с сохранением внутренней покупательной способности денег и не влечет за собой повышения цен (Англия), целью другой является облегчить положение дебиторов (должников. – С. III.) и вызвать повышение цен (США)». Судя по всему, имеется в виду тот период, когда существовали так называемый «золотой стандарт» и конвертация долларов в золото, отмененная в США в 1970-е годы. Поэтому девальвация относительно золота не снижала покупательную способность денег и не вела к росту цен на обычные товары, кроме золота и предметов роскоши. В США она помогала должникам тем, что увеличивался объем денег, при условии, что долг не переоценивался. Увеличение выплат влекло рост цен у производителей. В Бельгии и других странах девальвация стимулировала возврат экспортного капитала. Положительное значение (не отрицая минусов) нашей девальвации состояло в том, что была предотвращена угроза исчерпания валютных средств и, соответственно, неконвертация рубля, с нарушением импортных поставок нефти, газа, комплектующих и другими последствиями. Ситуация довольно быстро выпрямилась, благодаря повышению депозитных ставок, поддержке экспорта, импортозамещению, а главное – адаптации населения к росту цен. Тем не менее необходимо принять следующие слова Р. Арона: «Психологические реакции народов на факт девальвации варьируют в зависимости от воспоминаний об инфляции, от доверия и национальной гордости: паника рискует привести к резкому повышению всех цен, предсказания науки могут быть опровергнуты безумием людей»²³². В том, что ажиотажная скупка в отдельных районах сахара и т. п., не вызвала общей паники, можно видеть тормозящую роль тех релевантных обстоятельств, о которых сказано выше, добавляя также доверие к социальным институтам, банкам – прежде всего, и проявившую себя достойно национальную гордость народа.

²³¹ Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. С. 392.

²³² Там же. С. 393.

1.5. Постэкономическое общество: новая формация или очередная смена названия

Идея постэкономического общества получает все большее распространение не только в научной литературе, но и в политических декларациях, материалах СМИ, массовом сознании и общественном мнении. Это объясняется тем, что в ней имплицитно присутствует прогностический вектор будущего. Известно, что знаменитое вопрошание «Quo vadis» (лат.), или «Камо грядеши?» (ст. слав.), всегда живущее в глубинах народного духа, резко актуализируется в периоды нестабильности, реальных или надвигающихся перемен. Сегодня это все еще связано с банковско-ипотечным кризисом в США, иррадиация от которого распространилась на все страны мира и на все сферы общественной жизни – от экономики до повседневного быта. «Мир должен стать другим», обрести «новое равновесие» (В. Путин) – такие призывы звучат с разных сторон, в том числе и от многих политических лидеров. Это значит, что очередное восстановление статус-кво, то есть преодоление рецессии и возврат к докризисной ситуации, восстановление мира в Украине, Сирии и других «горячих точках» признается и желательным, и невозможным. Необходимы модельные изменения мироустройства, а для этого крайне важно учитывать объективные тенденции самого исторического процесса. Приведенное выше вопрошание переводится как «куда идешь?» и означает проблемную ситуацию судьбоносного выбора конкретных стран, народов, человечества в целом.

Социальная наука со времени своего зарождения и до наших дней разработала много теорий исторического развития общества. Одни из них, выполнив свою миссию в рамках определенного хронотопа (конкретного промежутка времени и локализованного пространства), сошли со сцены: теории «золотого века» (Гесиод), «круговорота» (Дж. Вико), «осевого времени» (К. Ясперс), «трех стадий» (О. Конт), «прогресса разума» (Фихте), «этического совершенства» (Кант) и другие концепции. Сегодня они архивизированы, но тем не менее выполняют важную функцию предохранения человечества от контрпродуктивных поисков в неадекватных направлениях применительно к сегодняшнему дню.

Другие – сохраняют свое методологическое значение – понятийный аппарат, концептуальные предпосылки, критерии и принципы периодизации – для анализа современного общества и перспектив его развития. К числу таких теорий относится формационная и цивилизационная. Не вдаваясь в детальный анализ этих теорий, отметим следующие моменты. Во-первых, формационная теория марксизма представляет собой первое системное понимание исторического процесса как самодвижения общества под воздействием внутренних источников. Такими источниками признаются диалектические противоречия между уровнем развития производительных сил и характером обусловленных ими производственных отношений, что находит свое социокультурное и экономическое выражение в борьбе интересов больших общественных групп – классов, слоев, страт, когорт и т. д.

В. Иноземцев, проведший всесторонний анализ литературы и собственную разработку теории постэкономического общества, подчеркивает: «В той или иной форме оно (соответствие. – С. Ш.) признается сегодня представителями большинства социологических школ... Характеризуя созданную основоположниками марксизма теорию в целом, следует отметить ее всеобъемлющий характер и жесткую последовательность, особенно заметную в фундаментальных методологических и теоретических вопросах»²³³. Разумеется, необходимо отличать теорию и практику ее реализации, учитывать и неоправданную нагруженность теории

²³³ Иноземцев В. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 6, 68.

революционными лозунгами, и вульгаризацию отдельных положений, и элементы догматизма, затормозившие дальнейшую разработку в соответствии с изменяющимися условиями. Однако вопреки утверждениям о гибели марксизма сегодня наблюдается неожиданный всплеск интереса к «Капиталу» К. Маркса, особенно в Германии. Так, за короткий срок здесь оказался раскупленным весь первый тираж, и пришлось несколько раз повторить издание.

Во-вторых, единой целостной цивилизационной теории исторического развития нет. Под общим названием объединены весьма разнородные работы и авторы – от Л. Моргана и О. Шпенглера, до А. Тойнби и И. Валлерстайна и другие мыслители. Сюда же включаются и разработки в области технотронного общества (З. Бжезинский), информационного общества (З. Тоффлер, М. Кастельс), глобализации (И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма), постмодернизма (Ж. Бодрийар, З. Бауман, М. Фуко), и наиболее распространенное направление, известное как «теория постиндустриального общества» (Т. Веблен, Д. Белл, П. Дракер). Большинство авторов этих концепций, – за исключением И. Валлерстайна, выступающего с неомарксистских позиций, – отрицают и не принимают во внимание формационную теорию, сводя ее к учению о классовой борьбе или к пророчествам относительно неизбежной гибели капитализма (К. Поппер). Характерно, что если А. Тойнби, Н. Я. Данилевский и др. выделяли локальные цивилизации и учитывали возможность их параллельного сосуществования в разных частях планеты, то постиндустриализм использует схему перехода, как и формационная теория. В нем выделяется семь сменяющих друг друга цивилизаций: неолитическая, восточно-рабовладельческая, античная, раннефеодальная, прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная.

Исходя из этих двух подходов, которые можно считать и парадигмами исторического развития общества, правомерен вопрос, как соотносится с ними новая теория постэкономического общества. Но прежде необходимо выяснить, что представляет собой постэкономическое общество, каковы его эмпирические признаки, чем оно отличается от других типов, например, от постиндустриального, какие объективные тенденции определяют его развитие.

Первое, на что приходится обратить внимание, – это проблема терминологии. Очевидно, что префиксы «пост» – после и «пре» – до, не самая удачная форма образования сложных мыслительных конструкций, выражающих те или иные состояния социума. В них нет семантической определенности, а лишь обозначения некоторого положения на оси времени относительно точки отсчета. Поскольку эти префиксы апеллируют к настоящему, то точка отсчета *per se* (сама собой) является условной, подвижной, в том смысле, что у каждой исторической эпохи свое настоящее.

Термин «постэкономическое общество» впервые стали употреблять американские социологи Г. Каи и А. Винер, позже – Д. Белл, Дж. Гэлбрейт и другие, обратившие внимание на то, что, во-первых, экономические институты современного общества вынуждены все более социологизироваться; во-вторых, на возникающие серьезные затруднения при экономической оценке знаний, информации. Традиционный стоимостный подход не может учесть неисчерпаемость знаний, неисчислимость затрат на их производство, эффекты саморазвития и множество полезных результатов, кроме прибыли.

Еще одно терминологическое затруднение связано с многозначностью понятия «экономика». Под экономикой в субстанциональном смысле понимается одна из сфер общества, наряду с политикой, социальной сферой, идеологией, культурой. Сегодня выделяют «реальный сектор экономики», отличая тем самым собственно производство от иных инфраструктурных – сопутствующих, обслуживающих и т. д. – видов экономической деятельности. Но вместе с тем экономика есть и наука – экономическая теория, экономика отдельных отраслей и видов деятельности, и учебная дисциплина. Ф. Хайек, отмечая, что «рыночная экономика,

строго говоря, не является «экономикой», то есть «хозяйством»²³⁴, предложил ввести «термин «каталлаксия» для обозначения предмета науки, которую мы обычно именуем экономикой, а сама наука могла бы называться «каталлактикой»²³⁵. Эти мудреные термины научным сообществом не приняты, но стремления выяснить соотношение экономики и хозяйства не прекращаются.

Сама идея постэкономического общества становится возможной только при различении содержания этих понятий, ибо если они тождественны, то невозможно опровергнуть точку зрения здравого смысла, согласно которой общество «без экономики», «за пределами экономики» не более чем оксюморон. На наш взгляд, экономика и хозяйство являются не взаимодополнительными,

как считает В. Иноземцев, а взаимоперекрещивающимися понятиями. Под хозяйством понимается все разнообразие форм жизнеобеспечения социума, его подсистем, ячеек и индивидов. Хозяйство может быть единоличным и коллективным, натуральным и рыночным, а также подразделяться по отраслям и видам деятельности. Совокупность всех региональных, отраслевых, специализированных форм жизнеобеспечения общества образует народное хозяйство конкретной страны. Первостепенное место в этой системе принадлежит семье. В нашем языке утвердилось понятие «семейное хозяйство», в отличие, например, от англоязычного термина «Household economy» – домашняя экономика. Правда в последнее время и у нас зарождается собственно экономическое явление, называемое «семейный бизнес». На примере семьи хорошо видно, что в круг хозяйствования входят многие не-экономические занятия и функции – от воспитания детей, поддержания культуры быта и локальной экологии до организации церемониальных действий, например, свадеб, юбилеев и т. д.

Экономика – это подсистема общества, обеспечивающая материальные условия жизни за счет производства и размещения ресурсов, обмена продукцией, а также создание материальной базы для всех остальных сфер общественной жизни. Нет сомнения, что имеется много видов работ, процессов, которые являются одновременно и хозяйственными, и экономическими, скажем, уборка урожая в сельском хозяйстве. Однако выращивание овощей для личного потребления есть занятие хозяйственное, но не экономическое. Вместе с тем далеко не все в экономике может быть названо хозяйственным, иначе потерял бы смысл термин «бесхозяйственность», характеризующий «производство ради производства», «работу на склад» и тому подобные явления.

На этом основании теория постэкономического общества подразделяет исторический процесс по известной схеме триады на три периода: доэкономический, экономический и постэкономический. При этом перестраиваются критерии периодизации, по сравнению как с формационной теорией, так и с постиндустриализмом и обществом «Третьей волны» (Э. Тоффлер). О формационной теории уже говорилось, в постиндустриализме же деление общества на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное проводится по следующим основаниям: уровень техники и технологии; методы производственной деятельности; основные используемые ресурсы, характер отношений человека к природе. У Тоффлера критериями волн цивилизации выступают: ведущие источники энергии; наиболее распространенные ресурсы; характер и содержание труда; информация, как фактор производства.

В теории постэкономического общества выделяются следующие критерии: во-первых, доминирующие интересы субъектов хозяйственной деятельности, их уровни и соотношения; во-вторых, характер деятельности и ее мотивация; в-третьих, социальные связи и отношения между людьми (индивидами) и общественными группами. С этой точки зрения в архаическом обществе хозяйство существует в примитивных формах – собиратель-

²³⁴ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 193.

²³⁵ Там же. С. 194.

ство, охота, бортничество, рыбная ловля. Экономике, как товарного производства и обмена, еще нет, почему этот период и назван доэкономическим обществом. В марксистской теории имеется в виду первая в истории человечества общественно-экономическая формация или сокращенно – первобытное общество. В западной литературе уже давно произведено переименование этого периода в архаическое (древнее) общество, хотя этот термин вряд ли содержательнее первобытного общества. Другое дело, что это позволило вынести за скобки научного дискурса и социологического словаря такие явления, как первобытный коллективизм, общая собственность, равнообеспечивающее распределение.

Постэкономисты утверждают, что из-за грубых ошибок в переводе трудов классиков марксизма возникло иррациональное понятие общественно-экономической формации. «Его использование, – по словам В. Иноземцева, – вычеркнуло из марксизма одну из основных идей К. Маркса – мысль о двух кругах развития общества: первом – последовательной смене трех общественных (но не общественно-экономических. – С. III) формаций и втором – смене способов производства внутри экономической эпохи»²³⁶. Отсюда следует вывод, что в аутентичной марксистской теории три, а не пять общественных формаций, при этом первичная формация понимается как еще неэкономическая, а третичная (коммунизм) – как уже неэкономическая.

Не оценивая внесенные предложения, требующие отдельного текстуального анализа, вернемся к первобытному обществу. Одной из его черт является отсутствие избыточного продукта, более того, очевидная незаинтересованность первобытных коллективов накапливать что-либо про запас даже там, где это легко можно было бы сделать. Иначе говоря, хозяйственная активность не выходит за рамки необходимого и достаточного уровня обеспечения средств жизни. Это можно расценивать как крайнюю непредусмотрительность или как некое мистическое чувство меры, но, главное, что такова мотивация людей того периода, определяющая их отношение к природе и друг к другу. Мотивами выступают внутренние побуждения – инстинкты и традиции, а человеческая деятельность носит неосознанный характер, то есть является не трудом в собственном смысле слова, а инстинктивной активностью. К. Маркс отмечал: «Труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы»²³⁷.

Переход к экономическому обществу можно понимать как отрицание предыдущего состояния. Он произошел в результате трансформации человеческой деятельности и становления труда, доминирующим мотивом которого выступают материальные интересы. Труд, в отличие от инстинктивной активности, носит осознанный характер, предполагающий целеполагание и абстрактное мышление. Важнейшими чертами экономической эпохи являются рыночный обмен, частная собственность и эксплуатация. В данную эпоху включают все классовые формации, основываясь, в том числе, и на следующем положении Маркса. «В общих чертах, – писал Маркс, – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»²³⁸. Названные способы производства сходны в том, что в них господствующее положение принадлежит экономическим факторам и отношениям, а не религиозным или политическим, как, например, в теории локальных цивилизаций А. Тойнби.

Постэкономический строй, идущий на смену экономической эпохе, должен, как предполагается, постепенно преодолевать ее атрибутивные признаки – рынок, частную собственность и эксплуатацию – путем нового преобразования деятельности и превращения труда в творческую активность с неутилитарной мотивацией. Соответственно, формируется новая система ценностей и общественных отношений. Обобщая зарубежную литературу по дан-

²³⁶ Иноземцев В. За пределами экономического общества. М., 1998. С. 93.

²³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 189.

²³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 8.

ной теме, В. Иноземцев отказался от попыток дать строго научное определение понятия «постэкономическое общество». Он пишет: «На наш взгляд, попытка определения социума будущего в «позитивном» аспекте, через обнаружение его фундаментальных отношений и закономерностей, сегодня не может быть в полной мере плодотворной; возможности современного обществоведения ограничены лишь изучением предпосылок возникновения этого социального устройства и указанием на ряд тенденций, наиболее важных для его становления»²³⁹. Рассмотрим коротко эти предпосылки и тенденции становления постэкономического социума.

Как отмечалось, главным фактором данного процесса и его движущей силой выступает изменение самой природы человеческой активности. Суть фундаментальной трансформации деятельности состоит в преодолении труда и его замене творчеством. Отметим, что тема преобразования труда – облегчения, избавления от вредных условий и непосильных физических нагрузок, монотонности и т. д. – центральная как для всех футурологических построений, так и для обыденного сознания. С ней, в частности, связаны древние мечты о «золотом веке», когда люди находились в полной гармонии с природой и могли получать средства к жизни «без труда и усилий». В народных сказках многие герои решают эту проблему с помощью чудодейственных средств – золотой рыбки, щучьего веления и т. п. Такие наивные восприятия, как отмечала И. И. Чангли, «не лишены великого пророческого смысла»²⁴⁰.

В марксистской теории возможности изменения характера производственной деятельности рассматриваются в двух аспектах: развитие материально-технической базы производства и создание социально-психологических условий самореализации человека. Маркс и Энгельс не приняли популярный в либеральной и теологической литературе тезис «освобождение труда». Они писали: «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить»²⁴¹. Под уничтожением труда понималось несколько комплементарных направлений. Во-первых, «превращение труда в самодеятельность»²⁴², то есть добровольное, без внешнего принуждения, самостоятельное по внутренней мотивации проявление человеческой активности. Во-вторых, формирование потребности в труде, как способе самоактуализации. С психологической точки зрения, это означает развитую способность получать удовлетворение, радость от самого процесса деятельности. Именно это имел в виду известный писатель-фантаст Рэй Бредбери, когда писал, что на вопрос студентов: «Как прожить без труда?» он отвечал: «Полюбите свою работу». В-третьих, изменение соотношения овеществленного и живого труда, и, как следствие, новое качество рабочей силы, новый тип работника. Овеществленный труд – орудия производства, техника и другое – должны уступить господствующее положение живому труду в форме изобретательности, инновационности, творческой «жилки». Ф. Т. Михайлов назвал этот процесс «первая промышленная революция наоборот»²⁴³. Действительно, это революционные изменения глубинного уровня и синтетического плана, которые начались только во второй половине XX века.

Вместе с тем такие преобразования труда не следует понимать как исчезновение или устранение продуктивной активности человека в хозяйственной сфере, тем более как оправдание безделья, демонстративного отказа от труда. Подобное, как известно, прокламируют некоторые представители отдельных молодежных субкультур – хиппи, панки и т. п., а также добровольные маргиналы, такие как бомжи, бродяги, отшельники и пр. Как бы предвидя

²³⁹ Иноземцев В. За пределами экономического общества. С. 9.

²⁴⁰ Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 1973. С. 131.

²⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения Т. 3. С. 192.

²⁴² Там же. С. 95.

²⁴³ См. «Освобождение духа». М., 1991. С. 66.

подобный вариант толкования, Маркс отмечал: «Действительно свободный труд, например, труд композитора, представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение»²⁴⁴.

Постэкономическая теория рассматривает в качестве центрального положения превращение труда в творчество. При этом творчество понимается как внутренняя, рациональная активность, имеющая неутилитарные мотивы. «Мы утверждаем, – пишет В. Иноземцев, – что определить деятельность как труд или творчество может только сам субъект»²⁴⁵. Речь, следовательно, идет не просто об обогащении содержания труда и придании ему творческих элементов в связи с технико-технологическими усовершенствованиями, а о кардинальных изменениях личностного смысла деятельности для его субъекта. Такой подход, безусловно, правомерен и отражает современные тенденции развития материального производства, которые наиболее рельефно проявляются в развитых странах.

К числу таких тенденций можно отнести, во-первых, рост третичного сектора, то есть сферы услуг, по сравнению с первичным (сельское хозяйство) и вторичным (промышленность) секторами. Этот процесс становится все более характерным и для развивающихся стран, в том числе и для Беларуси, хотя количественные его параметры скромнее. Во-вторых, демассовизация производства в связи с повышением роли престижного потребления и стремлением учесть индивидуальные запросы потребителя. В-третьих, развитие индивидуальных форм занятости, семейных предприятий на дому, электронных коттеджей (по Тоффлеру); соединение в одном субъекте производителя и потребителя, названного Тоффлером «просьюмер», что особенно характерно для тех видов деятельности, в которых предметом является информация – сбор, анализ, программирование и т. д.

Все это показывает, что современное производство нуждается и востребует элементы креативности, и они пробуждаются в людях в массовом масштабе. Прежние представления о творчестве как созидании новых духовных ценностей в искусстве, культуре, то есть вне материального производства, или религиозно-философских исканий (Н. А. Бердяев), или проектно-конструкторской разработки производственных процессов, существенно расширяются. Творчество, благодаря высоким технологиям, организационным инновациям и информации, проникает во все детали и операции производственного процесса. Тем самым новые производственные структуры выступают залогом становления творческой деятельности как основной характерной черты постэкономического строя. Одновременно этот строй формируется путем отрицания атрибутивных черт экономического общества – рынка, частной собственности и эксплуатации. Рассмотрим логику этого процесса, как она представлена в теории постэкономического общества.

Рыночный обмен устраняется путем двойной деструкции его ядра, каким является стоимость – со стороны и производства, и потребления. Напомним, что, согласно марксистской теории, рыночная анархия может быть заменена плановой организацией только в результате политической революции. Постэкономисты считают, что революция действительно происходит, но не политическая, а социальная, «молчаливая», «тихая», подобная той, которая произошла в неолите, когда совершился переход от собирательства и охоты к оседлому земледелию. Со стороны производства стоимость разрушается в силу того, что творчество нельзя редуцировать к простому труду, а значит, квантифицировать издержки по созданию благ и услуг. Знания и информация выступают главным ресурсом производства, а человек становится субъектом творческих процессов, значимость которых не может быть оценена в экономических категориях²⁴⁶. Попытки определить цену информации через цену товаров, в

²⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. Ч. 2. С. 110.

²⁴⁵ Иноземцев В. За пределами экономического общества. С. 220.

²⁴⁶ Иноземцев В. За пределами экономического общества. С. 323.

производстве которого она использована, оказываются неадекватными, ибо информация не исчезает в товаре, как материалы или энергия, и может быть применена другим производителем в совершенно ином направлении.

С точки зрения потребителя, стоимостные оценки не имеют значения, если его предпочтения не утилитарны, и выбор совершается на основании иных мотивов и ценностей. Таким образом, рыночный обмен теряет свое критериальное основание – стоимостную оценку эквивалентности, а вместе с тем и свою структурирующую функцию, и должен уступить место иным формам взаимодействия, в том числе и товарного обмена.

Частная собственность, как известно, является краеугольным камнем рыночной экономики. О возможности замены частной собственности на общественную первыми заговорили утописты. Классики марксизма определили этот процесс как обобществление производства. Постэкономисты такой путь считают бесперспективным, поскольку он ведет к таким непредвиденным последствиям, как отчуждение собственности от производителей и дезорганизации системы стимулов эффективного хозяйствования. На их взгляд, современные тенденции трансформации собственности ведут к доминированию личной собственности, характеризующейся соединенностью работника и условий его деятельности. Основаниями для этого являются возрастающая роль знаний как непосредственного производственного ресурса, доступность информации, изменения мотивации и статуса работника интеллектуальной деятельности. Человеческий капитал, как усвоенное полезное знание, по самой своей природе индивидуализирован, и в этом смысле является личной собственностью. Интеллектуалы продают не свою рабочую силу, а готовый продукт (информационные программы, знаниевые технологии и др.) или свою деятельность при оказании тех или иных услуг. Огромные массивы знаний не являются чьей-либо собственностью, точнее, они могут быть присвоены каждым, кто способен их ассимилировать, преобразовать и полезно направить. Именно поэтому проблема преодоления частной собственности становится на конструктивную основу.

Постэкономическое общество устраняет один из главных пороков предшествующего периода – эксплуатацию. Эксплуатация есть неэквивалентный обмен, безвозмездное присвоение результатов чужого труда. Ее преодоление традиционно связывают с устранением имущественного неравенства, классового расслоения. Постэкономисты переносят этот процесс в субъективную сферу, делая ставку на социопсихологических изменениях самого человека. В. Иноземцев подчеркивает: «Устранение эксплуатации возможно прежде всего в форме преодоления специфического феномена сознания»²⁴⁷. Это достаточно спорное положение, видимо, можно понимать так, что творческий человек не подвержен эксплуатации, поскольку свое богатство – человеческий капитал – он использует как личную собственность. Вместе с тем он и не заинтересован в эксплуатации других, – ведь его мотивы выходят за пределы материальных целей, он сосредоточен на личностном развитии и самоактуализации. Для того чтобы расширять свой кругозор, приобретать знания, вести инновационный поиск и т. д., эксплуатация не нужна.

Подводя итог краткому анализу теории постэкономического общества, отметим следующее:

1. Безусловно, это не новая формация в классическом смысле слова. Авторы называют ее эпохой, строем, состоянием социума – и это, наверное, оправдано. Но это и не еще одно название современного капитализма или посткапитализма. В любом случае, при устранении рынка, частной собственности и эксплуатации это уже иное общество. Возможно, полезно было бы обратиться к социалистической терминологии, но авторы избегали ее, сводя соци-

²⁴⁷ Иноземцев В. За пределами экономического общества. С. 8.

ализм к советскому строю, не упоминая даже «китайский путь», опыт социал-демократов и др.

2. Авторы, действительно, заметили многие тенденции, характерные прежде всего для развитых стран. О том, что их анализ имеет и прогностическое значение, говорит следующий вывод: «Преодоление стоимостных регуляторов общественного производства неизбежно вызовет, причем в обозримом будущем, серьезные пертурбации на фондовых и финансовых рынках, показатели которых уже сегодня безумно далеки от реального состояния экономики»²⁴⁸. На это предупреждение, высказанное более десяти лет назад, не обратили внимания ни международные финансовые институты, ни правительство, а кризис все-таки разразился, и именно по указанной причине.

3. Обсуждение проблемы неравенства, на наш взгляд, проведено недостаточно глубоко и конструктивно. Допускается, что в постэкономическом обществе неравенство не только не преодолевается, но имеет возможность возрастать. Правда, оговаривается, что это уже будет не классовое неравенство, возникающее в силу аскрипции или имущественных преимуществ, а интеллектуальное неравенство. Думается, что при таком подходе неравенство невольно отождествляется с различиями. Различий демографических, расовых, национальных, конфессиональных и т. п. действительно много. Некоторые из них могут превращаться в неравенство при их субстанциализации, то есть утверждении в качестве основы оценки личности, ее черт, способностей и т. д. Но это происходит лишь там, где сознательно используются специальные инструменты демаркации – кастовый строй, рабство, крепостничество, гугеноты во Франции и т. д. В естественном процессе многообразие индивидуальных различий, определяющих уникальность каждого человека, выполняет также и компенсаторную функцию, в том смысле, что отставание в одной области, как правило, восполняется успехами в других. Такого рода различия способностей в масштабах социума дополняют друг друга, украшают жизнь, не создавая неразрешимых противоречий. Именно это имел в виду Платон, предлагая формулу «каждому свое» в качестве принципа идеального общества. В то же время, излишнее и неоправданное расслоение, чем бы оно не вызывалось, ослабляет общество. Обратим внимание на следующие слова Маркса: «Жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ»²⁴⁹. Одним словом, общество будущего должно преодолевать неравенство, по крайней мере не оправдывать его сохранение и увеличение, иначе его жизнеспособность окажется ниже предшествующего строя.

4. Смущает также отсутствие анализа коллективной формы собственности, в том числе и интеллектуальной; сугубо субъективный подход к пониманию творчества и преодоления эксплуатации. Бегло отмечается, что движение к постэкономическому социуму становится возможным после того, как удовлетворены материальные потребности и понята действительная роль знаний. На наш взгляд, и то и другое следует оценивать на основе эмпирических данных, привлекая не только статистику, но и социологические исследования.

5. Для стран СНГ рассматриваемые проблемы кажутся весьма далекими, но важно уже сегодня обращать на них внимание, поскольку они имеют не только теоретическое, но и практическое значение, которое будет только возрастать. Мы видим в сегодняшней Беларуси достаточно бурные процессы информатизации, развитие высоких технологий и другого, что способствует превращению труда в творческую активность все большего числа людей. Интересно и то, что на постсоветском пространстве дифирамбы курсу «рыноковизации» подавили голоса скептиков, что затрудняет трезвый аналитический подход. То же

²⁴⁸ *Иноземцев В.* За пределами экономического общества. С. 464.

²⁴⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19. С. 402.

можно сказать и относительно частной собственности как вечной категории. Пожалуй, обращение к теории постэкономического общества позволит выработать более конструктивный подход.

Глава 2

Социологические перспективы личностного роста

2.1. Личностные качества – основа человеческого капитала (эмпирико-социологическое исследование)

1. Введение

«Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов»²⁵⁰ – к такому выводу пришел П. А. Сорокин на основе анализа огромного исторического материала об «имманентных флуктуациях» (внутренних волнениях и беспорядках), о причинах революционных ситуаций, возможности их предотвращения, минимизации потерь и др. Он не отрицает влияние внешних условий, геополитических, природных и других факторов, но источником и движущей силой развития, поддержания стабильности и порядка могут быть только сами люди – творцы своей судьбы, реальные свойства которых в их совокупности и образуют то, что сегодня называется человеческим потенциалом. Спустя полвека мысль Сорокина подтвердил и усилил известный итальянский политический деятель, организатор и президент Римского клуба Аурелио Печчеи. Он писал: «При всей той важной роли, какую играют в жизни современного общества вопросы его социальной организации, его институты, законодательства и договоры, при всей мощи созданной человеком техники – не они в конечном счете определяют судьбу человечества. И нет, и не будет ему спасения, пока сами люди не изменят своих привычек, нравов и поведения... Самый важный вопрос – как разжечь искру, которая положит начало развитию человеческих качеств»²⁵¹.

А это значит, что общество должно стремиться к познанию этих свойств, т. е. личностных качеств, выявлению их особенностей применительно к основным социальным группам и категориям населения с тем, чтобы способствовать индивидуальному развитию и одновременно направлять качественную групповую динамику ради сохранения целостности и поступательного движения социума. В реализации таких задач особое теоретическое и прикладное значение приобретают эмпирико-социологические исследования. Проблемная ситуация для Беларуси в этой исследовательской области определяется следующими моментами.

Во-первых, тем, что Программа социально-экономического развития на следующую пятилетку пронизана идеей инновационности. Смысл ее понятен – при ограниченности топливно-энергетических и многих других природных ресурсов мы можем быть успешными, конкурентоспособными лишь опираясь на человеческий потенциал, правильно его используя и развивая. Прежде всего это относится к инновационной активности членов общества во всех сферах общественной жизни.

Во-вторых, как отмечалось на Парламентских слушаниях по проблематике экономики знаний, пока интеллектуальный, инновационный ресурс используется недостаточно. Так, наукоемкость ВВП составляет около 0,8 %, в то время как в развитых странах ЕС она равна 2–3 % («СБ. Беларусь сегодня» 26.11.2010).

²⁵⁰ Сорокин П. Социология революций. М., 2005. С. 451.

²⁵¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 18.

В-третьих, по мере усложнения всех видов деятельности и повышения ценности и ответственности рабочих мест, все более настоятельной становится потребность в точном определении возможностей человека с точки зрения их соответствия ролевым ожиданиям, деловым требованиям конкретной деятельности – работы, учебы, службы и т. д. Объективно в этом больше всего должен быть заинтересован сам работник, ибо для него цена ошибки слишком велика (время необратимо), а правильный выбор – это призвание, перспективы самореализации, путь к благополучию, а главное – к осмысленной и полноценной жизни. Не менее важно это и для коллектива, общества в целом: чем больше людей, нашедших свое призвание, адекватные и социально приемлемые способы самореализации, тем выше эффективность совместной деятельности, стабильность и способность к инновационному развитию конкретного социума. Наблюдая частую смену тренеров некоторых спортивных команд (да и игроков), приходится предположить, что подбор осуществляется методом «проб и ошибок», в лучшем случае – на основе интуиции руководства клубов. В других видах деятельности, где нет столь напряженной состязательности и однозначности результата – «выигрыш-проигрыш» – проблема не столь очевидна, но, безусловно, актуальна. Правильная оценка личностных качеств – наиболее адекватный метод определения потенциала человека в праксеологическом смысле слова, т. е. для конкретного вида деятельности.

С гносеологической стороны можно отметить нюансы, связанные с терминологическими разночтениями, валидизацией методик, особенно если речь идет об исследованиях конкретных социальных групп, коллективов и других общностей. Социологический анализ личностных качеств активно проводился в 1970-80-е годы, главным образом руководителей и специалистов производственных отраслей, идеологических работников. В период перестройки он (анализ) оказался невостребованным, а в настоящее время – оттеснен на периферию достаточно освоенной социологической тематики.

2. Методологические аспекты исследования

Связь между качествами личности и мотивационными ориентациями алгоритмов поведения представляется достаточно очевидной на повседневном уровне. Опыт показывает, что в одной и той же ситуации (или в эквивалентных ситуациях) люди ведут себя по-разному в зависимости от того, какие они по своему социопсихическому строю²⁵². Скажем, скуппец болезненно реагирует на коллективные решения о сборе денег на какие-нибудь общие мероприятия – турпоездка, подарок, материальная помощь и др. Он, как правило, стремится выйти из предлагаемой ситуации («я не поеду») или ограничиться минимальным вкладом. То же характерно и для других качеств – от преобладающих свойств темперамента до высот альтруизма, толерантности, патриотизма. Более того, такого рода житейские наблюдения составляют эвристическую базу прогнозирования поведения как конкретного индивида, так и соответствующей социальной категории. Справедливость подобных выводов зафиксирована в устном народном творчестве, фольклоре как компендиуме житейской мудрости. Важно однако учитывать, что обыденные способы объяснения связи личных качеств и поведения – не окончательные выводы, а скорее предпосылки для строго логических научных обоснований. В этом отношении характерно замечание Х. Хеккхаузена: «С точки зрения современной психологии каждый из этих способов объяснения является «наивным»; иначе говоря, хотя эти способы и полезны, они чересчур упрощены»²⁵³. Несмотря на то, что обыденное оценивание опирается на повседневные практики общения и здравый смысл, оно не свободно от неоправданной и часто чрезмерной генерализации, т. е. перенесение неко-

²⁵² Кириенко В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Гомель, 2009.

²⁵³ Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. Минск, 2003. С. 31.

торых наблюдаемых индивидуальных особенностей на всю общность (группу, когорту и т. д.), от стереотипных взглядов и представлений; недостаточного учета изменяющихся условий и ситуационных факторов. В этом сказывается отсутствие категоризации терминов, сведение их к самым простым и общепонятным словам живого языка. Разумеется, социогуманитаристика не должна игнорировать огромный багаж обыденных смыслов, накопленных историей и продолжающей пополняться; как и множество социальных типов, выведенных мировой литературой и искусством путем акцентирования отдельных личностных качеств или их некоторых наборов. Не случайно стали нарицательными многие социальные типы, выведенные Мольером, Рабле, Сервантесом, Гоголем, Достоевским, К. Крапивой, В. Короткевичем. С методологической точки зрения первый вопрос программы исследования – это определенность понятийного аппарата. Рассмотрим дефиниции таких терминов, как качество и/или черта личности.

В психологии под качествами личности понимаются обобщенные свойства, выражающие особенности восприятия окружающего мира, реагирования на внешние и внутренние раздражители, стиль мышления и действий. При этом, поскольку речь идет о категоризации, то за исходную необходимо принимать философскую дефиницию понятия качества вообще. Отметим два важных для нашей темы аспекта философского определения понятия «качество». Во-первых, его атрибутивность, сформулированную Гегелем в следующих словах: «Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть»²⁵⁴. Во-вторых, предметность, неразрывную связь с тем предметом (явлением), сущность которого оно выражает. Ф. Энгельс писал: «Существуют не качества, а вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами»²⁵⁵. Отсюда следует, что качества входят в структуру предмета и не могут быть гипостазированы, т. е. превращены в некие самостоятельные сущности над- или внепредметные. Психолог К. К. Платонов полагал, что в теоретическом анализе качества личности выделяются путем наложения характера и способностей индивида на динамическую структуру личности, включающую опыт, направленность, особенности психических процессов (внимания, воли, памяти, мышления) и биопсихические свойства – темперамент и др.²⁵⁶ Отметим также, что в современной персоналогии распространенным является понятие «черты личности». Г. Олпорт (1897–1967), автор концепции черт личности, писал: «Черта – это предрасположенность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций»²⁵⁷. Содержательно данный термин характеризует психологические особенности, преобразующие множество стимулов и обуславливающие множество эквивалентных ответных реакций. Иначе говоря, поясняет автор, в самых разных ситуациях робкий будет вести себя осмотрительно, сдержанно, ненавязчиво, а коммуникабельный – открыто, с готовностью к контактам, общению, разговору. Мы приводили выше пример скупца. Олпорт говорит о доминировании как личностной особенности, подчеркивая следующее: «Она проявляется лишь тогда, когда человек находится в присутствии значимых других... Он немедленно становится лидером»²⁵⁸. Заметим, что хотя Олпорт разрабатывал именно теорию черт, тем не менее иногда он отождествляет их с качествами личности: «*Черта личности*, – отмечает он, – *является более обобщенным качеством, чем привычка*»²⁵⁹. Набор слитых воедино привычек, например в самообслуживании ребенка: чистить зубы, причесывать волосы, ухаживать за одеждой, уби-

²⁵⁴ Гегель Г. Ф. Соч. в 14 т., Т. 1. М., 1929. С. 157.

²⁵⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 547.

²⁵⁶ См. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических терминов. М., 1981. С. 38–39, 57.

²⁵⁷ Цит. по: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Минск, 2001. С. 274, см. также: Мейли Р. Черты личности // Экспериментальная психология. Вып. V. М., 1975.

²⁵⁸ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. С. 21 в.

²⁵⁹ Там же. С. 277.

рать кровать и свою комнату, – может сформировать такую черту (качество), как опрятность. Другие авторы, в частности К. К. Платонов, относят черты личности к понятиям обыденного уровня, проявляющимся в повседневной деятельности и общении, и потому доступным оценке по здравому смыслу²⁶⁰.

В концепции Г. Олпорта есть важные положения, имеющие, на наш взгляд, социологический смысл. Прежде всего это понимание черт как движущих сил или, по крайней мере, элементов, определяющих поведение. Он подчеркивает, что черты не дремлют в ожидании достойных стимулов, а наоборот, влекут человека в те ситуации, в которых они нужны и могут проявиться наиболее полно. Общительная студентка, по его словам, не ждет вечеринки, она ее выискивает или предпринимает определенные усилия для организации досуга. Еще больше это характерно для таких хозяйственных качеств, как бережливость, предприимчивость, целеустремленность и др. Вопреки методологическому номинализму (индивидуализму), на котором, по словам П. Н. Шихирева, «основана американская психологическая социальная психология»²⁶¹, Олпорт выделяет не только индивидуальные, но и общие черты. «Члены определенной культуры испытывают на себе схожие эволюционные и социальные воздействия и поэтому у них развиваются по определению сравнимые модели адаптации»²⁶². Индивидуальные или морфологические черты уникальны, но не потому, что их нет у других, а в силу неповторимости всех нюансов их проявления. Это положение и сегодня находит подтверждение не только психологическими, но и социологическими данными. Конечно, социолог не может (не его предметная область) изучать уникальность тех или иных индивидуальных черт с точки зрения нейропсихических, физиологических и других элементов. Однако, как будет показано дальше, существуют различия – часто существенные и статистически значимые – между разными социальными группами и половозрастными категориями по степени проявления качеств, что говорит об их реальности, с одной стороны, и методологической валидности – с другой. Напомним, что под методологической валидностью понимается соответствие определенных положений, выводов методологическим принципам исследования.

Таким образом, в эмпирико-социологическом анализе деловой сферы целесообразно использовать понятия «личностные качества» или по Сорокину «свойства членов общества». Любое личностное качество представляет собой не просто совокупность, а определенный синтез черт – привычек, динамических стереотипов, вкусовых предпочтений и т. д., которые проявляются отчетливо на бытовом уровне, но в деловых, рабочих и т. и. отношениях теряют свой уникальный, единичный образ. Та же аккуратность – это качество личности, неразложимое на некоторое число черт-привычек; в его основе – структурированность мышления, опирающаяся на биологические предпосылки и развитая (или неразвитая) на фундаменте интернализованных стандартов определенной общей культуры. Личностные качества делового уровня являются, как правило, просоциальными, – они нужны и проявляются в процессах взаимодействия (интеракции) с другими. Например, такое важное для совместной деятельности качество, как исполнительность, не сводится к автоматическому выполнению приказа или задания (функции) «от и до», оно включает антиципацию – предвосхищение результата, а также опережающее отражение возможных последствий неисполнения того или иного дела, и многое другое.

Еще один методологический аспект связан с идентификацией личностных качеств. Суть ее в том, что индивид соотносит себя – отождествляет, уподобляет, причисляет – с референтными для него лицами и группами не абстрактно, а именно по определенным, харак-

²⁶⁰ Платонов К. К. Цит. раб. С. 166.

²⁶¹ Шихирев П. Современная социальная психология. М., 1999. С. 30.

²⁶² Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Минск, 2001. С. 279.

терным для его референтов, качествам, которыми он стремиться обладать, подражая им. Тем самым, говоря о распространенности того или иного качества в выборочной совокупности, репрезентирующей все взрослое население страны или отдельные социальные категории, необходимо иметь в виду не только «сущее», но и «должное». Иначе говоря, не только то, что есть по самооценкам респондентов, но и то, какими они хотели бы быть. В разных культурах и даже в одной культуре, но в разные времена, значимыми и привлекательными являются разные качества.

Знание индивидуальных качеств – основа понимания конкретного человека другими людьми и его самооценки, а значит, прогнозирования ожидаемого поведения в разных ситуациях. Поэтому изучению качеств, поискам все более адекватных способов познания и объяснения поведения уделяется особое внимание. Причем такую работу ведет не только социогуманитарная наука – антропология, этнология, философия, психология, социология и др. «К этому, – по словам Хеккхаузена, – всегда готов и любой обычный человек»²⁶³. Вместе с тем для характеристики человека крайне важным является знание внутренней обусловленности тех или иных поступков или великих деяний. Например, Плутарх приводит слова индийского мудреца Дандамида: «Чего ради Александр явился сюда, проделав такой огромный путь?»²⁶⁴. Вопрос остался без ответа, отмечено только «что ему не удалось привести из Индии даже четверти своего войска». По мнению Л. Гумилева, А. Македонский пошел в Индию потому, что обладал таким кардинальным (термин Г. Олпорта) качеством, как пассивность (энергоизбыточность). Не только в истории, но и в повседневной жизни многие поступки трудно понять и объяснить вне связи с личностью субъекта.

3. Пояснения к методике

В настоящее время существует большое число методик изучения личностных качеств, которые можно объединить в три группы: диспозиционные, тестовые и системные²⁶⁵. Они адресованы разным категориям и решают, как правило, конкретные задачи – проверки знаний, определения профпригодности, совместимости и т. д. и т. и. Мы не будем останавливаться на их анализе, отметим лишь некоторые моменты, важные для нашего исследования.

1. Определение количества и набора качеств, включаемых в опросный лист. Существуют расхождения относительно числа качеств, даже в однотипных исследованиях. Так, при оценке руководителей в разных методиках используется от 15 до 60 и более качеств. Российский социолог А. Н. Шаров для массового опроса работающего населения Санкт-Петербурга выделил 7 личностных качеств. Приведем данные о распространенности этих качеств среди петербуржцев с тем, чтобы иметь возможность сравнения с результатами нашего исследования. 1) Профессионализм – 63,2; 2) трудолюбие и работоспособность – 71,9; 3) предприимчивость – 31,4; 4) умение рискнуть – 28,7; 5) способность приспособиться к жизни в любых условиях – 35,7; 6) способность менять взгляды и мыслить по-новому – 22,6; 7) терпение – 38,4 %²⁶⁶. Мы включили в инструментарий 14 личностных качеств, основываясь на следующих соображениях: 1) теоретическом выделении трех типов личностных качеств – базовых, функциональных и инструментальных; 2) цель и задачи исследования; 3) адресованность всем социальным группам и демографическим категориям белорусского общества. Если сравнить наш набор с представленным в работе Шарова, то мы исключили

²⁶³ Хеккхаузен Х Мотивация и деятельность. Минск, 2003. С. 31.

²⁶⁴ Плутарх. Сравнительное жизнеописание. М., 1999. С. 948.

²⁶⁵ Шавель С. А. Методологические основы оценки кадров в контексте инновационного развития // Общественная миссия социологии. Минск, 2010. С. 342.

²⁶⁶ Шаров А. Н. Социальные качества личности как фактор сознания и поведения // Санкт-Петербургский социологический ежегодник 2009 г. СПб, 2009. С. 185.

такие качества, как терпение, способность менять взгляды и профессионализм, но ввели 10 новых качеств: дисциплинированность, инициативность, исполнительность, ответственность, потребность в самообразовании, самостоятельность, целеустремленность, самоорганизованность, требовательность, энергичность.

2. Теоретический анализ позволяет разделить эти качества на три блока. Первый блок включает такие базовые качества, как ответственность, исполнительность, дисциплинированность и работоспособность. Второй – функциональный блок – самостоятельность, самоорганизованность, требовательность, адаптивность и энергичность. Третий – инструментальный блок – включает инициативность, потребность в самообразовании, предприимчивость, целеустремленность и умение рисковать.

3. Шкалирование. В психологических методиках (Г. Айзенка, К. Леонгарда и др.²⁶⁷) чаще всего применяются дихотомические шкалы «да-нет». Такую же шкалу использовал в своей работе А. Н. Шаров. Мы ввели трехпозиционную шкалу ответов на вопрос: «В какой степени Вам присущи следующие качества?»: 1) в достаточной степени, 2) в меньшей степени, чем хотелось бы, 3) качество отсутствует». Учитывалось также число не ответивших.

4. Для выявления взаимосвязи качеств и сравнительного межгруппового анализа наиболее подходящим является первая позиция, т. е. самооценки респондентов о том, что качество присуще им в достаточной степени. Вместе с тем на основе шкалы могут быть рассчитаны индексы значимости качеств по формуле:

$$И_k = ((A + 1/2B) - (C + 1/2B))/N,$$

где А – число ответов «в достаточной степени», В – число ответов «в меньшей степени, чем хотелось бы», С – число ответов «качество отсутствует», N – общее число опрошенных.

Как видим, сумма ответов по второму варианту делится на две равные части и каждая половина включается, соответственно, в положительную и отрицательную часть числителя формулы. Логика здесь в том, что во второй позиции дается следующая самооценка: качество присуще респонденту, но в меньшей степени, чем ему хотелось бы. Поскольку точное измерение степени достаточности наличия качества у респондента невозможно, то предложенное деление вполне компромиссно и оправдано.

5. Согласно методике, каждый респондент может выбрать любое количество качеств, как и опустить (не выбирать) те, которые, как он считает, для него не характерны. Заметим, что опросная ситуация по данной теме включает три механизма: 1) интроспекции, 2) рефлексии, 3) идентификации. Опыт интроспекции (самонаблюдения) формирует определенные представления о самом себе, – тот образ Я, на котором базируется целостность личности. Рефлексия (обращение назад) развивает аналитическую способность, направленную на проверку сложившихся представлений о себе с целью их верификации (подтверждения) или корректировки. Идентификация по качествам означает, с одной стороны, стремление к единству «Я» (самосознание), с другой – причисление себя к референтным группам, последователям и сторонникам лиц, которые, безусловно, авторитетны для индивида. Первые два механизма могут привести к такой, например, формуле, неважно, вербализованной или только мыслимой. «Да, я действительно ответственен, работоспособен, энергичен, целеустремлен, но я не люблю рисковать; я уверен, что инициатива и сегодня, чаще всего, наказуема; мне не требуется самообразование, так как я достаточно компетентен в своем деле». Что касается механизма идентификации, то он определяет уровень самоуважения, а также позиционирует индивида по значимым для него образцам. Формула здесь такая: «Я такой же, как Иванов, или как все интеллигенты, предприниматели и др.».

²⁶⁷ Психологически тесты: в 2 т. Т. 1. М., 2001.

Исследование проведено в 2009 г. по республиканской репрезентативной выборке. Общий объем выборочной совокупности составил 2068 респондентов. Ошибка репрезентативности в пределах $\pm 2\%$.

4. Анализ эмпирических данных по всей выборке

В табл. 2.1 представлены данные о наличии в личностной структуре респондентов тех или иных качеств из 14 предложенных.

Методические пояснения (пункт 4) позволяют более точно интерпретировать результаты опроса. Так, 75,7 % опрошенных признали, что качество ответственности присуще им в достаточной степени. Это значит, что оно или уже вошло в структуру личности и проявляется в самых разных поступках, отношениях с людьми и т. д., или в высшей степени желательно для того, чтобы человек мог идентифицировать себя с той или иной референтной группой. Но 14,5 % указали, что это качество присуще им меньше, чем хотелось бы. Исходя из методического пояснения (пункт 3) может быть проведена операция деления и отнесения к позитивным или негативным вариантам ответов. Небольшая часть респондентов – 7,7 % – не ответили на данный вопрос. Можно ли их зачислить в категорию безответственных? На наш взгляд, такой вывод был бы не корректным. Кто-то из них находится, можно сказать, в процессе становления, т. е. выработки и интернализации качества ответственности. Другие – отождествляют, может быть, растворяют ответственность в таких качествах, как дисциплинированность, исполнительность, требовательность и др. Как видно из табл. 2.1, только чуть более 2 % опрошенных признали, что качество ответственности у них отсутствует.

Таблица 2.1.

Распределение ответов на вопрос: «В какой степени присущи Вам следующие качества?», %

Качества	В какой степени Вам присущи следующие качества?					
	В достаточной	Меньше, чем хотелось бы	Отсутствуют	Нет ответа	Индекс значимости	Ранг
1. Ответственность	75,7	14,5	2,1	7,7	80,8	1
2. Исполнительность	73,2	16,7	2,3	7,8	79,2	2
3. Работоспособность	71,5	18,2	3,4	6,9	77,2	3
4. Дисциплинированность	71,3	18,9	2,5	7,3	78,2	4
5. Самостоятельность	68,6	19,3	2,9	9,2	75,4	5
6. Адаптивность	53,3	30,6	5,9	10,2	62,7	6
7. Требовательность	52,8	30,5	7,0	9,7	61,1	7
8. Энергичность	51,7	32,2	6,8	9,4	61,0	8
9. Целеустремленность	44,9	37,6	6,8	10,7	56,9	9
10. Инициативность	43,2	39,7	6,3	10,8	56,7	10
11. Самоорганизованность	42,6	37,0	8,9	12,5	51,7	11
12. Предприимчивость	36,2	36,9	15,1	11,8	39,6	12
13. Умение рисковать	34,7	34,9	19,5	10,9	33,2	14
14. Потребность в самообразовании	32,8	38,9	15,8	12,5	36,5	13

Итак, представленные в перечислении качества постепенно и линейно убывают. Три последних в табл. 2.1 качества – предприимчивость, умение рисковать и потребность в самообразовании – вдвое меньше по удельному весу каждого из первых четырех.

Рассмотрим, как влияют на распространенность личностных качеств демографические (пол и возраст) факторы и образование.

Обращаясь к табл. 2.2, можно заметить, что по девяти качествам ответы мужчин и женщин практически совпадают, – различия ниже уровня статистической значимости, в том числе по таким качествам, как работоспособность, – 74,0 % мужчины и 69,3 – женщины, исполнительность, соответственно, 71,0 и 75,0, самостоятельность – 70,5 и 67,0, требовательность – 53,5 и 52,3 %. В то же время по пяти качествам различия существенны: по двум – в пользу женщин, в смысле большей представленности, и по трем – в пользу мужчин. Так, у женщин выше на 7,4 п. п. дисциплинированность – 74,7 (у мужчин 67,3) и на 6,6 п. п. – ответственность – 78,7 и 72,1. В свою очередь, у мужчин выше на 6,7 п. п. предприимчивость – 39,8 и 33,1; на 6,2 п. п. целеустремленность – 48,3 и 42,2; на 11,2 п. п. – умение рисковать – 40,8 и 29,6 %.

Таблица 2.2.

Распределение личностных качеств в зависимости от пола и возраста, %

№	Качества	Среднее по выборке	Мужчины	Женщины	Разница между муж. и жен. в процентных пунктах	До 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше
1	Дисциплинированность	71,3	67,3	74,7	–7,4	67,1	73,1	72,4
2	Инициативность	43,2	45,5	41,3	2,3	48,6	45,5	36,9
3	Исполнительность	73,2	71,0	75,0	–4,0	69,1	78,5	70,2
4	Ответственность	75,7	72,1	78,7	–6,6	69,9	80,7	74,4
5	Потребность в самообразовании	32,8	34,7	31,2	2,5	42,4	34,9	23,7
6	Предприимчивость	36,2	39,8	33,1	6,7	48,5	37,7	25,8
7	Работоспособность	71,5	74,0	69,3	4,7	72,4	78,1	63,8
8	Самостоятельность	68,6	70,5	67,0	3,5	69,9	71,4	64,7
9	Целеустремленность	44,9	48,3	42,1	6,2	56,7	45,8	35,6
10	Самоорганизованность	42,6	43,2	42,2	1,0	45,3	45,2	37,9
11	Требовательность	52,8	53,5	52,3	1,2	51,1	56,0	60,6
12	Адаптивность	53,3	56,2	50,9	5,3	61,9	57,6	42,7
13	Умение рисковать	34,7	40,8	29,6	11,2	50,2	35,5	22,8
14	Энергичность	51,7	53,3	50,4	2,9	69,0	52,9	38,1

Влияние возраста на представленность разных личных качеств неоднозначно. С возрастом заметно снижаются: потребность в самообразовании, которая составляет 42,4 % до 30 лет, 34,9 – 30–49 лет, 23,7 – 50 лет и старше; предприимчивость, соответственно, 48,5, 37,7, 25,8; адаптивность – 61,9, 57,6, 42,7; энергичность – 69,0, 52,9, 38,1; инициативность – 48,6, 45,5, 36,9; самоорганизованность – 45,3, 45,2, 37,9; умение рисковать – 50,2, 35,5, 22,8 %. Синусоидально изменяются такие качества, как исполнительность – 69,1 у молодежи, 78,5 у средней группы, 70,2 – старшая группа; ответственность – 69,9, 80,7, 74,4; самостоятельность – 69,9, 71,4, 64,7; работоспособность – 72,4, 78,1, 63,8 %. Дисциплинированность растет от молодежной когорты к средней с 67,1 до 73,1 и сохраняется на том же уровне в старшей возрастной группе – 72,4 %. По ряду качеств возрастные изменения весьма значительны. Так, разница между молодежью и старшей когортами составляет: по предприимчивости – 22,7 п. п. (48,5 и 25,8); энергичности – 30,9 (69,0 и 38,1); умению рисковать – 27,4 (50,2 и 22,8); целеустремленности – 21,1 (56,7 и 35,6); потребности в самообразовании – 18,7 (42,4 и 23,7); адаптивности – 19,2 (61,9 и 42,7 %). Все это требует особого внимания при расста-

новке кадров, а также при разработке и осуществлении программ стимулирования старших возрастных групп к поддержанию и даже росту соответствующих личностных качеств.

Образование – один из важнейших общественных институтов и одновременно основной канал социализации; уже поэтому его роль в формировании и развитии личностных качеств исключительно высока. Результаты проведенного исследования в целом согласуются с общей закономерностью роста социальных личностных качеств с повышением образования.

Таблица 2.3.

Зависимость качественной идентификации от образования, %

Образование Степень присутствия качеств в достаточной степени	Всего	Начальное	Среднее неполное	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее
Дисциплинированность	71,3	69,9	66,3	68,5	73,8	80,9
Инициативность	43,2	28,0	36,4	41,1	48,5	53,8
Исполнительность	73,2	62,2	64,3	72,4	79,2	80,4
Ответственность	75,7	66,7	68,1	75,7	79,5	82,7
Потребность в самообразовании	32,8	17,6	24,8	31,5	35,9	47,9
Предприимчивость	36,2	23,6	28,0	39,5	40,9	37,6
Работоспособность	71,5	50,8	64,6	73,9	77,0	75,3
Самостоятельность	68,6	54,9	64,7	66,9	74,3	72,7
Способность достигать цели	44,9	29,3	39,9	42,4	49,7	54,6
Самоорганизованность	42,6	27,0	34,7	40,4	46,4	58,3
Требовательность	52,8	41,1	46,3	52,4	56,3	54,5
Адаптивность	53,3	32,4	44,7	54,8	61,6	54,5
Умение рисковать	34,7	14,4	32,4	39,6	38,6	30,5
Энергичность	51,7	27,2	43,8	56,8	57,6	52,5

Если при начальном образовании качество ответственности присуще 66,7 % опрошенных, по их собственной оценке, то при среднем неполном – 68,1, среднем общем – 75,7, среднем специальном – 79,5, высшем – 82,7 %. Наблюдается рост положительных оценок от начального к высшему на 16 п. п. Аналогично распределены ответы и по большинству других качеств. Однако такая линейная логика нарушается там, где высшее образование уступает среднему специальному и разница между ними оказывается статистически значимой. Это характерно для таких личностных качеств, как умение рисковать: среднеспециальное – 38,6 %, высшее – 30,5, разница 8,1 п. п.; адаптивность, соответственно, 61,6, 54,5, разница 7,1 п. п.; энергичность – 57,6, 52,5 – разница 5,1 п. п. Небольшие отличия в пользу среднего специального образования характерны также для предприимчивости – 40,9 % и 37,6, самостоятельности – 74,3 и 72,7 и требовательности – 56,3 и 54,5 %. На наш взгляд, это связано с тем, что в настоящее время высшее образование, особенно платное, воспринимается как общий жизненный ресурс в широком социокультурном и психологическом контексте, и не сводится только к профессионализации и работе по специальности. Среднее специальное образование таких метаморфоз не претерпело: в нем по-прежнему доминирующей остается, главным образом, целевая направленность на профессию и работу, а другие возможности ограничены.

5. Взаимозависимость личностных качеств

Поскольку процедура опроса допускала свободный выбор любого числа из предложенных качеств и их оценивание применительно к себе, то в каждом индивидуальном пакете качества связаны только тем, что они принадлежат конкретному респонденту. В то же время обобщенные оценки позволяют говорить о значимости каждого конкретного качества для тех или иных социальных групп и всей выборочной совокупности, а также о связи и обусловленности качеств. Матрица взаимных сочетаний личностных качеств (табл. 2.4) информативна как по столбцам, так и по строкам.

Таблица 2.4.

Матрица взаимных сочетаний личностных качеств

Качество	Дисциплинированность	Инициативность	Исполнительность	Ответственность	Самообразование	Предприимчивость	Работоспособность	Самостоятельность	Целеустремленность	Самоорганизованность	Требовательность	Адаптивность	Умение рисковать	Энергичность
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	–	49,5	88,9	89,9	38,3	40,3	81,7	78,6	52,5	51,2	63,6	60,0	36,2	58,5
2	83,5	–	88,5	87,0	50,0	59,2	84,7	84,8	67,6	64,1	70,9	71,0	55,4	73,7
3	86,7	52,3	–	92,0	38,0	40,6	83,4	78,8	52,6	51,9	63,3	60,7	37,6	58,9
4	84,8	49,7	89,0	–	37,9	39,6	80,4	79,0	52,1	51,4	62,5	59,5	37,3	58,0
5	83,3	65,9	84,8	87,4	–	61,5	85,7	84,7	70,0	69,2	73,1	72,5	52,2	71,5
6	79,4	70,7	82,0	82,8	55,8	–	87,6	87,0	72,5	66,9	69,2	76,8	61,5	78,0
7	81,5	51,2	85,4	85,2	39,3	44,3	–	79,8	54,9	51,1	62,6	63,2	40,8	63,1
8	81,7	53,4	84,0	87,1	40,5	45,9	83,1	–	58,4	55,4	63,3	63,9	42,5	63,2
9	83,4	65,1	85,6	87,8	51,2	58,4	87,4	89,2	–	70,5	72,7	72,6	55,5	77,1
10	85,6	65,0	89,1	91,2	53,2	56,8	85,6	89,2	74,2	–	75,8	73,7	51,5	74,6
11	85,8	58,0	87,6	89,4	45,3	47,4	84,6	82,2	61,8	61,2	–	69,6	46,0	66,8
12	80,3	57,5	83,3	84,4	44,6	52,1	84,6	82,2	61,1	58,9	69,0	–	52,9	72,0
13	74,4	69,0	79,3	81,4	49,4	64,1	84,1	84,0	71,8	63,4	70,1	81,3	–	83,3
14	80,8	61,6	83,3	84,9	45,4	54,6	87,2	83,9	66,9	61,5	68,3	74,3	55,9	–
Всего по выборке	71,3	43,2	75,0	78,7	32,8	36,2	71,5	68,6	44,9	42,6	52,8	53,3	34,7	51,7

Как читать матрицу? Для примера рассмотрим связь дисциплинированности и умения рисковать, используя первую позицию шкалы, выражающую наличие качеств «в достаточной степени». Итак, к дисциплинированным отнесли себя 1475 человек, или 71,3 % от выборочной совокупности 2068 человек, к умеющим рисковать – 718 человек, или 34,7 %. Но среди дисциплинированных 534 человека отметили и такое качество, как умение рисковать, что составляет 36,2 % от 1475 человек. Это значит, что умеющих рисковать среди дисциплинированных на 1,5 % больше, чем во всей выборке в среднем (строка 1 столбик 13). А среди умеющих рисковать 74,4 % присуще качество дисциплинированности, что на 3,1 и. и. больше среднего (столбик 1 строка 13). Таким образом, продвигаясь по строке 1 матрицы, мы выявляем, насколько тесно связана дисциплинированность со всеми другими качествами. Количественно это выражается в удельном весе тех, кто вслед за отмеченным ими личностным качеством дисциплинированности признал также присущими себе и неко-

торые иные качества. Данные показывают, что существует самая тесная связь дисциплинированности с такими качествами, как ответственность – среди дисциплинированных 89,9 % считают себя ответственными, при среднем по выборке 78,7; исполнительность – 88,9 (среднее – 75,0); работоспособность – 81,7 (71,5); самостоятельность – 78,6 (68,6 %). В то же время, читая матрицу по вертикали (столбик 1), можно отметить, что дисциплинированных среди ответственных 84,8 %, среди исполнительных – 83,5, среди работоспособных – 81,5, самостоятельных – 81,7 %. Эти качества действительно образуют единый блок, в котором связи между ними близки к линейным, что позволяет по информации об одном из них предсказывать с большой вероятностью наличие других. Что касается функционального блока качеств, то их связь с дисциплинированностью можно оценить как средний уровень. Так требовательных среди дисциплинированных – 63,6 %, адаптивных – 60,0, энергичных – 58,5, целеустремленных – 52,5, самоорганизованных – 51,2 % (строчка 1). Еще четыре личностных качества слабо связаны с дисциплинированностью. Как отмечалось, среди дисциплинированных только 36,2 % указали на присущее им умение рисковать, 38,3 – стремление к самообразованию, 40,3 – предприимчивость, 49,5 % – инициативность. Однако в подгруппах, выделенных по одному из этих качеств, дисциплинированность оценивается выше среднего: среди стремящихся к самообразованию 83,3 % дисциплинированных при среднем 32,8, среди предприимчивых – 79,4 (36,2), умеющих рисковать – 74,4 (34,7), инициативных – 83,5 (43,2 %). Показательно и то, что в этом инструментальном блоке внутренние связи личностных качеств достаточно сильны и положительны. Например, среди предприимчивых 70,7 инициативных, при среднем 43,2; 55,8 – стремящихся к самообразованию (среднее – 32,8), 61,5 – умеющих рисковать (среднее – 34,7 %).

Таким образом, данные табл. 2.4 показывают, что сочетание личностных качеств подчиняется логике комплементарности (дополнительности) внутри каждого блока. Как такое может быть, если респондент руководствуется исключительно субъективным произволом – такой вопрос задают не только обычные граждане, но и некоторые представители современной социологической науки. Им кажется, что анонимный ответчик может обводить кружками в анкете все что угодно, что он непременно будет стремиться приукрасить себя, зависить оценки, если это ему выгодно, и т. и. Несколько отвлекаясь, поясним ситуацию. Народная мудрость давно установила, что врать стократ сложнее, чем говорить правду. Это наблюдение после тщательной экспериментальной проверки положено в основу удивительного прибора под названием «Полиграф» (детектор лжи). Нужно обладать уникальной подозрительностью, что бы представить, как сотни сограждан-респондентов просчитывают варианты подачи себя или искажения объективной картины. Все проще. Люди отвечают то, что они знают или чувствуют; возможные искажения – вольные или невольные – взаимно гасятся.

В нашем исследовании самооценки качеств психологически соотносятся: а) с ролевыми ожиданиями, т. е. требованиям дела, которым занят человек, – работа, учеба, хозяйственные заботы у пенсионеров и др.; б) с представлениями о референтах возможных идентификаций. Поэтому, например, базовые качества выбраны подавляющим большинством опрошенных. Они действительно дополняют друг друга, создавая экзистенциальный фундамент жизнеспособности индивида, социальной группы и общества в целом. Индекс значимости личностных качеств функционального блока заметно снижается по сравнению с базовым: от 75,4 по качеству самостоятельности до 53,3 адаптивности. Но внутренние связи между функциональными качествами достаточно тесны, что позволяет усиливать, а при необходимости и заменять одно качество другим. Например, среди энергичных 74,3 умеющих адаптироваться к любым условиям при среднем 53,3. Это значит, что при недостатке энергичности ее может заменить высокая адаптивность.

Оценки инструментальных качеств сравнительно невысоки. Это связано с тем, что они в нашем обществе пока не приобрели самооценного и самодостаточного значения. Для большинства эти качества выступают только как вспомогательное средство для решения некоторых практических вопросов; тем, у кого такие вопросы решаются без риска, предприимчивости и инициативы и т. д., развитие в себе таких качеств представляется излишним.

6. Качественная идентификация основных социальных групп

Представители каждой социальной группы, оценивая свои личностные качества, создавали одновременно совместными усилиями и обобщенный портрет своей группы. Такое интроспективное оценивание обладает определенными преимуществами по сравнению с экспертными методами, социометрией, ГОЛ – групповые оценки личности. Здесь осуществляется внутренняя валидизация методики: во-первых, каждый идентифицирует себя, рисует свой образ, в отличие от ситуации, когда предлагается охарактеризовать других, например, современного руководителя, молодого человека и т. и. Во-вторых, различия между группами показывают, что тем самым создается и обобщенный портрет, который по многим признакам отличается от смежных. Данные, приведенные в табл. 2.5, позволяют выявить определенность качественных идентификаций каждой социальной группы, а также различия между ними. Рассмотрим автопортреты основных социальных групп белорусского общества, нарисованных их представителями.

Таблица 2.5.

Распределение репрезентирующих признаков по социально-статусным группам, %

№	Качество	Руководители	Служащие	Рабочие	Предприниматели	Крестьяне	Студенты, учащиеся	Пенсионеры	Безработные
1	Дисциплинированность	83,6	79,8	68,3	58,8	69,1	60,9	70,5	49,9
2	Инициативность	53,8	52,3	42,4	53,9	42,8	49,3	32,7	38,4
3	Исполнительность	83,2	82,8	78,3	63,1	76,7	58,8	65,3	56,3
4	Ответственность	87,6	84,6	78,2	70,2	74,5	65,0	70,1	56,4
5	Потребность в самообразовании	40,8	43,2	33,3	38,4	29,8	42,2	19,1	29,9
6	Предприимчивость	46,4	36,2	39,4	62,2	32,1	53,1	20,8	33,2
7	Самостоятельность	79,8	73,9	72,0	69,2	75,2	69,5	59,6	56,5
8	Целеустремленность	59,4	48,9	45,4	54,9	43,4	58,4	30,9	37,4
9	Самоорганизованность	55,2	52,6	39,4	53,7	41,4	43,3	34,4	40,7
10	Требовательность	63,8	62,1	56,7	39,8	50,9	44,8	47,5	44,7
11	Адаптивность	61,9	62,3	57,2	53,8	58,1	68,5	35,1	43,8
12	Умение рисковать	35,7	32,7	35,1	46,9	37,9	63,4	18,7	39,3
13	Работоспособность	80,2	78,0	80,8	78,5	87,5	68,0	53,9	55,8
14	Энергичность	59,9	56,7	54,4	52,9	54,5	78,4	31,6	46,2

Автопортрет руководителя. В опросе приняли участие 150 руководителей высшего, среднего и низшего звеньев. По всем качествам обобщенные оценки руководителей выше средних по выборке. По пяти базовым личностным качествам – дисциплинированность, исполнительность, ответственность, самостоятельность и работоспособность – руководи-

тели превосходят все другие социальные группы за одним исключением: крестьяне оценили качество своей работоспособности выше, чем руководители, соответственно, 87,5 % и 80,2 при среднем значении 71,5 %. Что касается функциональных качеств, то руководителей превзошли студенты по энергичности на 18,5 и. и. (78,4 % и 59,9); по адаптивности – на 6,6 и. и. (68,5 и 61,9) и почти сравнялись по целеустремленности (58,4 и 59,4 %).

В блоке инструментальных качеств руководители проявили если не консерватизм, то заметную сдержанность. В силу этого они отстали по потребности в самообразовании от служащих и студентов почти на 3,0 и. и.; по предприимчивости на 15,8 и. и. – от предпринимателей (62,2 % и 46,4 %), на 6,7 и. и. – от студентов (63,1 % и 46,4 %); по готовности к риску – на 11,2 и. и. от предпринимателей (46,9 % и 35,7 %), на 2,2 и. и. – от крестьян, на 27,7 и. и. – от студенчества, и даже на 3,6 и. и. от безработных (39,3 % и 35,7 %); по инициативности – немного уступают предпринимателям – 53,9 и 53,8 %. Характерно также и то, что при оценке базовых качеств ни один руководитель не заявил об их отсутствии, что естественно и понятно. Однако признались, что не обладают предприимчивостью 6,9 %, потребностью в самообразовании – 7,5, самоорганизованностью – 5,0, инициативностью – 1,9, умением рисковать – 15,3 % руководителей. Кроме того, не хватает, по самооценке, требовательности – 3,0 %, энергичности – 2,5, адаптивности – 1,7, целеустремленности – 0,75 %. Одним словом, автопортрет современного руководителя оказывается заметно перекошенным. Отказ некоторой части от референции таких личностных качеств, как предприимчивость, умение рисковать, инициативность, можно хоть как-то объяснить, скажем, тем, что вышестоящий руководитель ограничивает, или наоборот, позволяет перекладывать на других тот же риск, инициативность, предприимчивость. Но как можно быть руководителем любого уровня при отсутствии у 5 % (самооценка) самоорганизованности или недостатке целеустремленности, потребности в самообразовании, требовательности – это понять трудно.

Автопортрет студенчества. Несмотря на то, что в эту группу вошло и некоторое число старшеклассников, мы будем называть ее студенчеством, ибо школьники, как правило, становятся студентами, или уже стали ими. В этой группе на первое место поставлено такое личностное качество, как энергичность – 78,4 %. Далее следуют: самостоятельность – 69,5 %, адаптивность – 68,5, работоспособность – 68,0 %. И лишь затем с удельным весом ниже среднего идут такие базовые качества, как ответственность – 65,0 %, дисциплинированность – 60,0, исполнительность – 58,8 %. Ранее отмечалось, что в данной группе высоко поставлено умение рисковать – 63,4 %, по которому студенты обошли руководителей и предпринимателей, а также целеустремленность – 58,4 (у предпринимателей – 53,1), потребность в самообразовании – 42,2, инициативность – 49,3, при среднем 43,2 %. Вместе с тем ниже среднего – требовательность – 44,8 %, при среднем 52,8, и близка к среднему самоорганизованность – 43,3 % (42,6). Студенты, можно сказать, создали достаточно реалистичный и объективный автопортрет. Конечно, им не очень нравится требовательность, поскольку часто она воспринимается как внешняя регламентация, а ее внутренний смысл, т. е. обращенность к самому себе, далеко не всем пока понятен. Это же касается и дисциплинированности, ответственности, исполнительности. Можно допустить, что и самоорганизованность оценивается не столько как структурированность мышления и действия, сколько как нечто ограничивающее и второстепенное. Но лидирующее качество энергичности, а также высокозначимые качества целеустремленности, инициативности, самообразования и умения рисковать свидетельствуют не только о физическом, но и несомненном инновационном потенциале данной социальной группы.

Автопортрет служащих. Социальная группа служащих неоднородна по своему составу. Можно отметить, что в содержании понятия служащих преемственно сохраняются некоторые особенности прежнего многозначного употребления термина. Напомним, что в

трехчленной модели классовой структуры советского общества выделялась интеллигенция, как слой (прослойка) между основными классами рабочих и крестьян. Интеллигенция определялась по критерию образования – высшее или среднее специальное – что и создавало возможность занятия преимущественно умственным трудом и выполнения особых – главным образом креативных, – функций в общественном производстве и других сферах жизни. Но это было теоретическое (аналитическое) выделение, оно использовалось в научных разработках. В паспортных данных о социальном происхождении и социальном положении, в других учетных документах применялась категория служащих. К ним относили не только интеллигенцию (по образованию), но и многих работников, род занятий которых не требовал высокого образования – вспомогательный, обслуживающий персонал и др. Сегодня, в связи с появлением новых профессий и развитием сферы услуг, критерии отнесения к служащим размываются, и иногда при заполнении паспортной карточки респонденты затрудняются с определением своего социального положения. Все эти моменты необходимо учитывать при анализе данных о качественных идентификациях данной социальной группы.

Анализ показывает, что по четырем базовым качествам служащие близки к руководителям: ответственность – 84,6 % (у руководителей – 87,6), исполнительность – 82,8 (83,2), дисциплинированность – 79,8 (83,6), работоспособность – 78,0 % (80,2). Но по самостоятельности на 5,9 и. е. служащие отстают от руководителей, соответственно, 73,9 % и 79,8 %, что вытекает из особенностей ролевых ожиданий и функциональных обязанностей многих служащих. Это подтверждается и тем, что потребность в самообразовании у служащих выше всех других групп, в том числе и студенчества. Эту ситуацию можно объяснить тем, что многие из них – операторы, референты, младшие банковские работники, секретари и др. – заинтересованы в карьерном росте, ищут возможности повышения квалификации, учатся на курсах или в учебных заведениях. Однако в целом группа служащих отстает от руководителей, предпринимателей и студентов по таким важным для мобильности качествам, как целеустремленность, предприимчивость, инициативность и умение рисковать.

Автопортрет предпринимателей. Специфическая черта качественной идентификации данной группы в том, что базовые качества, столь резко и однозначно выделенные руководителями, здесь заметно приглушены, как бы затушеваны. Некоторые из них оказываются ниже или близки к среднему по выборке. Так, ответственность у предпринимателей 70,2 %, при среднем 75,7, исполнительность – 63,1 (73,1), дисциплинированность – 58,8 (71,3), самостоятельность 69,2 % (68,6). И только работоспособность поставлена предпринимателями на первое место – 78,5 %, что выше среднего – 71,5, но отстает от руководителей – 80,2, рабочих – 80,8, и особенно, крестьян – 87,5 %. Крайне низкий уровень требовательности – 39,8 (среднее – 52,8) – последнее место среди всех социальных групп, в том числе и безработных. Скорее всего, это связано с тем, что многие индивидуальные предприниматели осуществляют свою деятельность самостоятельно или с участием членов своей семьи. Из опыта известно, что в таких условиях требовательность модифицируется и переходит в реципрокное доверие на основе родственных отношений.

В то же время предприниматели занимают лидирующие позиции по таким качествам, как инициативность – 53,9 %, при среднем 43,2, предприимчивость – 62,2 (36,1), умение рисковать – 46,9 (34,7), целеустремленность – 54,9 % (44,9). Выше среднего также показатели адаптивности – 53,8 (53,3), энергичности – 52,9 (51,7), самоорганизованности – 53,7 % (42,6).

В целом, автопортрет, нарисованный современными белорусскими предпринимателями, является незаконченным. В нем намечены контуры тех качеств, которые атрибутивны для данной группы – работоспособность, предприимчивость, умение рисковать, инициативность. Однако в оценке многих качеств – требовательности, дисциплинированности, ответственности, исполнительности и др. – заметно стремление уйти от некоторого, по

их представлению, стереотипного образа наемного работника – послушного, исполнительного, избегающего риска, инициативы, предприимчивости и т. д. Думается, что, если первая линия, безусловно, верна, позитивна и оправдана, то вторая – скорее ситуационна и требует серьезного рефлексивного анализа, что и приведет со временем к ее корректировке.

Автопортрет рабочих. Самооценки данной социальной группы вполне умеренны и реалистичны; они колеблются в пределах 5 % вокруг средних значений по выборке. Единственное качество, по которому рабочие поставили себя выше руководителей, служащих, предпринимателей и студентов, кроме крестьянства, – это работоспособность: 80,8 % при средней 71,5 %. Небольшие отклонения в сторону превышения средней по таким качествам, как исполнительность – 78,3 %, при среднем 73,1, ответственность – 78,2 (75,7), адаптивность – 57,2 (53,3), требовательность – 56,7 (52,8), энергичность – 54,4 (51,7), предприимчивость – 39,4 (36,1), целеустремленность – 45,4 (44,9), потребность в самообразовании – 33,3 (32,8), умение рисковать – 35,1 % (34,7). Вместе с тем по трем качествам самооценки рабочих ниже среднего: дисциплинированность – 68,3 % (71,3), инициативность – 42,4 (43,2) и самоорганизованность – 39,4 % (42,6). Вряд ли здесь можно обнаружить стремление приукрасить личный или групповой портрет, скорее, следует говорить о практической задаче воспитания (повышения) личностных качеств дисциплинированности, инициативности, и особенно самоорганизованности.

Автопортрет крестьянства. По базовым качествам крестьяне близки к рабочим. Как уже отмечалось, свою работоспособность они оценили выше, чем все другие социальные группы: 87,5 % при средней 71,5, т. е. разница 16,0 и. и. является существенной и статистически значимой. Выше средней так же оценки исполнительности – 76,7 %, самостоятельности – 75,2, адаптивности – 58,1, умения рисковать – 37,9, энергичности – 54,5 %. Однако по ряду качеств оценки ниже средних. Если сравнивать с рабочими, то эти группы близки по дисциплинированности – 69,1 %, самостоятельности – 75,2, инициативности – 42,8, самоорганизованности – 41,4 %. Хотя, обе они по этим качествам ниже средней величины по выборке. От рабочих крестьяне отстают по требовательности – 50,9, целеустремленности – 43,4, предприимчивости – 32,1, потребности в самообразовании – 29,8 %. Последний показатель ниже только среди пенсионеров. Очевидно, что эти качества, по которым крестьяне отстают от других групп, имеют большое значение, как для самореализации личности, так и для инновационного развития современного сельского хозяйства страны.

Автопортрет пенсионеров. Прежде всего отметим, что прямое сравнение пенсионеров с активными в деловом смысле группами некорректно. Но анализ автопортрета пенсионеров помогает понять и эмпирически подтвердить тенденции изменений личностных качеств с возрастом. Для наглядности целесообразно сопоставить пенсионеров со студенчеством. Как видно из табл. 2.5, базовые качества пенсионеров остаются на достаточно высоком уровне, более того, превосходят заметно студенческую группу. Так, дисциплинированность у пенсионеров 70,5 %, у студентов – 60,9, ответственность – 70,1 (65,0), исполнительность – 65,3 (58,8), требовательность – 47,5 (44,8 %). Вполне объяснимо резкое снижение у пенсионеров энергичности – 31,6 (78,4), адаптивности – 35,1 (68,5), готовности к риску – 18,7 (63,4), стремления к самообразованию – 19,1 (42,2), предприимчивости – 20,8 % (53,1). Эти изменения вызываются не столько переменной статуса, сколько естественным уменьшением физических сил. Однако примечательно то, что по весьма значимым личностным качествам снижение, по сравнению со студенчеством, далеко не столь велико, как это иногда представляется на обыденном уровне. Например, самостоятельность – 59,6, у студентов – 69,5, работоспособность – 53,9 (68,0), самоорганизованность – 34,4 (43,3), целеустремленность – 30,9 (58,4), инициативность – 32,7 (49,3). Таким образом, пенсионеры имеют преимущества перед студентами по четырем базовым личностным качествам, по пяти отстают, но не радикально, и по пяти достаточно заметно. Разница по этим качествам столь значи-

тельна, что исключает замену, скажем, при острой производственной необходимости, на тех рабочих местах, где эти личностные качества – энергичность, предприимчивость, адаптивность, умение рисковать и стремление к самообразованию – являются доминантными. Во всех других случаях базовая устойчивость и опыт пенсионеров вполне компенсируют снижение энергичности и других физических качеств.

Автопортрет безработных. В ходе опроса 56 респондентов, оказавшихся в ситуации временно неработающих, дали самооценку своих личностных качеств. Не обсуждая вопрос о репрезентативности и аутентичности нарисованного ими автопортрета, отметим некоторые его особенности. Во-первых, сравнительно низкий уровень самооценки по базовым качествам: ответственность – 56,4, при среднем 75,7, исполнительность – 56,3 (73,1), работоспособность – 55,8 (71,5), дисциплинированность – 49,9 (71,3 %). Поскольку эти качества являются экзистенциальными, то их недостаточность, не говоря уже об отсутствии, создает большие трудности в поиске места работы и ее надлежащем исполнении. Трудно представить в современных условиях такую работу, на которой ответственность, дисциплинированность, исполнительность имели бы второстепенное значение. Если эти самооценки верны, то они показывают, в чем основное препятствие для трудоустройства данной категории. Во-вторых, функциональный и даже инновационный потенциал безработных не так уж и мал. По многим качествам они хоть и отстают от средних значений, но не намного. Например, самостоятельность – 56,5 % при среднем 68,6, потребность в самообразовании – 29,9 (32,8), предприимчивость – 33,2 (36,1), целеустремленность – 37,4 (44,9), самоорганизованность – 40,4 (42,6), адаптивность – 43,8 % (53,3). По умению рисковать – 39,3 % при средней 34,7 данная категория выше не только средней, но, даже, руководителей – 35,7, служащих – 32,7, рабочих – 35,1 и крестьян – 37,1, а по инициативности близка к среднему значению, соответственно, 38,4 и 43,2 %. В-третьих, судя по этим данным, у части опрошенных безработных завышенные притязания на фоне некоторого пренебрежения (осознанного или неосознанного) к тем исходным общепринятым ролевым требованиям, которым должен соответствовать работник. В этом, возможно, и состоит некоторое внутреннее противоречие (психологический конфликт), разрешить которое можно путем самозанятости, индивидуального предпринимательства, открытия любого самостоятельного дела. Это как раз и позволило бы понять на собственном опыте, как важно, чтобы способности к предприимчивости, инициативности, риску разумно сочетались с общими нормами трудового и любого другого поведения.

7. Личностные качества и инновационная активность

В деловой активности субъекта деятельности можно выделить по критерию наличия элементов творчества три уровня: репродуктивный, эвристичный и инновационный. Репродуктивный уровень – это деятельность по образцам (шаблонам), производство одного и того же массового продукта. При самой добросовестной и энергичной работе субъект воспроизводит заданные или первоначально найденные способы действия, опираясь психологически на традицию. Творческое начало здесь минимально, в нем нет и объективной потребности, более того, попытки отдельных работников внести изменения в организацию и технологию процесса воспринимаются как нарушение привычного и устоявшегося хода событий.

Эвристичная активность возникает в рамках репродуктивной и направлена на усовершенствование отдельных формальных приемов или орудий, – например, замена серпа на косу при жатве, гусиного пера на авторучку и т. п., -при сохранении общей логики и смысла деятельности. Субъектами эвристичной активности становятся отдельные члены сообщества, обладающие повышенной рефлексивностью, аналитическими способностями, энергичностью и др.

Инновационная активность – самый высокий уровень творчества. Здесь каждый новый эвристический прием не завершает поиск и не откладывает его на будущее, для потомков, а становится самостоятельной проблемой – началом кардинального изменения процесса деятельности, затрагивающего нормы, ценности и условия жизни социума в целом. Такая активность перестает быть делом отдельных интеллектуалов-ученых, новаторов, изобретателей, она захватывает и требует массовой поддержки и участия всех уже тем, что создает новые специальности и рабочие места, меняет профессиональный состав, формы занятости и оплаты труда, мобильность населения и т. д. В психологическом плане инновационная активность дистанцируется от традиционных представлений в сфере сознания и привычного уклада жизни. Вместе с тем такой отрыв не должен быть одномоментным, как известная «шоковая терапия», и революционным в смысле уничтожения прошлого «до основания».

Анализ личностных качеств населения Беларуси показывает, что наиболее устойчивыми и высоко представленными в структуре личности являются базовые качества: ответственность, исполнительность, дисциплинированность и работоспособность. Подавляющее большинство респондентов – около 75 % – признали, что эти качества присущи им в достаточной степени, еще 20 % хотели бы их развивать и только 2–3 % отметили их отсутствие. Учитывая экзистенциальный характер базовых качеств, такое распределение можно признать позитивным. Однако, с точки зрения уровня активности, сами по себе эти качества эффективны главным образом для первого – репродуктивного уровня, опирающегося на традицию. Именно этим объясняется меньшая представленность базовых качеств (ниже среднего) в личностной структуре студентов и предпринимателей.

Функциональные качества – самостоятельность, требовательность, адаптивность, энергичность и самоорганизованность – несколько отстают по представленности в личностной структуре респондентов. Как известно, эти качества обеспечивают успешное функционирование в ролях, т. е. выполнение требований конкретного вида деятельности. Здесь необходима и оправдана эвристичная активность, направленная на усовершенствование формальных, т. е. установленных регламентом и другими нормативными положениями, приемов и способов выполнения предписанных действий и операций. В целом, этот уровень является достаточно развитым.

Что касается личностных качеств, определяющих инновационную активность, то они не получили достаточного выражения в самооценках респондентов. Нельзя сказать, что они отсутствуют, – все-таки 36,2 % опрошенных отметили характерную для себя предприимчивость, 32,8 – потребность в самообразовании, 34,7 – умение рисковать, 43,2 – инициативность, 44,9 % – целеустремленность. Но их распространенность недостаточна с точки зрения стоящих сегодня перед страной задач и ставки на человеческий потенциал. Среди социальных групп здесь выделяются студенты и предприниматели. Но студенты – это потенциал будущего и важно, чтобы он не потерялся при встрече с реальными проблемами производства, социальной сферы и др. Сравнительно небольшая группа предпринимателей заслуживает поддержки уже за то, что она не просто разделяет инновационные качества, но и в определенном смысле культивирует их. К сожалению, далеко не все руководители, особенно низшего звена, могут служить в этом примером. Как отметил В. Цепкало, обобщая опыт работы Парка высоких технологий, «не все наши руководители пока даже понимают, что такое информационные технологии и зачем они нужны»²⁶⁸. Думается, что проведенный анализ имеет не только теоретическое, но и практическое значение для совершенствования работы с персоналом.

²⁶⁸ СБ. Беларусь сегодня. 2010. 26 нояб.

2.2. Социальная природа нигилизма: социологический анализ

7. Постановка проблемы

В социологии нигилизм как социокультурное явление не получил сколько-нибудь заметного освещения; в социологическом словаре нет даже такого термина. Это связано с тем, что в ряде философских учений и направлений искусства ему придан сюрреалистический оттенок: отрицание ради отрицания, обесмысливание человеческой жизни, абсурдность бытия, хаотизация мира и т. и. Если обратиться к известным философским определениям, то нетрудно заметить, что в них инвариантен только предикат «отрицание», без указания, что отрицается, ради каких целей и т. д. Такие термины, как писал Р. Мертон, «рассматриваются многими неспециалистами как оскорбление их интеллекта и преступление против общедоступности науки»²⁶⁹. Но и для профессионального социолога серьезной проблемой является интерпретация и операция-лизация таких понятий, как «нигилизм». Вполне очевидно, что ось «отрицание-утверждение» – одна из линий повседневной жизнедеятельности каждого человека. Никто из здравомыслящих людей не может бездумно все отрицать или, наоборот, принимать. Постоянный процесс селекции условий, факторов и другого осуществляется таким образом, чтобы на место того, что отрицается (устраняется) поставить нечто новое лучшее (идея перфекционизма, т. е. усовершенствования). Нигилизм в ницшеанском варианте требует «переоценки ценностей», но для целей эмпирического анализа это ничего не меняет, пока не конкретизированы аксиологические объекты.

На первый взгляд может показаться, что в современном мире нигилизм если и сохранился, то только в некоторых направлениях философии – экзистенциализм, постмодернизм и др., искусства – сюрреализм, декаданс, дадаизм и пр., в интеллектуальных играх, типа известных «поддавков». Стоит, однако, присмотреться внимательнее, как обнаруживаются его проявления в разных сферах повседневной практической жизни и деятельности. Безусловно, он мимикрирует, маскируется, стремится к внешне благообразным формам и ипостасям. Кто сегодня скажет, как Ницше, что «макиавеллизм, во всей своей силе, – сверхчеловечен, божественен, трансцендентен»²⁷⁰. Кто повторит за Базаровым: «В теперешнее время полезнее всего отрицать – мы отрицаем». А ведь совсем недавно отрицание «этой страны» (имелся в виду СССР) со всеми ее ценностями для некоторых было не просто полезно, но и весьма выгодно, чем и воспользовались.

Современный нигилизм многолик, но суть его прежняя – циничное попрание нравственных норм, укорененных в ценностном сознании социума, сегрегация (отделение, удаление) тех, кто придерживается иного образа мысли и жизненных смыслов. Что такое коррупция, nepотизм (кумовство), клановость, лоббизм, если не нигилизм относительно общепринятых норм и идеалов. А сознательное расшатывание семейных устоев, института брака, деторождения новоявленными «скопцами», в числе которых и представители меньшинств, и гедонисты разных толков. Сюда же следует отнести и финансовых спекулянтов, пирамидостроителей, лохотронщиков, рэкетиров, приватизаторов (без выкупа) и пр. Казалося бы, фундаменталистов следовало бы отнести в другой лагерь – так называемого пассивизма, т. е. приверженцев прошлого, но это лишь формальное отличие, содержательно же они воинственно нигилизируют смысл и ценности настоящего.

²⁶⁹ Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 439.

²⁷⁰ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2006. С. 152.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.